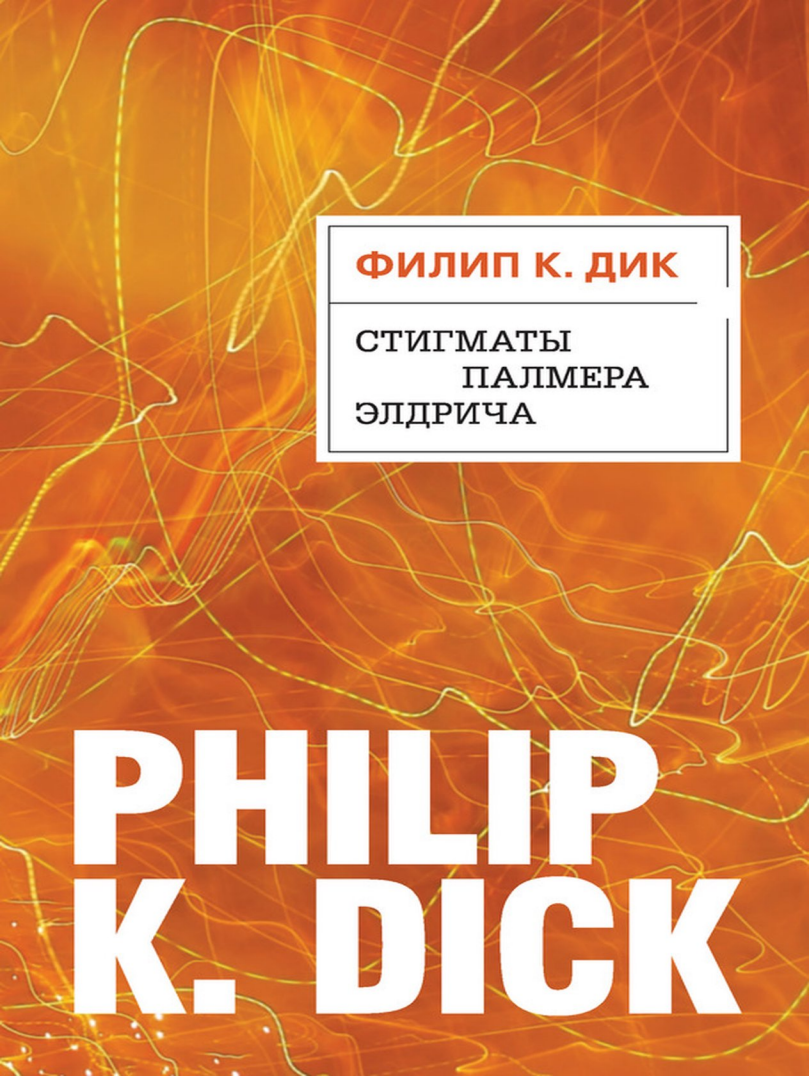

ФИЛИП К. ДИК
СТИГМАТЫ ПАЛМЕРА ЭЛДРИЧА
PHILIP K. DICK

Стигматы Палмера Элдрича
Филип Киндред Дик

Аннотация
Филип К. Дик. Стигматы Палмера Элдрича
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13

Аннотация

На Земле глобальное потепление, идет вынужденная колонизация ближайших планет.

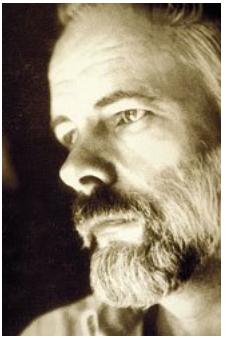
Из экспедиции на Проксиму Центавра возвращается загадочный Палмер Элдрич и привозит с собой в подарок человечеству секрет бессмертия. И окружающая реальность вдруг начинает разрушаться, превращаясь в иллюзию, где Элдрич обладает чудовищной властью бога.

Классический роман Дика, получивший премию Британской ассоциации научной фантастики и номинированный на премию Небьюла.

Филип К. Дик
Стигматы Палмера Элдрича

Philip K. Dick
The Three Stigmata Of Palmer Eldritch
Copyright © 1964, Philip K. Dick.
Copyright renewed © 1992, Laura Coelho,
Christopher Dick and Isa Hackett.
All rights reserved
© К. Плешков, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018
Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

***

Филип Киндред Дик (1928–1982) написал 121 рассказ и 45 романов, переведенных более чем на 25 языков. Он признан одним из самых ярких визионеров современности. ПО многим произведениям сняты кинофильмы и сериалы, такие как «Бегущий по лезвию», «Вспомнить все», «Особое мнение», «Человек в Высоком Замке», «Электрические сны Филиппа К. Дика» и другие.

***

«Психоделическая одиссея».
Boston Globe

Глава 1

Проснувшись с необычайно сильной головной болью, Барни Майерсон обнаружил, что находится в незнакомой спальне в незнакомом доме. Рядом, натянув одеяло на обнаженные плечи, легко дыша, спала незнакомая девушка с белыми, как хлопок, волосами.

«На работу я наверняка опоздаю», — подумал Барни.

Он выбрался из постели и, пошатываясь, встал, не открывая глаз и с трудом сдерживая тошноту. Он был уверен, что до работы ему ехать по крайней мере несколько часов, а может быть, он вообще находился не в Соединенных Штатах, однако наверняка на Земле. Сила тяжести, из-за которой он с трудом держался на ногах, была привычной и нормальной.

А в соседней комнате возле диванчика стоял знакомый чемоданчик его психиатра, доктора Смайла.

Барни прошлепал босиком в гостиную и, сев рядом с чемоданчиком, открыл его, щелкнул переключателями и включил доктора Смайла.

Датчики ожили, и послышалось тихое жужжание.

— Где я? — спросил Барни. — И как далеко отсюда до Нью-Йорка?

Это было важнее всего. Он взглянул на часы, висевшие на стене кухни: 7.30. Не так уж и поздно.

Устройство, которое было переносным терминалом доктора Смайла, связанным по радио с компьютером в подвале дома Барни — Нью-Йорк, Реноун, 33, — металлическим голосом произнесло:

— А, это вы, мистер Байерсон.

— Майерсон, — поправил Барни, дрожащими пальцами приглаживая волосы. — Что ты помнишь о прошлой ночи?

С чувством глубокого отвращения он заметил стоявшие на буфете в кухне полупустые бутылки с бурбоном и содовой, лимоны, тоник и формочки для льда.

— Кто эта девушка?

— Эта девушка в постели — мисс Рондинелла Фьюгейт, — сообщил доктор Смайл. — Она просила, чтобы вы называли ее Рони.

Эти слова вызвали у него смутные воспоминания, каким-то непонятным образом связанные с его работой.

— Послушай, — сказал он чемоданчику, но тут девушка в спальне зашевелилась. Барни быстро закрыл доктора Смайла и поднялся, чувствуя себя смешно и неловко в одних трусах.

— Ты уже встал? — сонно спросила девушка. Она выбралась из-под одеяла и села, глядя на него. — Который час, и поставил ли ты воду для кофе?

«Довольно красивая, — отметил про себя Барни, — глаза большие, привлекательные».

Он прошагал на кухню и включил плиту. Хлопнула дверь — девушка пошла в ванную. Послышался шум воды. Рони принимала душ.

Вернувшись в гостиную, он снова включил доктора Смайла.

— Какое она имеет отношение к «Наборам П. П.»? — спросил он.

— Мисс Фьюгейт — ваша новая помощница. Она приехала вчера из Народного Китая, где работала для «Наборов П. П.» в качестве консультанта-прогностика по этому региону. Однако мисс Фьюгейт хотя и талантлива, но очень неопытна, и мистер Булеро решил, что небольшая практика в качестве вашей ассистентки… Я бы сказал, в качестве вашей подопечной, но это могло бы быть неправильно понято, учитывая…

— Великолепно, — сказал Барни.

Он прошел в спальню, нашел свою одежду, которую наверняка сам же бросил на пол, и начал медленно одеваться. Он все еще ужасно себя чувствовал и с трудом сдерживал тошноту.

— Все правильно, — сказал он доктору Смайлу, возвращаясь в гостиную и застегивая рубашку. — Я помню, мне в пятницу говорили о мисс Фьюгейт. Несмотря на свой талант, она допускает серьезные ошибки — например, с тем экспонатом с выставки о Гражданской войне в США… Представь себе, она думала, что он будет иметь оглушительный успех в Народном Китае. — Он рассмеялся.

Дверь в ванную чуть приоткрылась. Сквозь щель он увидел розовую, чистую Рони, вытирающуюся полотенцем.

— Ты меня звал, дорогой?

— Нет, — ответил Барни. — Я разговаривал со своим доктором.

— У каждого бывают ошибки, — немного неуверенно сказал доктор Смайл.

— Как это получилось, что мы с ней… — сказал Барни, делая жест рукой в сторону спальни. — Вот так, сразу?

— Химия, — сказал доктор Смайл.

— Давай яснее.

— Ну, вы оба ясновидцы. Вы предвидели, что в конце концов это произойдет, что вы почувствуете друг к другу сексуальное влечение. И вы решили — после нескольких рюмок, — что ждать не имеет смысла. Жизнь коротка, искусство…

Чемоданчик замолчал, так как Рони Фьюгейт появилась из ванной и, обнаженная, прошла мимо Барни, направляясь в спальню. Барни отметил, что у нее стройное тело и фигура в самом деле прекрасная, а ее маленькие острые груди заканчиваются сосками размером не больше чем пара розовых горошинок.

«Скорее, пара розовых жемчужин», — мысленно поправил он себя.

— Я хотела тебя ночью спросить, — сказала Рони Фьюгейт, — почему ты консультируешься с психиатром? Ты постоянно носишь этот чемоданчик с собой. Ты поставил его на пол, только когда… И он был у тебя включен вплоть до…

Она подняла брови и испытующе посмотрела на него.

— Однако тогда я его выключил, — подчеркнул Барни.

— Как ты считаешь, я красивая?

Стоя на цыпочках, она выпрямилась, вытянула

руки над головой и, к его удивлению, начала делать серию упражнений, подпрыгивая на месте и покачивая грудью.

— Ну конечно, — ошеломленно пробормотал он.

— Я бы весила тонну, — выдохнула Рони Фьюгейт, — если бы не делала каждое утро эту гимнастику, разработанную отделом вооружений ООН. Иди и налей кофе в чашки, хорошо, дорогой?

— Ты в самом деле моя новая ассистентка в «Наборах П. П.»? — спросил Барни.

— Да, конечно. Ты что, не помнишь? Ну да, я думаю, ты такой же, как большинство выдающихся ясновидцев. Ты так хорошо видишь будущее, что с трудом вспоминаешь прошлое. А, собственно, что ты помнишь о прошлой ночи?

Она сделала паузу в своих упражнениях, тяжело дыша.

— О, — сказал Барни, — наверное, все.

— Послушай. Ты таскаешь с собой психиатра только из-за того, что ты получил повестку. Правильно?

Поколебавшись, он кивнул. Это он помнил. Знакомый голубовато-зеленый продолговатый конверт пришел неделю назад. В следующую среду в военном госпитале ООН в Бронксе будут

проверять, здоров ли он психически.

— Помогло? Он… — она показала на чемоданчик, — сделал тебя достаточно больным?

Повернувшись к портативному доктору Смайлу, Барни спросил:

— Сделал?

Чемоданчик ответил:

— К сожалению, вы все еще вполне пригодны, мистер Майерсон. Вы можете выдержать стресс в десять фрейдов. Мне очень жаль. Однако у нас в запасе еще есть несколько дней. Мы только начали.

Войдя в спальню, Рони Фьюгейт взяла белье и начала одеваться.

— Подумать только, — вздохнула она. — Если вас призовут, мистер Майерсон, и отправят в колонию… может оказаться, что я займу ваше место.

Она улыбнулась, приоткрыв великолепные, ровные зубы.

Это была мрачная перспектива. И способность к ясновидению немногим ему помогла. Причина и следствие находились в идеальном равновесии, и сказать что-либо об окончательном результате было невозможно.

— Ты не справишься, — сказал он. — Ты не

смогла справиться даже в Китае, а это было относительно несложно с точки зрения анализа распределения вероятностей.

Однако когда-нибудь ей это удастся — Барни мог без труда это предвидеть. Она была молода и одарена выдающимся талантом. Единственное, что ей требовалось, чтобы с ним сравниться, — а он был лучшим в своей профессии, — это несколько лет практики. По мере того как он осознавал ситуацию, в которой оказался, он все яснее отдавал себе в этом отчет. Было весьма вероятно, что его призовут, а если даже и нет, то Рони Фьюгейт может отобрать хорошее, удобное место, до которого он добирался ступенька за ступенькой долгие тринадцать лет.

Довольно специфическое решение проблемы: отправиться с ней в постель. Интересно, как он до этого додумался?

Наклонившись, он тихо сказал доктору Смайлу:

— Я хочу, чтобы ты объяснил мне, с чего, черт возьми, я решил…

— Я могу ответить! — крикнула из спальни Рони Фьюгейт. Она только что надела довольно обтягивающий бледно-зеленый свитер и поправляла его перед зеркалом туалетного столика. — Ты

сказал мне это ночью, после пятого бурбона с содовой. Ты сказал… — Она не договорила, в глазах ее заблестели веселые искорки. — Это было не слишком изящно. Ты сказал: «Если нельзя их победить, надо их полюбить». Только вот мне жаль это говорить, но ты употребил несколько другой глагол.

— Гм, — пробормотал Барни и пошел на кухню налить себе кофе.

Во всяком случае, он находился недалеко от Нью-Йорка; раз мисс Фьюгейт работала в «Наборах П. П.», она не могла жить далеко от фирмы. Значит, они могут поехать вместе. Прекрасно. Интересно, похвалил бы их шеф, Лео Булеро, если бы об этом знал? Занимает ли фирма какую-то официальную позицию в отношении сотрудников, которые спят друг с другом? Почти по любому другому вопросу у нее имелась своя точка зрения… Хотя он не мог понять, как человек, проводящий всю жизнь на пляжах курортов Антарктики или в немецких клиниках э-терапии, в состоянии был разработать правила, охватывающие все сферы.

«Когда-нибудь, — сказал он себе, — я буду жить как Лео Булеро, вместо того чтобы торчать в Нью-Йорке на восьмидесятиградусной жаре…»

Внезапно он ощутил легкую дрожь под ногами,

пол затрясся. Это включилась система охлаждения. Начался новый день.

За окнами кухни из-за домов выглянуло горячее, недружелюбное солнце. Барни зажмурил глаза. День снова обещал быть очень жарким. Запросто дойдет до двадцати по Вагнеру. Чтобы это предвидеть, не надо быть ясновидцем.

В доме с высоким до убожества номером 492 на окраине города Мэрилин-Монро, штат Нью-Джерси, Ричард Хнатт с равнодушным видом завтракал, одновременно с еще более равнодушным видом просматривая утреннюю газету с информацией службы погоды за вчерашний день.

Основной ледник, Олд-Скинтоп, за последние двадцать четыре часа отступил на 4,62 грабля. А температура в Нью-Йорке в полдень была на 1,46 вагнера выше, чем два дня назад. Кроме того, влажность воздуха, вызванная испарением океана, возросла на 16 селкирков. Таким образом, стало еще более жарко и сыро; естественный процесс неумолимо шел к своему концу — вот только к какому? Хнатт отложил газету и взял почту, доставленную до рассвета… прошло немало времени с той поры, как почтальоны перестали ходить днем.

Первый счет, попавшийся ему на глаза, был обычным вымогательством за охлаждение квартиры; Хнатт задолжал администрации дома номер 492 ровно десять с половиной скинов за прошлый месяц, что означало надбавку в три четверти скина по отношению к плате за апрель.

«Когда-нибудь, — подумал он, — станет так жарко, что дом просто расплавится, и ничто его не спасет».

Он помнил тот день, когда его коллекция записей превратилась в бесформенную массу. Это было, кажется, в 2004 году — из-за временной аварии системы охлаждения дома. Теперь у него были железооксидные ленты, которые не плавились. Тогда же одновременно погибли все попугайчики и венерианские канарейки, которые жили в доме, а черепаха соседа сварилась в собственном панцире. Конечно, это случилось днем, и все — по крайней мере все мужчины — были на работе. Их жены сидели скорчившись на самом нижнем подземном этаже и думали (он помнил, как ему рассказывала об этом Эмили) о том, что в конце концов настал этот ужасный миг. Не через сто лет, но именно сейчас. Они думали, что прогнозы Калифорнийского технологического института не оправдались, но это,

конечно, было не так: просто оказался поврежден энергетический кабель нью-йоркской коммунальной службы. Роботы быстро приехали и починили его.

В гостиной сидела его жена в голубом халатике, терпеливо покрывая глазурью какой-то предмет из необожженной керамики. Глаза ее блестели… она ловко орудовала кисточкой, высунув кончик языка, и Хнатт был уверен, что вещь получится хорошая. Вид работающей Эмили напомнил ему о стоявшей перед ним сегодня задаче, которая была не из приятных.

— Может, стоило бы еще немного подождать, прежде чем с ним связываться? — проворчал он.

Не глядя на него, Эмили сказала:

— Мы никогда не сможем представить ему лучшей коллекции, чем сейчас.

— А что, если он скажет «нет»?

— Будем пытаться дальше. А чего ты ожидал — что мы откажемся лишь из-за того, что мой бывший муж не может или не хочет предсказать, каким успехом эти новые изделия будут пользоваться на рынке?

— Ты его знаешь, а я нет, — ответил Ричард Хнатт. — Надо полагать, он не собирается мстить? Вряд ли он чем-то недоволен.

А, собственно, чем мог быть недоволен бывший супруг Эмили? Никто его не обидел. Если уж на то пошло, то скорее было наоборот, по крайней мере так следовало из слов Эмили.

Это было странно — постоянно слышать о Барни Майерсоне, но не быть с ним знакомым и никогда с ним не встречаться. Теперь этому придет конец, поскольку сегодня в девять у него назначена встреча с Майерсоном в «Наборах П. П.». Конечно, все будет зависеть от Майерсона. Он может бросить один лишь взгляд на набор керамики и вежливо поблагодарить. Нет, он может сказать: «Наборы П. П.» это не интересует. Прошу верить моим способностям к предвидению, моему таланту прогнозирования моды и моему опыту…» И Ричард Хнатт уйдет с коллекцией вазочек под мышкой, не зная, куда податься.

Выглянув в окно, он с неудовольствием увидел, что уже стало слишком жарко, чтобы человек мог это вынести. Движущиеся тротуары внезапно опустели — все искали убежища под крышей. Было восемь тридцать, и пора было идти. Он встал и направился в прихожую, чтобы достать из шкафа шлем и обязательный охлаждающий аппарат. Закон требовал, чтобы каждый надевал его, отправляясь на работу, и носил на спине до

самого заката.

— До свидания, — кивнул он жене, остановившись в дверях.

— До свидания, и желаю успеха.

Она продолжала столь же тщательно работать, покрывая керамику глазурью, и Ричард понял, в каком напряженном состоянии она сейчас находится; она не могла позволить себе ни минуты перерыва. Он открыл дверь и вышел в холл, чувствуя свежий ветерок от охлаждающего аппарата, пыхтящего у него за спиной.

— Да, — крикнула Эмили, когда он закрывал дверь; она подняла голову и откинула с глаз длинные темные волосы, — позвони мне сразу же, как выйдешь от Барни, как только узнаешь результат!

— Ладно, — ответил он и закрыл за собой дверь.

Внизу, в банке, он открыл сейф и, достав свой ящичек, вынул из него коробку с образцами керамики, которые он собирался показать Майерсону.

Вскоре он был уже внутри термоизолированного вагона, по пути к центру Нью-Йорка и фирме «Наборы П. П.» — большому зданию из грязно-белого синтетического цемента, где родились

Подружка Пэт и весь ее миниатюрный мир.

«Кукла, — размышлял Хнатт, — которая подчинила себе человека, покоряющего планеты Солнечной системы. Подружка Пэт, навязчивая идея колонистов».

Что еще можно было сказать о жизни в колониях, об этих несчастных, которых в соответствии с законом ООН о выборочном призыве на службу вышвырнули с Земли и вынудили начать новую, чуждую жизнь на Марсе, Венере, Ганимеде или где-то еще, куда бюрократам из ООН пришло в голову их отправить… Некоторым, может быть, даже удавалось выжить.

«А мы думаем, что у нас тут плохо», — сказал он сам себе.

Человек в соседнем кресле, мужчина средних лет в сером шлеме, безрукавке и ярко-красных шортах, популярных среди бизнесменов, заметил:

— Опять будет жарко.

— Да.

— Что у вас в этой коробке? Жратва на пикник для стада марсианских колонистов?

— Керамика, — ответил Хнатт.

— Могу поспорить, что вы ее обжигаете, просто выставляя в полдень за дверь, — захихикал

бизнесмен, потом достал утреннюю газету и стал ее просматривать. — Сообщают, что на Плутоне разбился корабль, летевший из-за границ Солнечной системы, — сказал он. — Туда отправлена поисковая группа. Как вы думаете, это проксы? Терпеть не могу этих тварей из других систем.

— Более вероятно, что это один из наших собственных кораблей, — сказал Хнатт.

— Вы видели когда-нибудь этих, с Проксимы?

— Только снимки.

— Жуть, — заметил бизнесмен. — Если найдут этот разбитый корабль на Плутоне и окажется, что это проксы, то, я надеюсь, их сожгут лазером дотла. В конце концов, закон запрещает им прилетать в нашу систему.

— Верно.

— Можно посмотреть вашу керамику? Я занимаюсь галстуками. Живые галстуки Вернера, как будто ручной работы, всех цветов Титана… Вот, один из них на мне, видите? На самом деле это примитивная форма жизни, которую мы привозим и разводим здесь, на Земле. Как мы заставляем их размножаться — это секрет нашей фирмы. Знаете, как состав кока-колы.

Хнатт сказал:

— По той же самой причине я не могу показать

вам эту керамику, как бы мне этого ни хотелось. Это новые образцы. Я везу их к прогностику-ясновидцу в «Наборы П. П.». Если он захочет их миниатюризировать для наборов «Подружка Пэт», то все в порядке. Достаточно будет переслать информацию рекламному агенту П. П. — как там его зовут?.. — на орбите Марса. И так далее.

— Галстуки Вернера — часть наборов «Подружка Пэт», — сказал бизнесмен. — У ее парня, Уолта, их целый шкаф. — Он просто сиял. — Когда фирма «Наборы П. П.» решила миниатюризировать наши галстуки…

— Вы вели переговоры с Барни Майерсоном?

— Я с ним не разговаривал, этим занимался наш местный торговый агент. Говорят, что Майерсон тяжелый человек. Он может действовать под влиянием импульса, но если примет решение, то никогда его не меняет.

— У него бывают ошибки? Бывает так, что он отказывается от того, что впоследствии входит в моду?

— Наверняка. Может, он и ясновидец, но он всего лишь человек. Я вам скажу кое-что — может быть, это вам поможет. Он очень подозрителен в отношении женщин. Его брак распался несколько лет назад, и он никогда не мог с этим

примириться. Видите ли, его жена была беременна два раза, и правление его дома, кажется номер тридцать три, проголосовало на собрании за выселение его и жены в связи с нарушением установленных администрацией правил. Ну, вы же знаете номер тридцать три; знаете, как трудно попасть в дом со столь низким номером. Так что, вместо того чтобы сдать свою квартиру, он предпочел развестись с женой, и она уехала, забрав с собой ребенка. Позже он, видимо, решил, что сделал ошибку, и пожалел об этом. Естественно, в этой ошибке он винил себя. Впрочем, это вполне понятно: господи, чего бы мы не отдали, только бы жить в доме тридцать три или даже тридцать четыре! Он больше не женился; может быть, он неохристианин. Во всяком случае, когда пойдете продавать ему свою керамику, будьте крайне осторожны во всем, что касается женщин. Не говорите: «Это понравится женщинам» — или что-то в этом роде. Большинство розничных сделок…

— Спасибо за совет, — сказал Хнатт, вставая. Взяв коробку с керамикой, он направился к выходу.

Он вздохнул. Это могло быть непросто, может быть, даже безнадежно; он не в состоянии был

противостоять обстоятельствам, которые имели место задолго до его знакомства с Эмили и ее вазочками. Ничего не поделаешь.

К счастью, ему удалось поймать такси; пока оно везло его через забитый машинами центр, он прочитал утреннюю газету, а в особенности сообщение о корабле, который, как полагали, вернулся с Проксимы лишь затем, чтобы разбиться в морозной пустыне Плутона. Ну и ну! Уже высказывались предположения, что это может быть хорошо известный межпланетный промышленник Палмер Элдрич, который десять лет тому назад отправился в систему Проксимы по приглашению гуманоидного Совета Проксимы, — они хотели, чтобы он модернизировал их автофабрики по земному образцу. С тех пор об Элдриче никто не слышал — до сегодняшнего дня.

Подумав, он решил, что, вероятно, для Земли было бы лучше, если бы Элдрич не вернулся. Палмер Элдрич был неистовым, выдающимся одиночкой. Он совершал чудеса в области автоматизации производства на колонизированных макетах, но, как обычно, зашел слишком далеко, слишком многое запланировал. Товары лежали кучами в самых невероятных местах, где не было колонистов, которые могли бы ими восполь-

зоваться. Они превращались в горы мусора, по мере того как погода неумолимо их разрушала, кусочек за кусочком. Особенно снежные бури, если поверить, что такое где-то бывает… что есть еще места, где по-настоящему холодно. Можно сказать, даже слишком холодно.

— Мы на месте, ваша милость, — сообщил автомат, останавливая машину перед большим зданием, основная часть которого скрывалась под землей.

Фирма «Наборы П. П.».

Сотрудники входили в здание через ряд термоизолированных туннелей.

Он заплатил за такси, выскочил из него и пробежал через открытое пространство к туннелю, держа коробку обеими руками. Лучи солнца на мгновение коснулись его, и Хнатт почувствовал — или представил себе, что чувствует, — как потрескивает его кожа.

«Изжаришься, как гусь», — подумал он, невредимым добравшись до туннеля.

Вскоре он был под землей. Секретарша провела его в кабинет Майерсона. Прохладные и полутемные комнаты приглашали отдохнуть, но он лишь крепче сжал коробку с образцами, напрягся и, хотя и не был неохристианином, мысленно

произнес молитву.

— Мистер Майерсон, — обратилась к сидевшему за столом мужчине секретарша, которая была выше Хнатта ростом и выглядела весьма впечатляюще в декольтированном платье и туфлях на высоких каблуках. — Это мистер Хнатт. Мистер Хнатт, это мистер Майерсон.

Позади Майерсона стояла девушка в бледно-зеленом свитере. Волосы ее были совершенно белыми. Они были чересчур белыми, а свитер чересчур тесным.

— Это мисс Фьюгейт, мистер Хнатт. Ассистентка мистера Майерсона. Мисс Фьюгейт, это мистер Ричард Хнатт.

Сидевший за столом Барни Майерсон продолжал изучать какой-то документ, делая вид, что не замечает присутствия клиента, и Ричард Хнатт молча ждал, испытывая самые разные чувства. Он ощущал, как в нем нарастает ярость, подбираясь к горлу и сжимая грудь. Однако вместе с тем он чувствовал и страх, а кроме того, превосходящее этот страх растущее любопытство. Значит, это и есть прежний муж Эмили, который — если верить торговцу живыми галстуками — все еще глубоко сожалел, что решил расторгнуть брак. Майерсон оказался довольно коренастым мужчи-

ной чуть моложе сорока, с необычно длинными и волнистыми волосами, которые в данный момент были не в моде. Он сидел со скучающим видом, но враждебности в нем не чувствовалось. Однако, может быть, он еще не…

— Посмотрим ваши вазочки, — вдруг сказал Майерсон.

Поставив коробку на стол, Ричард Хнатт открыл ее, один за другим достал образцы и отступил на шаг назад.

После некоторой паузы Барни Майерсон сказал:

— Нет.

— Нет? — переспросил Хнатт. — Что — нет?

— Не пойдет, — заявил Майерсон, взял документ и продолжил прерванное чтение.

— Вы хотите сказать, что вы так просто решили?.. — сказал Хнатт, еще не веря, что все кончено.

— Именно так, — подтвердил Майерсон.

Керамика его больше не интересовала, как будто Хнатта и его вазочек здесь уже не было.

— Извините, мистер Майерсон, — вдруг сказала мисс Фьюгейт.

— В чем дело? — взглянув на нее, спросил Барни Майерсон.

— Еще раз прошу прощения, мистер Майерсон, — ответила мисс Фьюгейт. Она взяла одну из вазочек и взвесила ее в руках, поглаживая глазурованную поверхность. — У меня, однако, создалось совсем другое впечатление. Я чувствую, что эта керамика пойдет.

Хнатт посмотрел сначала на нее, потом на него.

— Дайте-ка. — Майерсон показал на темно-серый вазон, и Хнатт немедленно подал ему образец. Майерсон подержал его в руках и, нахмурившись, сказал: — Нет. Мне все же не кажется, что этот товар будет иметь успех. По-моему, вы ошибаетесь, мисс Фьюгейт. — Он поставил вазу на место. — Но, поскольку у нас с мисс Фьюгейт расхождения во взглядах, — сказал он, задумчиво почесывая затылок, — оставьте мне эти образцы на несколько дней. Я уделю им еще немного внимания.

Было, однако, очевидно, что подобных намерений у него нет.

Мисс Фьюгейт протянула руку и, взяв маленькую вазочку странной формы, почти с нежностью прижала ее к груди.

— Особенно это. Я ощущаю очень мощное излучение. Это будет иметь самый большой успех.

— Ты с ума сошла, Рони, — тихо сказал Барни Майерсон. Теперь он, кажется, действительно разозлился, даже покраснел. — Я вам сообщу, — обратился он к Хнатту, — когда приму окончательное решение. Однако я не вижу причин менять свое мнение, так что на многое не рассчитывайте. Собственно говоря, можете их даже здесь не оставлять.

Он бросил суровый взгляд на свою ассистентку.

Глава 2

В десять часов того же утра в кабинете Лео Булеро, председателя правления фирмы «Наборы П. П.», раздался звонок видеофона. Звонили из Трехпланетной службы охраны порядка, частного полицейского агентства. Несколько минут спустя он узнал о катастрофе корабля, возвращавшегося с Проксимы.

Несмотря на чрезвычайную важность этих новостей, он слушал невнимательно, так как мысли его были заняты совсем другим.

Все это было мелочью по сравнению с тем, что военный корабль отдела контроля наркотиков ООН перехватил весь груз кэн-ди в окрестностях северного полюса Марса, несмотря на то что фирма «Наборы П. П.» ежегодно платила ООН огромную дань за неприкосновенность; груз стоимостью около миллиона скинов был перехвачен по пути с тщательно охраняемых плантаций на Венере. Видимо, взятки не дошли до соответствующих людей на соответствующих уровнях сложной иерархии ООН.

Однако сделать в такой ситуации ничего было

нельзя. ООН представляла собой монолит, над которым никто не имел никакой власти.

Он без труда понял намерения отдела наркотиков. Они хотят, чтобы «Наборы П. П.» начали судебную тяжбу, требуя возвращения груза. Таким образом выяснилось бы, что незаконный наркотик кэн-ди, употребляемый многими колонистами, выращивается, перерабатывается и распространяется при содействии фирмы «Наборы П. П.». Так что, несмотря на высокую цену груза, лучше было им пожертвовать, чем подвергать себя риску.

— Газеты были правы, — говорил с экрана Феликс Блау, шеф полицейского агентства. — Это Палмер Элдрич, и, похоже, он жив, хотя и тяжело ранен. Мы выяснили, что линейный корабль ООН перевезет его в госпиталь на одной из баз, местонахождение которой, естественно, не сообщается.

— Гм, — пробормотал Булеро, кивнув.

— Однако, что касается того, что Элдрич обнаружил в системе Проксимы…

— Этого вы никогда не узнаете, — сказал Лео. — Элдрич ни слова не скажет, и на этом все закончится.

— Мы выяснили, — продолжал Блау, — один

интересный факт. На борту корабля Элдрича была — и есть до сих пор — заботливо сохраняемая культура лишайника, очень похожего на тот с Титана, из которого получают кэн-ди. Я думал, что в связи с… — Блау тактично замолчал.

— Есть какая-нибудь возможность уничтожить эту культуру лишайника? — машинально спросил Лео.

— К сожалению, люди Элдрича уже добрались до остатков корабля. Не сомневаюсь, что они будут сопротивляться всяческим попыткам подобного рода.

Блау, казалось, был полон сочувствия.

— Можно, конечно, попытаться… Силой эту проблему не решить, но, может быть, удастся их подкупить.

— Попробуйте, — сказал Лео, хотя был согласен, что это, без всякого сомнения, лишь бесполезная трата времени и сил. — Разве на них не распространяется распоряжение ООН, касающееся запрета на ввоз инопланетных форм жизни?

Было бы весьма неплохо, если бы удалось убедить силы ООН в том, что остатки корабля Элдрича необходимо уничтожить. Он записал для памяти в блокноте: позвонить юристам, составить запрос в ООН по поводу ввоза лишайников.

— Поговорим позже, — бросил он Блау и отключился.

«Может быть, направлю запрос сам», — подумал он.

Нажав на кнопку интеркома, Лео сказал секретарше:

— Соедини меня с ООН в Нью-Йорке, с кем-нибудь из руководства. Лучше всего с самим секретарем Хепберн-Гилбертом.

Наконец его соединили с искусным индийским политиком, который в прошлом году стал Генеральным секретарем ООН.

— А, мистер Булеро, — хитро улыбнулся Хепберн-Гилберт. — Вы хотите направить запрос по поводу ареста груза кэн-ди, который…

— Я ничего не знаю ни о каком грузе кэн-ди, — ответил Лео. — Я совсем по другому делу. Вы отдаете себе отчет в том, что вытворяет Палмер Элдрич? Он привез в нашу систему лишайники с Проксимы. Из-за этого может начаться эпидемия типа той, что была у нас в девяносто восьмом.

— Мы отдаем себе в этом отчет. Однако люди Элдрича утверждают, что это лишайник из Солнечной системы, который мистер Элдрич взял с собой на Проксиму и теперь везет обратно… Как они говорят, это его источник протеина. —

Индиец блеснул белозубой улыбкой: подобное объяснение его явно забавляло.

— И вы этому поверили?

— Нет, конечно. — Улыбка Хепберн-Гилберта стала еще шире. — А почему, собственно, вы этим интересуетесь, мистер Булеро? Неужели вас так заботит судьба этих… лишайников?

— Я гражданин Солнечной системы и руководствуюсь заботой об интересах общества. И я требую, чтобы вы предприняли соответствующие шаги.

— Мы их предприняли, — сказал Хепберн-Гилберт. — Мы проводим расследование… Мы поручили его мистеру Ларку — вы ведь его знаете?

Разговор достиг мертвой точки, и Лео Булеро в конце концов отключился, чувствуя отвращение ко всем политикам. Они всегда были готовы к решительным действиям, но если дело касалось Палмера Элдрича…

«Ах, мистер Булеро, — передразнил он недавнего собеседника, — это, понимаете ли, совсем другое дело».

Да, Ларка он знал. Нед Ларк был шефом отдела наркотиков ООН и ответственным за перехват последнего транспорта кэн-ди. Это была непло-

хая проделка со стороны Генерального секретаря — включить Ларка в аферу с Элдричем. Можно сказать, ООН требовала услуги за услугу: пока Лео Булеро будет пытаться вернуть груз кэн-ди, они не предпримут ничего против Элдрича. Он это чувствовал, но, естественно, доказать ничего не мог. В конце концов, Хепберн-Гилберт, этот темнокожий хитрец и недоразвитый политик, прямо этого не говорил.

«Вот так и кончаются все переговоры с ООН, — думал Лео. — Афро-азиатская политика. Болото. Везде сидят и всем руководят иностранцы».

Он с яростью взглянул на пустой экран.

Пока он раздумывал, что делать дальше, звякнул интерком, и его секретарша мисс Глисон сказала:

— Мистер Булеро, в приемной мистер Майерсон. Он хотел бы перекинуться с вами парой слов.

— Пусть войдет. — Он обрадовался, что хотя бы на минуту сможет забыть о своих проблемах.

Несколько мгновений спустя эксперт-прогностик в области моды с хмурым видом вошел в кабинет и молча сел напротив Лео.

— Что с тобой, Майерсон? — спросил Булеро. — Ну говори, я ведь для этого здесь и нахожусь.

Можешь поплакать у меня на плече. — Он старался, чтобы голос его звучал холодно.

— Дело касается моей ассистентки, мисс Фьюгейт.

— Да, я слышал, что ты с ней спишь.

— Не в этом дело.

— Ах вот как! — иронически заметил Лео. — Ну, это мелочь.

— Я только хотел сказать, что пришел сюда по другой причине. У нас только что было серьезное недоразумение. Мне принесли образцы…

— Ты что-то отклонил, — перебил его Лео, — а она с этим не согласилась.

— Да.

— Ах вы, ясновидцы!

«Заслуживает внимания. Может быть, существуют альтернативные варианты будущего».

— И ты хочешь, чтобы я приказал ей в будущем во всем с тобой соглашаться?

— Она моя ассистентка, — сказал Барни Майерсон. — И поэтому она должна делать то, что я ей скажу.

— Ну а то, что она с тобой спит, — это разве не явный шаг в этом направлении? — рассмеялся Лео. — Однако в присутствии продавца она должна поддерживать твое мнение, а если у нее будут

какие-то замечания, то она должна сказать тебе об этом позже, с глазу на глаз.

— Я даже на это не соглашусь. — Барни нахмурился еще больше.

— Ты знаешь, что я прошел курс э-терапии и практически сам стал ясновидцем. Это был продавец вазочек? Керамики?

Барни неохотно кивнул.

— Это творения твоей бывшей жены, — сказал Лео и задумался. Ее керамика хорошо расходилась, он видел объявления в газетах. Она продавалась в одном из лучших художественных салонов в Нью-Орлеане, а также здесь, на Восточном побережье, и в Сан-Франциско. — Как они, пойдут, Барни? — Он внимательно посмотрел на своего ясновидца. — Мисс Фьюгейт была права?

— Никуда они не пойдут, и это святая правда, — бесцветным голосом сказал Барни. Слишком бесцветным, подумал Лео, чересчур лишенным чувств. — Я так вижу, — упрямо добавил Майерсон.

— Ну ладно, — кивнул Лео. — Принимаю твое объяснение. Однако, если эти вазочки станут сенсацией, а у нас не будет миниатюр для колонистов… — Он задумался. — Может оказаться, что твоя подруга по постели займет твое место! —

пригрозил он.

Вставая, Барни сказал:

— Так вы проинструктируете мисс Фьюгейт, как она должна себя вести и какую позицию занимать?

Лео расхохотался. Барни покраснел и пробормотал:

— Может, я неудачно выразился…

— Ладно, Барни, я погрожу ей пальцем. Она молодая, переживет. А ты стареешь. Ты должен заботиться о собственном достоинстве и не можешь позволить, чтобы кто-то тебе противоречил.

Лео тоже встал, подошел к Барни и похлопал его по спине.

— Послушай, что я тебе скажу. Перестань себя изводить. Забудь о своей бывшей жене. Ладно?

— Уже забыл.

— Есть ведь и другие женщины, — сказал Лео, думая о Скотти Синклер, своей нынешней любовнице. Скотти, хрупкая блондинка с большим бюстом, сейчас ждала, пока Лео не устроит себе недельный отпуск — на вилле, которая находилась на спутнике в пятистах милях от Земли. — Их бесконечно много, в отличие от первых почтовых марок США или шкурок трюфелей, которые мы

используем в качестве валюты.

Внезапно ему пришло в голову, что можно было бы уступить Барни одну из своих брошенных, но все еще вполне пригодных любовниц.

— Вот что я тебе скажу… — начал он, но Барни тут же резким жестом остановил его. — Нет? — удивился Лео.

— Нет. У меня сейчас есть Рони Фьюгейт. Одной для нормального человека хватит. — Барни сурово взглянул на шефа.

— Согласен. Я тоже за один раз могу встречаться только с одной. Неужели ты думал, что у меня гарем в «Домике Винни-Пуха»?

— Когда я был там в последний раз, — сказал Барни, — то есть на вашем дне рождения в январе…

— Ну да. Это совсем другое дело. То, что происходит во время приемов, не стоит принимать во внимание.

Он проводил Майерсона до дверей кабинета.

— Знаешь что, Майерсон, я слышал о тебе сплетню, которая мне не понравилась. Кто-то видел, как ты тащил один из этих переносных терминалов психиатрического компьютера… ты получил повестку?

Наступила тишина. Наконец Барни кивнул.

— И ты не собирался ничего нам об этом говорить, — заметил Лео. — И когда же мы должны были об этом узнать? В тот день, когда ты окажешься на борту корабля, летящего на Марс?

— Как-нибудь выкручусь.

— Ну конечно, так же, как и все. Именно таким образом ООН удалось заселить четыре планеты, шесть спутников…

— Я не пройду психологических тестов, — заявил Барни. — Мои способности к ясновидению ясно мне об этом говорят. Я не могу перенести столько фрейдов стресса, чтобы их удовлетворить. Вот посмотрите… — Он вытянул руки. Они ощутимо дрожали. — Вспомните мою реакцию на безвредное замечание мисс Фьюгейт. Вспомните, как я себя вел, когда Хнатт принес вазочки Эмили. Вспомните…

— Ладно, — прервал его Лео, но он все еще был обеспокоен.

Обычно повестки вручали за девяносто дней до срока, а мисс Фьюгейт наверняка еще не сможет занять место Барни. Конечно, можно перевести из Парижа Мака Ронстона, но даже Ронстон со своим пятнадцатилетним опытом не заменит Барни Майерсона. Талант не приходит со временем, талант дан человеку от рождения.

«Кажется, ООН в самом деле до меня добирается», — подумал Лео.

Его интересовало, является ли повестка Барни, пришедшая именно в этот момент, обычным стечением обстоятельств, или же это очередная попытка прощупать его слабые места. Если так, то им это удалось. И он не мог оказать никакого влияния на ООН, чтобы освободить Барни от призыва.

«А все только из-за того, что я снабжаю колонистов кэн-ди», — подумал он.

Ведь кто-то же должен это делать, это им необходимо. Иначе зачем им наборы Подружки Пэт? А кроме того, это было одно из самых доходных дел в Солнечной системе. Речь шла о многих миллионах скинов.

ООН об этом тоже знала.

В двенадцать тридцать по нью-йоркскому времени Лео Булеро обедал в компании новой девушки, только что поступившей на работу. Сидя напротив него в уютном зальчике ресторана «Пурпурная лиса», Пия Юргенс с хирургической точностью орудовала вилкой и ножом, откусывая небольшие кусочки крепкими ровными зубами. Она была рыжеволосая, а он любил рыжих: они обычно оказывались либо до отвращения уродли-

выми, либо почти нечеловечески прекрасными. Мисс Юргенс принадлежала к последним. Теперь, если только найдется какой-нибудь повод, чтобы пригласить ее в «Домик Винни-Пуха»… если, конечно, Скотти не будет возражать. А это было как раз не слишком вероятно. Скотти была очень своевольна, что для женщин является весьма опасной чертой.

«Жаль, что не удалось подсунуть Скотти Барни Майерсону», — подумал Лео.

Это решило бы сразу две проблемы: сняло бы психологический стресс у Барни, а его самого освободило бы от…

«Чушь! — подумал он. — Барни ведь и должен быть психически неустойчив, иначе он давно бы уже был на Марсе. Для этого он и взял напрокат этот говорящий чемоданчик. Похоже, я совершенно не понимаю современный мир. Живу в прошлом, в двадцатом веке, когда задача психоаналитиков заключалась в том, чтобы снимать у людей стресс».

— Вы всегда молчите, мистер Булеро? — спросила мисс Юргенс.

— Нет.

«Интересно, удалось бы мне как-то помочь Барни? — размышлял он. — Помочь ему… как это

говорится, стать менее устойчивым?»

Однако это было не так просто, как казалось. Он ощущал это подсознательно благодаря увеличенным лобным долям. Нельзя же здоровых людей делать больными по приказу.

А может быть, все-таки…

Он извинился, подозвал робота-официанта и велел принести видеотелефон.

Через пару минут он соединился с мисс Глисон, своей секретаршей.

— Слушай, как только я вернусь, я хотел бы встретиться с мисс Рондинеллой Фьюгейт, сотрудницей Майерсона. А сам Майерсон не должен об этом знать. Поняла?

— Да, сэр, — ответила, записывая, мисс Глисон.

— Я все слышала, — заявила Пия Юргенс, когда он закончил разговор. — Знаете, я могла бы рассказать об этом мистеру Майерсону. Я его вижу почти каждый день в…

Лео рассмеялся. Его позабавила мысль о том, что Пия Юргенс может отказаться от прекрасного будущего, которое перед ней открывается.

— Послушай, — сказал он, похлопав ее по руке. — Не бойся, это не имеет ничего общего с интимными делами. Доедай свой крокет из ганимедской лягушки, и поедем обратно.

— Я хотела только сказать, — холодно произнесла мисс Юргенс, — что мне показалась несколько странной подобная откровенность в присутствии кого-то, кого вы практически не знаете. — Она взглянула на него, и ее пышный соблазнительный бюст выдвинулся вперед еще дальше, как будто от обиды.

— Значит, мне нужно познакомиться с тобой поближе, — сказал Лео, с аппетитом глядя на нее. — Ты жевала когда-нибудь кэн-ди? — задал он риторический вопрос. — Ты должна обязательно попробовать, хотя он и вызывает привыкание. Переживания необыкновенные.

Конечно, у него в «Домике Винни-Пуха» был запас наркотика самого лучшего качества. Он часто оказывался весьма кстати, когда приходили гости; иначе то, чем они занимались, могло показаться скучным.

— Я спрашиваю потому, что, как мне кажется, у тебя живое воображение, а реакция на кэн-ди зависит прежде всего от твоих творческих способностей.

— Я бы с удовольствием попробовала, — сказала мисс Юргенс. Она огляделась вокруг, понизила голос и наклонилась к нему: — Только ведь это незаконно.

— В самом деле? — Он вытаращил глаза.

— Вы же сами хорошо знаете. — В голосе девушки чувствовалось раздражение.

— Послушай, — сказал Лео, — я могу достать для тебя немного.

Он, конечно, будет жевать вместе с ней; таким образом мысли принимающих наркотик соединяются, образуя новый, единый разум… Такое, по крайней мере, было впечатление. Несколько совместных приемов кэн-ди, и он будет знать о Пие Юргенс все, что требуется. В ней было нечто — кроме, естественно, физических достоинств, — что притягивало его. Он с нетерпением ждал момента близости.

— Мы не будем пользоваться набором.

Что за ирония судьбы — он, создатель и производитель микромира Подружки Пэт, предпочитал употреблять кэн-ди просто так. Что мог дать землянину набор, представлявший собой в миниатюре условия, имевшиеся в любом городе на Земле? Для колонистов в продуваемых ураганами пустынях Ганимеда, ютящихся в убогих бараках, защищающих их от града метановых кристаллов, наборы Подружки Пэт были чем-то совершенно иным — возвращением в мир, который они вынуждены были покинуть. Однако

он, Лео Булеро, чертовски устал от этого мира, в котором родился и в котором продолжал жить. Даже «Домик Винни-Пуха» со всеми своими более или менее изощренными развлечениями не заполнял пустоты. И все же…

— Этот кэн-ди, — сказал он мисс Юргенс, — великолепная штука, и ничего удивительного, что он запрещен. Это как религия. Да, кэн-ди — религия колонистов. — Он засмеялся. — Берешь кусочек, пожуешь минут пятнадцать, и… нет убогого барака. Нет замерзшего метана. У тебя есть повод, чтобы жить. Разве это не стоит риска и цены?

«Только какова его ценность для нас?» — мысленно спросил он сам себя и ощутил легкую грусть.

Изготовляя наборы Подружки Пэт и разводя лишайник — сырье для производства кэн-ди, он делал сносной жизнь миллиона с лишним колонистов, принудительно высланных с Земли. Но что он с этого имел?

«Всю жизнь я посвятил другим, — подумал он, — а теперь начинаю трепыхаться, поскольку мне этого не хватает».

На спутнике его ждала Скотти; как обычно, предстояло решать сложные проблемы, свя-

занные как с легальным его бизнесом, так и с нелегальным… Но неужели в жизни не должно быть ничего больше?

Он не знал. Никто не знал, поскольку все, так же как Барни Майерсон, в разных вариантах воспроизводили одну и ту же схему. Барни со своей Рондинеллой Фьюгейт — ухудшенное подобие Лео Булеро и мисс Юргенс. Куда бы он ни посмотрел, везде было одно и то же. Наверняка даже Нед Ларк, шеф отдела наркотиков, жил подобным образом, так же как и Хепберн-Гилберт, у которого, кажется, была бледная высокая начинающая кинозвезда из Швеции, с грудями величиной с шар для игры в кегли и такими же твердыми. Даже Палмер Элдрич. Нет, вдруг понял он. Не Палмер Элдрич, тот нашел себе что-то другое. Десять лет он находился в системе Проксимы, по крайней мере летел туда и обратно. Что он там нашел? Неужели это стоило подобных усилий, стоило катастрофы на Плутоне?

— Видела газеты? — спросил он мисс Юргенс. — Читала о корабле на Плутоне? Такие, как Элдрич, попадаются один на миллиард. Другого такого, как он, нет.

— Читала, — сказала мисс Юргенс, — что он фактически чокнутый.

— Наверняка. Десять лет жизни, столько мучений — и ради чего?

— Можете быть уверены, что эти десять лет для него окупились с лихвой, — ответила мисс Юргенс. — Может, он и сумасшедший, но хитрый. Свое дело он знает. Не настолько уж он чокнутый.

— Я бы хотел с ним встретиться, — сказал Лео Булеро. — Поговорить с ним хотя бы минуту.

Мысленно он уже решил, что сделает это. Он пойдет в госпиталь, где лежит Палмер Элдрич, и проникнет в его палату силой или подкупом, чтобы узнать, что же тот нашел.

— Когда-то я думала, — говорила мисс Юргенс, — что когда корабли впервые покинут нашу систему и полетят к звездам… Помните, когда это было? Я думала, что мы узнаем… — Она на мгновение замолчала. — Это так глупо, но я была еще ребенком, когда Арнольдсон впервые полетел к Проксиме и вернулся обратно. Я имею в виду, что была еще ребенком, когда он вернулся. Я действительно думала, что так далеко он найдет… — она отвернулась, избегая взгляда Булеро, — что он найдет Бога.

«Я тоже так думал, — подумал Лео. — А я ведь был уже взрослым. Мне было уже за тридцать. Я

несколько раз говорил об этом Барни. И лучше мне верить в это и дальше, даже сейчас — после этого десятилетнего полета Палмера Элдрича».

После обеда, вернувшись в свой кабинет в «Наборах П. П.», он впервые увидел Рондинеллу Фьюгейт. Она уже ждала его.

«А она ничего», — подумал Лео, закрывая дверь кабинета.

Симпатичная фигура и красивые сияющие глаза. Казалось, она волнуется: она сидела закинув ногу на ногу, оглаживала юбку и искоса поглядывала на него, пока он усаживался за стол напротив нее.

«Совсем молоденькая, — подумал Лео. — Девчонка, которая осмеливается противоречить своему начальнику, поскольку считает, что тот не прав. Трогательно…»

— Вы знаете, зачем я вас вызвал? — спросил он.

— Догадываюсь, что вы сердитесь из-за того, что я не поддержала мистера Майерсона. Но я в самом деле видела будущее этой керамики. Что же еще я могла сделать? — умоляюще спросила она, привстав с кресла.

— Я вам верю, — сказал Лео. — Однако мистер Майерсон очень раздражителен. Поскольку вы

с ним живете, вы должны знать, что он везде таскает с собой переносного психиатра.

Открыв ящик стола, он достал коробку «Куэста рейс», лучшего сорта сигар, и предложил одну мисс Фьюгейт, которая, поблагодарив, взяла ее. Лео дал ей прикурить, закурил сам и удобно устроился в кресле.

— Вы знаете, кто такой Палмер Элдрич?

— Да.

— Вы можете воспользоваться своими способностями к ясновидению для чего-то другого, кроме прогнозирования моды? Через месяц или два в газетах уже будут сообщать о местоположении госпиталя, в котором находится Палмер Элдрич. Я хочу, чтобы вы взглянули на эти газеты и сказали мне, где этот человек находится в данный момент. Я знаю, что вы можете это сделать.

«Лучше, чтобы ты смогла, — подумал он, — если хочешь здесь работать и дальше».

Он ждал, дымя сигарой, глядя на девушку и думая с некоторой завистью о том, что если она и в постели так же хороша, как выглядит…

Мисс Фьюгейт, запинаясь, сказала:

— Я вижу, но очень слабо, мистер Булеро.

— Ничего страшного, послушаем. — Он взял ручку.

Ее рассказ занял несколько минут, но в конце концов он записал в блокноте: Госпиталь ветеранов имени Джеймса Риддла, база III на Ганимеде. Принадлежит, естественно, ООН. Он этого ожидал. Дело было, однако, не безнадежным; может быть, ему все же удастся туда попасть.

— Он там под чужим именем, — добавила мисс Фьюгейт, бледная и обессиленная. Она закурила сигару, которая за это время погасла, и, выпрямившись в кресле, снова скрестила свои изящные ноги. — Газеты сообщают, что мистер Элдрич был зарегистрирован под именем… — Она замолчала и крепко зажмурилась. — О черт! — вздохнула она. — Никак не получается. Один слог. Френт. Брент. Нет, думаю, скорее Трент. Да, Элдон Трент.

Она с облегчением улыбнулась. Ее большие глаза лучились детской, наивной радостью.

— Они действительно хорошо постарались, чтобы его спрятать. Газеты сообщают, что его допрашивают. Значит, он должен быть в сознании. — Внезапно она нахмурилась. — Подождите. Вижу заголовок… я в своей квартире, одна. Сейчас раннее утро, и я читаю первую полосу. О боже!

— Что пишут? — спросил Лео. Он чувствовал, что девушка потрясена.

— В заголовках говорится, что Палмер Элдрич

мертв, — прошептала мисс Фьюгейт. Она заморгала, огляделась вокруг и посмотрела на Лео с испугом и неуверенностью, почти ощутимо замыкаясь в себе. Она отодвинулась от него и вжалась в спинку кресла, нервно сплетая пальцы. — И в этом обвиняют вас, мистер Булеро. В самом деле. Так написано в заголовке.

— Вы хотите сказать, что я его убью?

Она кивнула.

— Однако… это не столь определенно. Я видела это только в одном из вариантов будущего… понимаете? Я хочу сказать, что мы, ясновидцы, видим… — Она сделала неуверенный жест.

— Я знаю.

Он хорошо знал ясновидцев: Барни Майерсон работал в «Наборах П. П.» тринадцать лет, а некоторые еще дольше.

— Это может случиться, — хрипло сказал он.

«Почему?» — задавал он себе вопрос. Сейчас трудно сказать. Может быть, когда он доберется до Элдрича, поговорит с ним… А все указывает на то, что это ему удастся.

Мисс Фьюгейт добавила:

— Думаю, что в свете возможных событий вы не должны контактировать с мистером Элдричем. Вы согласны с этим, мистер Булеро? Я хочу

сказать, что риск существует, и притом значительный. Думаю, около сорока.

— Сорока чего?

— Процентов. Почти один к двум.

Уже полностью овладев собой, она смотрела на него, дымя сигарой. Ее глаза, черные и проницательные, не мигая, глядели на него. В них крылось любопытство.

Он встал с кресла и подошел к двери.

— Спасибо, мисс Фьюгейт. Я вам очень благодарен за помощь.

Он остановился у двери, давая понять, что ждет, когда девушка выйдет.

Однако мисс Фьюгейт не двигалась с места. Он столкнулся с тем же особенным упрямством, которое обеспокоило Барни Майерсона.

— Мистер Булеро, — спокойно сказала она, — думаю, что, собственно, я должна пойти с этим в полицию ООН. Мы, ясновидцы…

Он закрыл дверь.

— Вы, ясновидцы, — прервал он ее, — слишком интересуетесь жизнью других людей.

Однако он знал, что он у нее в руках, и теперь размышлял, что делать.

— Мистера Майерсона могут призвать, — говорила мисс Фьюгейт. — Вы, конечно, об этом

знаете. Вы собираетесь воспользоваться своим влиянием, чтобы его от этого спасти?

— Я собираюсь в связи с этим кое-что предпринять, — честно ответил он.

— Мистер Булеро, — тихо, но твердо сказала она, — давайте договоримся. Пусть его призовут, а я стану вашим консультантом по прогнозам моды в Нью-Йорке. — Она выжидающе замерла.

Лео Булеро молчал.

— Что вы на это скажете? — спросила она.

Она явно не привыкла к подобным переговорам, но намеревалась добиться своего, насколько это было возможно. В конце концов, подумал он, каждый, даже самый опытный, должен с чего-то начинать. Может быть, он как раз был свидетелем возможного начала крупной карьеры.

Внезапно он кое-что вспомнил. Он вспомнил, почему ее перевели из Пекина в Нью-Йорк и сделали ассистенткой Майерсона. Ее предсказания бывали неудачными. В сущности, некоторые из них — слишком многие — оказывались ошибочными.

Может быть, и картина будущих заголовков, говорящих о том, что его обвиняют в убийстве Палмера Элдрича, — предположим, что она говорила правду и действительно их видела, — была

лишь очередной ошибкой, ложным предсказанием, так же как и те, из-за которых она оказалась в Нью-Йорке.

— Дайте мне время подумать, — предложил он. — Пару дней.

— До завтрашнего утра, — твердо сказала мисс Фьюгейт.

Лео рассмеялся:

— Теперь я понимаю, почему Барни был так раздражен.

И Барни, благодаря своим способностям к ясновидению, должен был предчувствовать, пусть хотя бы туманно, что мисс Фьюгейт подставит ему ножку, угрожая его положению.

— Послушайте, вы любовница Майерсона, — сказал Лео, подходя к ней. — Может быть, вам хотелось бы чего-то другого? Я мог бы отдать в ваше распоряжение целый спутник.

«Естественно, если допустить, что удастся выкинуть оттуда Скотти», — подумал он.

— Нет, спасибо, — покачала головой мисс Фьюгейт.

— Почему? — удивился Лео. — Ваша карьера…

— Я люблю Майерсона, — ответила она. — И меня не особенно интересуют шаро… — Она прикусила язык. — Люди, которые прошли курс в

этих клиниках.

Лео снова открыл дверь.

— Завтра утром я вам сообщу.

Он смотрел, как она идет по коридору и через холл, и думал: «У меня есть время, чтобы добраться до Ганимеда и Палмера Элдрича. Тогда я буду знать больше. Я узнаю, ложны твои предсказания или нет».

Закрыв дверь за девушкой, он быстро подошел к столу и, нажав кнопку видеотелефона с выходом в город, сказал телефонистке:

— Соедините меня с Госпиталем ветеранов имени Джеймса Риддла, третья база на Ганимеде. Я хочу говорить с мистером Элдоном Трентом, пациентом госпиталя. Личный разговор. — Он назвал свою фамилию и номер и отключился, потом снова нажал кнопку и набрал номер космодрома имени Кеннеди.

Он зарезервировал место на корабль-экспресс, вылетавший в тот же вечер из Нью-Йорка на Ганимед, и, шагая по комнате, стал ждать соединения с Госпиталем ветеранов.

Шароголовый, подумал он. Так она хотела назвать своего работодателя.

Через десять минут его соединили.

— Мне очень жаль, мистер Булеро, — извиня-

лась телефонистка. — Мистер Трент не отвечает на звонки. Распоряжение врача.

Значит, Рондинелла Фьюгейт была права: Элдон Трент существует, находится в Госпитале ветеранов, и, вероятнее всего, это и есть Палмер Элдрич. Наверняка стоило туда отправиться.

«Хорошенькое дело, — со злостью думал он, — есть шанс, что я встречусь с Палмером Элдричем, поссорюсь с ним бог знает из-за чего и в конце концов окажусь виновником его смерти. Смерти человека, которого в данный момент я даже не знаю. К тому же сухим из воды мне выйти не удастся. Вот так перспектива…»

Однако любопытство его росло. Никогда еще в ходе самых разнообразных операций ему не приходилось убивать. Если между ним и Палмером Элдричем должно было что-то произойти, это «что-то» обещало быть весьма необычным. Лететь на Ганимед определенно стоило, тем более что Рондинелла Фьюгейт сказала лишь о том, что его будут обвинять в убийстве, и не сказала ни слова о приговоре.

Осудить человека с его положением, даже при вмешательстве ООН, будет не так-то просто.

Он решил дать им этот шанс.

Глава 3

В баре недалеко от «Наборов П. П.» Ричард Хнатт маленькими глотками пил коктейль. Коробка с образцами стояла перед ним на столе. Он знал, что с вазочками Эмили было все в порядке: ее керамика всегда хорошо продавалась. Проблема заключалась в ее бывшем муже и его возможностях.

И Барни Майерсон ими воспользовался.

«Нужно позвонить Эмили и сказать ей», — подумал он и начал вставать, но кто-то преградил ему путь.

Странный толстячок на тонких ножках.

— Кто вы? — спросил Хнатт.

Тот закачался перед ним на своих ножках, одновременно копаясь в кармане, как будто успокаивая зуд, вызванный присутствием какого-то микроорганизма, паразитические склонности которого прошли испытание временем. Однако то, что он в конце концов вытащил, оказалось визитной карточкой.

— Мы интересуемся керамикой, мистер Хатт… Натт… Не знаю, как это произносится.

— Ихольц, — вслух прочитал Хнатт. На визитке не было ничего, кроме фамилии, никаких других сведений, даже номера видеотелефона. — Но у меня с собой только образцы. Я дам вам адреса магазинов, где продается моя керамика. Эти же…

— …Предназначены для миниатюризации, — сказал забавный тип, кивая головой. — Именно это нам и нужно. Мы собираемся миниатюризировать вашу керамику, мистер Хнатт. Мы убеждены, что мистер Майерсон ошибается, — эти вазочки войдут в моду, и очень скоро.

Хнатт вытаращил глаза:

— Вы хотите миниатюризировать, но вы не из «Наборов П. П.»?

Никто другой миниатюризацией не занимался. Все знали, что монополия принадлежит «Наборам П. П.».

Усевшись за стол рядом с коробкой с образцами, мистер Ихольц достал бумажник и начал отсчитывать скины.

— Сначала большого ажиотажа не будет. Но потом… — Он протянул Хнатту пачку коричневых сморщенных шкурок трюфелей, которые служили валютой в Солнечной системе. Только они содержали единственную аминокислоту, которую не мог воспроизвести Дупликатор —

открытая на Билтонге форма жизни, которую многие земные заводы использовали вместо автоматических сборочных линий.

— Мне придется согласовать этот вопрос с женой, — сказал Хнатт.

— Разве вы не представляете свою фирму?

— Н-ну… да.

Хнатт взял пачку скинов.

— Теперь договор. — Ихольц достал документ, разложил его на столе и протянул ручку. — Это дает нам исключительные права.

Наклонившись над бумагой, Ричард Хнатт заметил название фирмы, которую представлял Ихольц. «Чуинг-зет мануфакчурерс», Бостон. Он никогда о ней не слышал. Чуинг-зет… это было похоже на какой-то другой продукт, но он не мог вспомнить какой. Он вспомнил это, лишь когда уже подписал контракт и Ихольц вручил ему копию.

Нелегальный галлюциноген кэн-ди, повсеместно употребляемый в колониях вместе с наборами Подружки Пэт!

Интуитивно он уже предчувствовал грядущие неприятности. Однако отказываться было поздно. Ихольц взял коробку с образцами; ее содержимое теперь принадлежало фирме «Чу-

инг-зет мануфакчурерс» из Бостона.

— Как… как мне с вами связаться? — спросил Хнатт, когда Ихольц встал из-за столика.

— Вам незачем с нами связываться. Если вы нам понадобитесь, мы позвоним сами, — улыбнулся Ихольц.

Как, черт побери, сказать об этом Эмили? Хнатт пересчитал скины, прочитал договор и постепенно осознал, сколько заплатил ему Ихольц: хватило бы на пятидневный отдых в Антарктике, в одном из больших холодных курортных городов, где полно богатых землян, где наверняка проводят лето Лео Булеро и ему подобные; а лето теперь продолжалось круглый год.

А может быть, и еще лучше: эта сумма давала ему и Эмили доступ в одно из наиболее привилегированных заведений на планете — если бы им этого хотелось. Они могли полететь в Германию и пройти курс э-терапии в одной из клиник доктора Вилли Денкмаля.

«Ого!» — подумал Хнатт.

Он заперся в будке видеотелефона и позвонил Эмили.

— Собирай вещи. Мы едем в Мюнхен. В… — Он выбрал первое пришедшее ему в голову название. Объявление этой клиники он видел в одном

из дорогих парижских журналов. — В Айхенвальд, — сказал он. — Доктор Денкмаль…

— Барни взял вазочки, — обрадовалась Эмили.

— Нет. Но теперь есть еще одна фирма, которая занимается миниатюризацией.

Хнатт был возбужден и взволнован…

— Барни дал отрицательный прогноз. Ну и что? Заключить договор с этой новой фирмой оказалось еще и лучше. У них, похоже, куча денег. Увидимся через полчаса, я зарезервирую места на экспресс до Мюнхена. Только подумай: э-терапия для нас обоих.

— Если уж на то пошло, — тихо ответила Эмили, — то я вовсе не уверена, что хочу эволюционировать.

— Наверняка хочешь, — удивленно ответил он. — Ведь это может спасти нам жизнь, а если не нам, то нашим детям… нашим будущим детям. И даже если мы пробудем там недолго и эволюционируем лишь чуть-чуть, только представь себе, какие откроются перед нами возможности. Нас везде будут рады видеть. Ты знаешь кого-нибудь, кто прошел курс э-терапии? Ты же все время читаешь в газетах обо всех этих… людях из высшего общества, но…

— Я не хочу, чтобы у меня были волосы по все-

му телу, — сказала Эмили. — И я не хочу, чтобы мне увеличивали голову. Нет. В клинику в Айхенвальд я не поеду. — Голос ее звучал твердо и решительно, лицо было спокойным.

— Значит, я поеду один, — сказал Хнатт.

Так будет еще лучше. Ведь это он заключал договоры с покупателями. И он мог бы пробыть в клинике вдвое дольше, эволюционировать вдвое больше, предполагая, естественно, что курс пройдет нормально. В отношении некоторых людей терапия не давала результатов, но это не вина доктора Денкмаля — не все в одинаковой степени были наделены способностью к эволюции. Он был глубоко убежден, что для него лично все сложится великолепно, он станет вровень с крупными шишками, а некоторых даже превзойдет, если иметь в виду то, что Эмили в силу предрассудков не вполне справедливо назвала «волосами».

— А мне что делать, если ты поедешь? Горшки лепить?

— Именно, — ответил он.

Наверняка заказы начнут поступать быстро и в большом количестве, иначе фирма «Чуинг-зет мануфакчурерс» из Бостона не заинтересовалась бы миниатюризацией. Видимо, на нее работали

свои ясновидцы, так же как и на «Наборы П. П.». Однако он тут же вспомнил, о чем говорил Ихольц: вначале большой известности не будет. Это означало, понял Хнатт, что новая фирма не имела сети рекламных агентов, кружившихся вокруг колонизированных спутников и планет. В отличие от «Наборов П. П.» у них не было Аллена и Шарлотты Фейн, которые могли бы распространить эти новости.

Чтобы вывести на орбиту спутники с рекламными агентами, требуется немало времени. Это естественно.

И все же он беспокоился. В какой-то момент он оказался близок к панике, подумав: неужели это нелегальная фирма? Может быть, чуинг-зет, так же как и кэн-ди, — запрещенное средство? Может быть, он ввязался во что-то опасное?

— Чуинг-зет, — вслух сказал он Эмили. — Ты что-нибудь о них слышала?

— Нет.

Он достал контракт и еще раз прочитал его.

«Вот так история, — подумал он. — Если бы только этот чертов Майерсон сказал «да»...»

В десять утра знакомый жуткий рев сирены разбудил Сэма Ригана. Он мысленно обругал круживший в небе корабль ООН, зная, что они

делают это специально. Экипаж корабля, зависшего над бараком, хотел убедиться в том, что колонисты — а не местное зверье — получат доставленные им посылки.

«Получим, получим», — бормотал себе под нос Сэм Риган, застегивая молнию комбинезона с подогревом.

Он натянул на ноги высокие сапоги и полусонно потащился к двери.

— Слишком рано прилетели, — ворчал Тод Моррис. — И я готов поспорить, что там только железки, сахар и сало — ничего интересного вроде, скажем так, конфеток.

Норм Шайн навалился плечом на дверь и нажал. Они зажмурились, когда их захлестнул поток яркого холодного света.

В вышине, на фоне черного неба, блестел корабль ООН, как будто подвешенный на невидимой нити. Хороший пилот, оценил Тод, и, видимо, неплохо знает район Файнберг-Кресчент. Тод помахал кораблю рукой, и снова взревела сирена, заставив его зажать уши.

Из нижней части корабля появился контейнер, автоматически выдвинул стабилизаторы и по спирали полетел вниз.

— Дерьмо, — с отвращением сказал Сэм Ри-

ган. — Это железки. Им парашют не требуется.

Он отвернулся, потеряв всякий интерес к происходящему.

«Как здесь отвратительно, — подумал он, окидывая взглядом поверхность Марса. — Убожество. Зачем мы сюда прилетели? Пришлось, нас заставили».

Контейнер ООН приземлился. Стенки от удара потрескались, и трое колонистов заметили канистры, заполненные чем-то, напоминавшим фунтов пятьсот соли. Сэм Риган еще больше упал духом.

— Эй, — сказал Шайн, подходя к контейнеру и заглядывая внутрь, — кажется, я вижу кое-что, что может нам пригодиться.

— Эти коробочки выглядят так, как будто там внутри радиоприемники, — заметил Тод. — Транзисторные. — Он задумчиво подошел к Шайну. — Может быть, нам удастся их использовать для чего-нибудь в наших наборах.

— В моем уже есть радио, — сказал Шайн.

— Ну, из этих деталей можно было бы собрать электронную самоходную косилку для газонов, — заявил Тод. — Этого у тебя, кажется, нет.

Он довольно хорошо знал набор Подружки Пэт Шайна. Обе пары, он со своей женой и Шайн со

своей, составляли идеальную компанию.

— Я следующий в очереди на радио! — крикнул Сэм Риган. — Мне пригодится.

В его наборе не хватало механизма для открывания дверей гаража, который был у Шайна и Тода. В этом он существенно отстал от них. Естественно, все это можно купить, но он был совершенно на мели. Весь свой заработок он истратил на то, что считал более необходимым. Он купил у торговца довольно большое количество кэн-ди и хорошо его спрятал, закопав под койкой, стоявшей на самом нижнем уровне их совместного жилища.

Он сам был верующим; он верил в чудо переселения душ, в этот почти священный момент, когда миниатюрные наборы начинали не просто напоминать Землю, но становились ею. Тогда он и другие, объединенные и перенесенные в этот миниатюрный мир благодаря кэн-ди, отправлялись в другое пространство и время. Многие колонисты еще не стали верующими, для них наборы были лишь символами мира, к которому они уже не принадлежали. Однако постепенно, один за другим, уверуют и они.

Даже сейчас, ранним утром, он не мог дождаться возвращения вниз и того момента, когда он

откусит кусочек кэн-ди из тайника, чтобы, разжевав его, присоединиться к товарищам в той торжественной церемонии, которая еще им оставалась.

Он повернулся к Тоду и Шайну:

— Кто-нибудь из вас хочет переместиться?

Так они называли участие в сеансе.

— Я возвращаюсь вниз, — сказал он. — Немного кэн-ди нам сейчас не помешает. Я поделюсь с вами своим.

— Так рано? — спросил Норм Шайн. — Мы же только что встали. Впрочем, нам все равно нечего делать.

Он угрюмо пнул большой полуавтоматический экскаватор, который уже много дней стоял перед входом в барак. Ни у кого не было сил выйти на поверхность и заняться начатой месяц назад расчисткой территории.

— Однако я думаю, — буркнул он, — что нам следует быть наверху и работать в огородах.

— Ну и огород здесь у тебя, — засмеялся Сэм Риган. — И что ты тут такое выращиваешь? Знаешь, как это называется?

Норм Шайн, сунув руки в карманы комбинезона, прошагал по рыхлой, песчаной почве, поросшей скупой растительностью, к своему не

слишком ухоженному огороду. Он остановился и тщательно оглядел грядки в надежде, что проросло больше специально подготовленных семян, но не нашел ни одного нового ростка.

— Брюссельская капуста, — ободряюще сказал Тод. — Хотя она и мутировала, я узнаю эти листья.

Норм отломил лист и начал жевать, однако быстро выплюнул. Лист был горький и весь в песке.

Из барака появилась Хелен Моррис, дрожа на холодном ветру.

— У нас с Фрэн вопрос, — обратилась она к мужчинам. — На Земле психоаналитики брали пятьдесят долларов за час или только за сорок пять минут? Мы хотим, — объяснила она, — добавить аналитика к нашему набору и хотим соблюсти все в точности. Это настоящий, сделанный на Земле и доставленный сюда экземпляр. Помните тот корабль Булеро, который прилетал на прошлой неделе…

— Помним, — кисло ответил Норм Шайн.

Цены, которые запросил продавец, они помнили тоже. А Аллен и Шарлотта Фейн не перестают болтать о разных частях наборов, разжигая у них аппетит.

— Спроси у Фейнов, — предложил жене Тод. — Свяжись с ними по радио, когда они снова будут над нами пролетать. — Он взглянул на часы. — Спутник прилетит через час. У них там есть все данные о товарах. Хотя, честно говоря, эти данные должны прилагаться к тому, что покупаешь.

Этот вопрос его беспокоил, поскольку именно его скины — его и Хелен — пошли на оплату маленькой фигурки психоаналитика, а также диванчика, столика, коврика и полочки с весьма качественно миниатюризированными книгами.

— Ты ведь ходил к психоаналитику там, на Земле, — обратилась Хелен к Норму Шайну. — Сколько он брал?

— Ну, в основном я ходил на групповую терапию, — ответил Норм. — В Клинике психогигиены в Беркли брали столько, сколько ты был в состоянии заплатить. А Подружка Пэт и ее парень ходят, естественно, к частному психоаналитику.

Он шел по выделенному ему огороду, между рядами потрепанных листьев, каждый из которых был чем-нибудь заражен или наполовину съеден местными микроскопическими вредителями. Если ему удастся найти хотя бы одно нетронутое растеньице, одно здоровое… Ему бы этого хватило, чтобы вернуть себе присутствие

духа. Инсектициды с Земли никуда не годились, местные вредители буйствовали в свое удовольствие. Они ждали десять тысяч лет, пока кто-то не появится и не попытается здесь что-то выращивать.

— Полить бы надо, — заметил Тод.

— Надо, — согласился Норм Шайн.

Он угрюмо направился в сторону гидросистемы барака Чикен-Покс, подключенной к уже частично засыпанным ирригационным каналам, обслуживавшим все огороды барака. Он сообразил, что, перед тем как поливать растения, нужно очистить каналы от песка. Если они быстро не приведут в действие большой экскаватор класса А, им не удастся полить огороды, даже если они этого захотят. Однако заниматься этим ему не хотелось. Тем не менее он не мог, как Сэм Риган, просто повернуться и спуститься обратно вниз, чтобы развлекаться со своим набором, собирать или монтировать новые детали, вносить поправки или же, как только что предлагал Сэм, принять дозу старательно спрятанного кэн-ди и начать перемещаться. Он прекрасно понимал, какая лежит на нем ответственность.

— Попроси мою жену, чтобы она пришла сюда, — сказал он Хелен. — Фрэн будет показывать

направление, когда он сядет за руль экскаватора: у нее хороший глазомер.

— Я ей скажу, — вызвался Сэм Риган, направляясь вниз. — Кто идет со мной?

За ним никто не последовал; Тод и Хелен Моррис пошли взглянуть на свой огород, а Норм Шайн был занят тем, что стаскивал защитный чехол с экскаватора и подготавливал его к запуску.

Сэм Риган обнаружил Фрэн сидящей на корточках над набором Подружки Пэт, который Моррисы и Шайны составили вместе.

Занятая своим делом, она сказала, не поднимая головы:

— Подружка Пэт поехала в центр на новом «форде», припарковалась, бросила десять центов в счетчик, сделала покупки, а теперь она в приемной психоаналитика и читает «Форчун». Вот только сколько она должна заплатить за визит? — Она бросила на него взгляд, пригладила длинные темные волосы и улыбнулась.

Фрэн была, несомненно, самой красивой и самой талантливой в бараке. Он мысленно отметил это, и отнюдь не впервые.

— Как ты можешь забавляться этим набором и не жевать… — сказал он и огляделся вокруг. Похоже было, что они одни. Он наклонился и

прошептал: — Пойдем пожуем вместе немного первоклассного кэн-ди. Как раньше. Хорошо?

С бьющимся сердцем он ждал ее ответа. Вспоминая о том, как в последний раз они, соединившись друг с другом, перенеслись в мир Подружки Пэт, он почувствовал возбуждение.

— Хелен Моррис вернется…

— Нет, они возятся с экскаватором там, наверху. Раньше чем через час они не вернутся.

Он взял Фрэн за руку и потянул за собой.

— То, что мы получаем в обычной коричневой обертке, — говорил он, ведя ее в коридор, — нужно быстро использовать. Его нельзя долго хранить, иначе оно стареет и теряет силу.

«А за эту силу мы дорого платим, — мрачно размышлял он. — Слишком дорого, чтобы расходовать ее впустую».

Хотя некоторые — не из этого барака — утверждали, что сила, дающая возможность переместиться, происходит вовсе не от кэн-ди, а связана с точностью сборки набора. Он считал, что это чушь, но многие склонялись именно к такому мнению.

Когда они торопливо входили в комнату Сэма, Фрэн сказала:

— Я приму кэн-ди вместе с тобой, но когда мы

будем уже там, на Земле, мы не будем больше ничем таким заниматься… ну, ты знаешь. То, что мы будем Уолтом и Пэт, не дает нам права… — Она предостерегающе нахмурилась, упрекая его за поведение в прошлый раз и за намерения, о которых она не просила.

— Значит, ты признаешь, что мы на самом деле переносимся на Землю?

На эту тему они спорили уже много раз. Фрэн склонялась к мысли, что перемещение только мнимое, что вокруг — колонисты называли это игрой случая — лишь воображаемые обстоятельства и предметы.

— Я считаю… — медленно сказала Фрэн, высвобождая пальцы из его руки и останавливаясь перед дверью комнаты, — не имеет значения, что это — игра воображения, вызванная наркотиком иллюзия или действительный перенос на Землю наших воспоминаний… — Она замолчала и снова строго посмотрела на него. — Думаю, мы должны вести себя прилично, чтобы не нарушать чистоты нашего общения. — Глядя, как Сэм осторожно отодвигает от стены железную койку и опускает длинный крюк в открывшееся отверстие, она добавила: — Это должно стать нашим очищением, освобождением от бренной телесной оболочки и

переходом в бессмертное тело, по крайней мере на некоторое время — или навсегда, если верить, как некоторые, что это происходит вне времени и пространства, что это вечно. Ты так не думаешь, Сэм? Знаю, что не думаешь. — Она вздохнула.

— Духовное начало, — поморщился Сэм, вытаскивая пакет кэн-ди из дыры в полу. — Отрицание действительности, которое дает… что? Ничего.

— Я не могу доказать, — сказала Фрэн, подходя ближе и глядя, как он открывает пачку, — что воздержание приносит какую-либо пользу. Однако я знаю одно, то, чего ни ты, ни другие сенсуалисты среди нас не в состоянии понять: когда мы принимаем кэн-ди и покидаем наши тела, мы умираем. А умирая, мы сбрасываем бремя… — Она заколебалась.

— Ну, говори же, — подбадривал ее Сэм, открывая пакет и отрезая ножом полоску твердой коричневой субстанции, напоминающей по структуре растительные волокна.

— …греха, — прошептала Фрэн.

Сэм Риган расхохотался:

— Ну ладно. По крайней мере, у тебя ортодоксальные взгляды.

Большинство колонистов согласилось бы с Фрэн.

— Однако, — продолжал он, снова пряча пакетик в безопасном месте, — кэн-ди жуют не для этого. Я не хочу ничего терять… Скорее, я хочу кое-что приобрести.

Он закрыл дверь, после чего быстро достал свой набор Подружки Пэт, разложил его на полу и лихорадочно расставил все предметы по своим местам.

— То, на что мы обычно не имеем права, — добавил он, как будто Фрэн этого не знала.

Ее муж, или его жена, или оба, или другие обитатели барака могли появиться в тот момент, когда Фрэн и он будут в состоянии перемещения. Они увидят их тела, сидящие на допустимом расстоянии друг от друга. Никто, даже самый большой пуританин, не обнаружит в этом ничего плохого. Об этом узнали уже давно: сожительство невозможно доказать — эксперты ООН на Марсе и в других колониях не раз пытались сделать это, но безрезультатно. В состоянии перемещения можно совершить убийство, любое преступление, а с точки зрения закона это будет лишь несбывшимся желанием, иллюзией.

Этот крайне интересный факт давно уже был для него поводом, чтобы принимать кэн-ди. Для него жизнь на Марсе имела и свои приятные

стороны.

— Думаю, — сказала Фрэн, — ты искушаешь меня, ты склоняешь меня к плохим поступкам.

Она грустно села, а ее глаза, большие и темные, сосредоточились в центре набора, около огромного гардероба Подружки Пэт. Не говоря ни слова, она начала рассеянно играть миниатюрной шубкой из соболя.

Он протянул ей половину полоски кэн-ди, после чего бросил оставшуюся часть в рот и начал с наслаждением жевать.

Фрэн тоже начала жевать, все еще с грустным видом.

Он был Уолтом. У него был спортивный корабль марки «Ягуар XXB», на котором можно было выжать пятнадцать тысяч миль в час. У него были итальянские рубашки и английские ботинки. Открыв глаза, он увидел стоящий напротив кровати телевизор, который автоматически включился, настроенный на утреннее шоу великого комедиантатора Джима Брискина. Брискин как раз появился на экране в огненно-рыжем парике. Уолт сел, нажал кнопку, превращавшую кровать в огромное кресло, и откинулся поудобнее, чтобы немного посмотреть программу.

— Я стою здесь, на углу Ван Несс и Маркет в

центре Сан-Франциско, — приятным голосом говорил Брискин. — Мы сейчас станем свидетелями открытия великолепного нового дома имени сэра Фрэнсиса Дрейка, первого дома, который полностью находится под землей. Рядом со мной стоит очаровательная исполнительница баллад, которая даст зданию имя и…

Уолт выключил телевизор, встал, босиком подошел к окну, раздвинул занавески и посмотрел на теплую, сверкающую улицу Сан-Франциско, на холмы и белые дома. Было субботнее утро, и ему не нужно было идти на работу в «Ампекс корпорейшн» в Пало-Альто. Он с удовольствием подумал, что сегодня у него свидание с его девушкой, Пэт Кристенсен, которая жила в новом доме на Потреро-Хилл.

Суббота была всегда.

В ванной он сполоснул лицо водой, потом выдавил крем из тюбика и начал бриться. Глядя в зеркало на знакомое лицо, он заметил прикрепленную там записку, написанную его собственным почерком:

ЭТО ИЛЛЮЗИЯ. ТЫ — СЭМ РИГАН, КОЛОНИСТ С МАРСА. РАСПОРЯДИСЬ СВОИМ ВРЕМЕНЕМ КАК СЛЕДУЕТ. ПРИЯТЕЛЬ! НЕМЕДЛЕННО ПОЗВОНИ ПЭТ!

Бумажка была подписана: «Сэм Риган».

Иллюзия, подумал он. Как это? Он попытался вспомнить: Сэм Риган и Марс, жуткий барак колонистов… Да, он смутно вспоминал что-то такое, но воспоминания были далекими, полустертыми и не слишком убедительными. Он пожал плечами и продолжил прерванное бритье, слегка удивленный и озадаченный. Ладно, допустим, в бумажке написана правда; может быть, он и помнил тот мир, ту угрюмую псевдожизнь эмигранта поневоле, изгнанного из естественной среды. И что с того? Зачем ему уничтожать то, что он имеет? Он сорвал записку, скомкал ее и бросил в мусоропровод.

Закончив бриться, он сразу же позвонил Пэт.

— Послушай, — холодно и коротко сказала она. Ее светлые волосы блестели, она как раз их сушила. — Я не хочу тебя видеть, Уолт. Потому что я знаю, что тебе нужно, а мне вовсе этого не хочется. Понимаешь?

Ее серо-голубые глаза холодно смотрели на него.

— Гм, — кашлянул он, пытаясь придумать какой-нибудь ответ. — Ведь сегодня великолепный день — пойдем куда-нибудь. Может быть, в парк «Золотые Ворота»?

— Будет слишком жарко.

— Нет, — поспешно запротестовал он. — Утром должно быть прохладно. Ну, мы могли бы погулять по пляжу и поплескаться в воде. Хорошо?

Она явно колебалась.

— Однако, судя по нашему недавнему разговору…

— Не было никакого разговора. Я не видел тебя целую неделю, с прошлой субботы. — Он старался, чтобы его голос звучал твердо и убедительно. — Я заеду за тобой через полчаса. Надень купальник, знаешь, тот желтый — испанский, с бюстгальтером.

— О, — презрительно ответила она, — он уже совсем вышел из моды. У меня есть новый, шведский, ты его еще не видел. Я надену его, если можно такие носить. Девушка в магазине не была в этом уверена.

— Договорились, — сказал он и отключился.

Через полчаса его «ягуар» опустился на посадочной площадке на крыше ее дома.

Пэт была одета в свитер и брюки, купальник, как она объяснила, был под ними. Неся корзинку с едой, она пошла вместе с ним к кораблю. Живая и прекрасная, она шла впереди него, забавно семеня ногами в маленьких сандалиях. Похоже,

что все же будет прекрасный день, теперь, когда первоначальная тревога прошла… слава богу.

— Подожди, увидишь мой купальник! — крикнула она, вскакивая в стоящий корабль и ставя корзинку на пол. — Он в самом деле очень смелый. Его почти нет, требуются некоторые усилия, чтобы поверить в его существование.

Когда он сел, она прижалась к нему.

— Я думала о том нашем разговоре… позволь мне закончить. — Она положила пальцы ему на губы, требуя молчания. — Я знаю, что разговор был, Уолт. Но в некотором смысле ты прав. Мы должны максимально использовать наши возможности. У нас мало времени, лишь столько, чтобы… по крайней мере, мне так кажется.

Она слабо улыбнулась.

— Так что лети так быстро, как только можешь. Я хочу увидеть океан.

Вскоре они оказались на стоянке у окраины пляжа.

— Будет все жарче, — рассудительно сказала Пэт. — С каждым днем. Правда? Пока в конце концов это станет невыносимо. — Она стянула свитер и, приподнявшись в кресле, ухитрилась снять джинсы. — Однако мы до этого не доживем. Пройдет еще лет пятьдесят, прежде чем станет

невозможно в полдень выйти из дома. Когда, как говорится, собаку будет на улицу не выгнать. Сейчас еще не так плохо.

Она открыла дверцу и вышла наружу, одетая в купальный костюм. Она действительно была права: оставалось верить ей на слово, что он на ней надет. Костюм полностью отвечал желаниям их обоих.

Они шли рядом по мокрому, слежавшемуся песку, разглядывая медуз, ракушки и камешки, выброшенные волнами на берег.

— Какой сейчас год? — остановившись, вдруг спросила Пэт.

Чистые и длинные пряди ее распущенных волос развевались на ветру, как золотой пух.

— Ну, кажется… — начал он, но никак не мог вспомнить. — Черт возьми!

— Ладно, не важно.

Она взяла его под руку, и они не спеша пошли дальше.

— Смотри, там, за теми скалами, уютное местечко! — крикнула она и ускорила шаг. Ее длинные изящные ноги сражались с ветром, песком и знакомой тяжестью старого, давно утраченного мира. — Я… как ее зовут?.. Фрэн? — вдруг спросила она. — Или я Патриция Кристенсен? — Она

пригладила волосы обеими руками. — У меня светлые волосы, значит, я Пэт. Подружка Пэт.

Она скрылась за скалами. Он быстро пошел следом.

— Когда-то я была Фрэн, — бросила она через плечо, — но сейчас это не имеет значения. Раньше я могла быть кем угодно: Фрэн, Хелен или Мэри. Сейчас это не имеет значения, правда?

— Нет, — не согласился он, догоняя ее. Тяжело дыша, он сказал: — Это важно, что ты была Фрэн. Это существенно.

— Существенно.

Она бросилась на песок и легла, опершись на локоть и чертя на песке кусочком черного камня длинные глубокие борозды. Потом она отбросила камень и села, глядя на океан.

— Однако все здесь… из мира Пэт.

Она положила руки на свои груди и медленно подняла их вверх с выражением легкого удивления на лице.

— Они, — сказала она, — принадлежат Пэт. Мои меньше, я помню.

Он молча сел рядом.

— Мы здесь, — наконец сказала она, — чтобы делать то, чего мы не можем делать в бараке. Там, где мы оставили наши убогие тела. Пока будут

в порядке наши наборы, все это... — Она замолчала и махнула рукой в сторону океана, потом снова коснулась груди, казалось, не веря своим глазам. — Это тело не может постареть, правда? Мы стали бессмертными.

Она легла лицом вверх на теплый песок и закрыла глаза, заслонив лицо рукой.

— А поскольку мы здесь и можем заниматься тем, чего нельзя делать в бараке, в соответствии с твоей теорией мы должны именно этим и заниматься. Мы должны воспользоваться предоставленной нам возможностью.

Он наклонился и поцеловал ее в губы.

Внезапно он услышал прозвучавший в мозгу чей-то голос:

— Ведь я могу делать это в любой момент.

Он почувствовал присутствие в своем теле кого-то чужого. Он отодвинулся от девушки и сел.

«В конце концов, — сказал Норм Шайн, — я ее муж. — И рассмеялся.

— Кто тебе позволил пользоваться моим набором? — подумал со злостью Сэм Риган. — Убирайся из моей комнаты. И могу поспорить, что ты пользуешься моим кэн-ди».

— Ты сам мне его предложил, — ответил обитатель его тела. — Я решил воспользоваться

приглашением.

«Я тоже здесь, — подумал Тод Моррис. — И если хочешь знать мое мнение…»

— Никто тебя об этом не спрашивает, — рассердился Норм Шайн. — Тебя вообще никто сюда не приглашал. Почему бы тебе не продолжить ковыряться в своем убогом огороде, где ты должен сейчас быть?

«Я с Сэмом, — холодно думал Тод Моррис. — Только здесь я могу делать это».

Сила его воли соединилась с волей Сэма. Уолт снова склонился над лежащей девушкой и снова поцеловал ее в губы, на этот раз с большим чувством.

Не открывая глаз, Пэт тихо сказала:

— Это я, Хелен. Я тоже здесь. — Потом добавила: — И Мэри тоже. Однако мы не брали твоего кэн-ди. У нас есть свой.

Она обняла его: три обитательницы тела Подружки Пэт объединились в едином порыве. Удивленный Сэм Риган разорвал контакт с Тодом Моррисом, подчинился воле Норма Шайна, и Уолт оставил в покое Подружку Пэт.

Волны океана омывали их, лежащих на песке, — два тела, содержавшие в себе личности шести человек. Шесть в двух, подумал Сэм Риган.

Снова та же самая загадка: как это получается? Все тот же старый вопрос.

«Однако меня волнует лишь то, — думал он, — пользовались ли они моим кэн-ди. А я готов побиться о заклад, что это так. Меня не волнует, что они говорят. Я им не верю».

Встав, Подружка Пэт сказала:

— Ну, я вижу, что могу пойти искупаться. Ничего не происходит.

Она вошла в воду и с плеском начала удаляться от смотревших на нее обитателей второго тела.

«Упустили такую возможность», — со злостью подумал Тод Моррис.

— Это я виноват, — признался Сэм. Совместными усилиями им с Тодом удалось встать. Они прошли несколько шагов вслед девушке и, оказавшись по щиколотку в воде, остановились.

Сэм Риган уже ощущал, что действие наркотика заканчивается. Он чувствовал слабость, страх и отвращение, которыми это сопровождалось.

«Так чертовски быстро, — подумал он. — Все кончено; снова в барак, в нору, в которой мы извиваемся и ползаем, как черви, боящиеся дневного света. Бледные, промокшие и отвратительные».

Его передернуло.

Он снова увидел свою комнату, металлическую

койку, умывальник, стол, кухонную плиту… и разбросанные, как кучи тряпья, пустые тела лежащих без сознания товарищей: Тода и Хелен Моррис, Норма Шайна и своей жены Мэри. Они смотрели на него пустыми глазами. Он с отвращением отвернулся.

На полу между ними стоял набор. Сэм увидел обе куклы, Пэт и Уолта, на берегу океана, возле припаркованного «ягуара». На Подружке Пэт, естественно, был почти невидимый шведский купальник, а рядом с лежащими стояла маленькая корзинка с провизией.

Около набора он заметил коричневую бумагу из-под кэн-ди. Они израсходовали все. Он даже видел тонкие струйки блестящего коричневого сиропа, стекавшие из уголков бессмысленно приоткрытых ртов.

Фрэн Шайн пошевелилась, открыла глаза и застонала. Она посмотрела на него и тяжело вздохнула.

— Они до нас добрались, — сказал он.

— Мы слишком долго тянули.

Она встала, зашаталась и чуть не упала. В то же мгновение он был рядом с ней, поймал ее и поддержал.

— Ты был прав. Надо было сделать это сразу,

если нам хотелось. Однако…

Она позволила ему на мгновение обнять ее.

— Я люблю длинные вступления. Прогулки по пляжу, демонстрацию купальника, которого почти нет… — Она улыбнулась.

— Могу поспорить, что еще несколько минут они будут без сознания, — сказал Сэм.

— Да, ты прав, — ответила Фрэн, широко открывая глаза. Она выскользнула из его объятий, подскочила к двери, быстро открыла ее и исчезла в коридоре. — В нашей комнате! — крикнула она ему. — Поторопись!

Обрадованный, он поспешил за ней. Это казалось очень забавным, его разбирал смех. Фрэн бежала перед ним по трапу наверх, на свой уровень барака. Он догнал ее и, когда они добежали до ее комнаты, подхватил на руки. Они вместе ввалились внутрь и со смехом покатились по металлическому полу к противоположной стене.

«И все-таки мы победили», — подумал он, ловко расстегивая ее бюстгальтер и молнию на юбке и снимая туфли без шнурков, похожие на тапочки. Все сразу. Его пальцы блуждали везде, и Фрэн вздохнула. На этот раз не от усталости.

— Я лучше закрою дверь.

Он встал, быстро подошел к двери и закрыл

ее на задвижку. Тем временем Фрэн быстро разделась.

— Иди сюда, — торопила она его. — Не стой так.

Она поспешно бросила одежду на пол и придавила ее сверху туфлями.

Он лег рядом с ней, а ее ловкие холодные руки начали его ласкать. В черных глазах разгорался огонь, и прикосновение ее пальцев давало ни с чем не сравнимое наслаждение.

И это именно здесь, в этой жуткой дыре на Марсе! Однако обычно им удавалось делать это старым, единственно возможным способом — благодаря наркотику, который тайно доставляли торговцы. Им дал эту возможность кэн-ди. Они продолжали в нем нуждаться. Они не были свободны.

«И не могли быть, — подумал он, когда колени Фрэн сжали его обнаженные бедра. — Совсем наоборот. Нам бы даже не помешало еще немного», — думал он, в то время как его рука опускалась по ее плоскому, дрожащему животу.

Глава 4

В приемной Госпиталя ветеранов имени Джеймса Риддла, на базе III на Ганимеде, Лео Булеро приподнял дорогую, ручной работы шляпу перед девушкой в накрахмаленном белом халате и сказал:

— Я приехал повидаться с одним из пациентов, мистером Элдоном Трентом.

— Весьма сожалею, сэр… — начала девушка, но он бесцеремонно перебил ее:

— Скажи ему, что здесь Лео Булеро. Понимаешь? Лео Булеро.

Возле ее руки он заметил регистрационный журнал, а в нем номер палаты Элдрича. Когда девушка отвернулась, он двинулся вглубь коридора.

«Черт побери, — подумал он. — Я преодолел миллионы миль и намерен увидеть его, кем бы он ни был».

У дверей палаты его остановил солдат ООН, вооруженный автоматом; молоденький солдатик с чистыми, холодными, как у той девушки, глазами — глазами, которые однозначно говорили

«нет» — даже ему.

— Ладно, — пробормотал Лео. — Я все понимаю. Но если бы тот, кто там лежит, знал, что я здесь, он приказал бы меня впустить.

Позади него раздался резкий женский голос, при звуке которого Лео вздрогнул.

— Как вы узнали, что мой отец здесь, мистер Булеро?

Он обернулся и увидел коренастую женщину лет тридцати пяти, которая пристально разглядывала его.

«Это Зоя Элдрич, — подумал он. — Ошибиться невозможно. Я довольно часто видел ее в газетах, в светской хронике».

Появился представитель ООН.

— Мисс Элдрич, если вы хотите, мы можем удалить мистера Булеро из здания. Это зависит от вас.

Он мило улыбнулся Лео, и тот сразу же его узнал. Это был шеф юридического отдела ООН, начальник Неда Ларка, Фрэнк Сантина. Черноглазый энергичный Сантина бросил взгляд на Зою Элдрич, ожидая ответа.

— Нет, — решила наконец Зоя Элдрич. — По крайней мере не сейчас. Не раньше чем я выясню, откуда он узнал, что папа находится здесь. Он не

должен был этого знать. Верно, мистер Булеро?

— Наверняка он воспользовался услугами одного из своих ясновидцев, — буркнул Сантина. — Так, Булеро?

Лео неохотно кивнул.

— Видите ли, мисс Элдрич, — объяснил Сантина, — такой человек, как Булеро, может купить все, что пожелает, талант любого рода. — Он показал на двух вооруженных охранников перед дверью Палмера Элдрича. — Вот почему эти двое стоят здесь днем и ночью. Мы ждали тебя, Булеро.

— Может, все-таки есть какая-то возможность поговорить с Элдричем по делу? — спросил Лео. — Для этого я прилетел сюда. Я не требую ничего незаконного. Думаю, вы все свихнулись или пытаетесь что-то скрыть. Может, у вас совесть нечиста?

Он смерил их взглядом, но не заметил какой-либо реакции.

— Там в самом деле Палмер Элдрич? — спросил он. — Готов поспорить, что нет.

Он снова не получил никакого ответа. Никто из них не попадался на удочку.

— Я устал, — наконец сказал он. — Я долго добирался сюда. К черту все, я хочу поесть, а потом

найти какой-нибудь номер в отеле, поспать часов десять и забыть об этом.

Он повернулся и ушел.

Ни Сантина, ни мисс Элдрич не пытались его остановить. Разочарованный, он шел дальше, чувствуя все возрастающее отвращение.

Видимо, придется добираться до Палмера Элдрича через какого-нибудь посредника.

«Может быть, — подумал он, — Феликс Блау и его частные детективы сумели бы сюда проникнуть. Стоит попробовать».

Он был настолько подавлен, что все казалось ему лишенным смысла. Почему бы не сделать так, как он сказал: поесть, а потом немного отдохнуть, забыть на время о Палмере Элдриче?

«К черту их всех, — подумал он, выходя из госпиталя и идя по тротуару в поисках такси. — Дочка, — думал он. — Крепкая баба, а с этой короткой стрижкой и без макияжа выглядит как лесбиянка. Тьфу!»

Он нашел такси и вскоре уже летел, погруженный в размышления.

В конце концов с помощью видеотелефона в такси он связался с Землей, с Феликсом Блау.

— Рад тебя видеть, — сказал Феликс Блау, сообразив, с кем говорит. — В Бостоне при странных

обстоятельствах появилась некая организация, которая, похоже, с неба свалилась…

— Чем они занимаются?

— Они хотят что-то выбросить на рынок. Они уже запустили в действие всю рекламную машину, в том числе три рекламных спутника вроде твоих. Один на орбите Марса, другой на орбите Ио, а третий летает вокруг Титана. По слухам, они собираются выйти на рынок с товаром повседневного спроса, составляющим конкуренцию твоему набору Подружки Пэт. У них это называется Конни-Куколка. — Он усмехнулся. — Ловко?

— А что с… ну, ты знаешь. С приложением? — спросил Лео.

— Нет информации. Если допустить, что какое-то приложение есть, они будут распространять его помимо легальных торговых каналов. Набор без… приложения имеет какой-нибудь смысл?

— Нет.

— Значит, вот тебе ответ на твой вопрос.

— Я позвонил тебе, — он сменил тему, — чтобы узнать, не можешь ли ты устроить мне беседу с Палмером Элдричем. Я обнаружил его здесь, на Ганимеде, на третьей базе.

— Помнишь мое сообщение о том, что Элдрич привез лишайник, похожий на тот, который

используется для производства кэн-ди? А может быть, эта фирма в Бостоне принадлежит Элдричу? Хотя, кажется, прошло слишком мало времени. Однако он мог дать радиограмму дочери с десятилетним опережением.

— Теперь я уже обязательно должен с ним встретиться, — сказал Лео.

— Полагаю, речь идет о Госпитале ветеранов. Мы подозревали, что он может быть там. Кстати, ты слышал когда-нибудь о человеке по имени Ричард Хнатт?

— Нет.

— Представитель этой новой фирмы в Бостоне встретился с ним и заключил какой-то договор. Этот представитель, Ихольц…

— Что за галиматья, — перебил Лео. — А я даже не могу добраться до Элдрича. Сантина караулит у дверей вместе с этой розовой дочкой Палмера.

Он пришел к выводу, что через преграду в лице этих двоих не пробиться никому.

Он сообщил Блау адрес отеля на базе III, где он оставил багаж, а потом закончил разговор.

«Готов поспорить, что этот конкурент — Палмер Элдрич, — подумал он. — Такова уж моя судьба. Приходится заниматься именно тем делом, которым решил заняться вернувшийся с Проксимы

Элдрич. Почему я не делаю систем наведения для ракет, соперничая лишь с «Дженерал электрик» и «Дженерал дайнэмикс»?»

Теперь он уже всерьез задумался о том, что за лишайник привез с собой Элдрич. Наверняка улучшенную разновидность сырья для кэн-ди. Более дешевую в производстве, дающую возможность более мощного и более длительного перемещения. О господи!

Ему пришла в голову странная мысль. Недавно в Объединенной Арабской Республике возникла новая организация обученных наемных убийц. Они наверняка смогли бы найти возможность убрать Палмера Элдрича. Раз уж он, Лео Булеро, решил…

Однако оставалось еще предсказание Ронди-неллы Фьюгейт, что в будущем его обвинят в убийстве Палмера Элдрича.

Видимо, он найдет какой-то способ обойти препятствия.

У него с собой было оружие — настолько маленькое, настолько незаметное, что даже самый тщательный обыск не мог бы его обнаружить. Когда-то очень давно один хирург в Вашингтоне вшил ему в язык самонаводящуюся отравленную стрелочку, сделанную по советскому образ-

цу, — но значительно усовершенствованную, поскольку, выполнив свою задачу, она самоуничтожалась, не оставляя следов в теле жертвы. Яд был тоже необычный: он не влиял на работу сердца или артериальное давление, но представлял собой вирус, который проникал в кровь жертвы и там размножался, вызывая смерть в течение сорока восьми часов. Это был канцерогенный вирус, обнаруженный на одном из спутников Урана и до сих пор не исследованный. Это стоило ему целого состояния. Теперь достаточно было остановиться в шаге от того, кого он собирался убить, и надавить рукой на основание языка, одновременно высунув его в направлении жертвы. Если он встретится с Элдричем…

И лучше бы так и произошло, осознал он, прежде чем эта новая корпорация в Бостоне начнет производство. Прежде чем она будет в состоянии функционировать без Палмера Элдрича. Его, как сорняк, нужно было выдернуть своевременно либо не выдергивать вообще.

Добравшись до своего номера в отеле, он заказал разговор с «Наборами П. П.», чтобы узнать, не поступили ли какие-то важные сообщения.

— Да, — сказала мисс Глисон, увидев его на экране. — С вами срочно хочет говорить мисс

Импэйшенс Уайт — если я правильно поняла. Вот ее номер. Это на Марсе. — На экране появилась записная книжка.

Сначала Лео не мог вспомнить ни одной женщины по фамилии Уайт. Потом вспомнил и испугался. Зачем она звонила?

— Спасибо, — пробормотал он и сразу же отключился. Господи, если юридический отдел ООН подслушивал этот разговор. Действовавшая на Марсе Импи Уайт была одним из самых крупных торговцев кэн-ди.

Преодолевая внутреннее сопротивление, он набрал номер.

На экране видеотелефона появилась Импи Уайт, женщина с тонкими чертами лица и острым взглядом, по-своему красивая. Лео представлял себе более живописную фигуру, однако она и так выглядела достаточно воинственно.

— Мистер Булеро, я хочу вам сказать…

— Что, нет других способов? Других каналов?

Коннер Фриман, руководитель операции на Венере, всегда мог с ним связаться. Мисс Уайт должна была передавать информацию через Фримана, своего шефа.

— Мистер Булеро, сегодня утром я была в одном из бараков на юге с партией товара. Колонисты

не хотели ничего покупать. Они утверждали, что потратили все скины на новый продукт. Примерно такой же, как… тот, который мы продаем. Чуинг-зет. И… — Она продолжала говорить, но Лео Булеро уже отключил связь.

Он сидел молча, потрясенный.

«Нельзя падать духом, — подумал он. — В конце концов, я прошел курс эволюционной терапии. Значит, так: это тот новый продукт бостонской фирмы. По всей видимости, его делают из лишайника Элдрича. Он лежит себе на больничной койке в миле отсюда и наверняка отдает распоряжения через Зою, а я ничего не могу с этим поделать. Машина запущена и работает. Уже поздно. Даже эта стрелочка в языке, — с горечью подумал он, — ничем не поможет».

Однако он знал, что придумает что-нибудь. Как обычно.

Это еще не конец для «Наборов П. П.».

Только что, в самом деле, мог он сделать? Он понятия не имел, и это отнюдь не уменьшало его беспокойство.

«Ну приходи же, идея, — молил он. — На что у меня искусственно развитые мозги? Боже, помоги мне победить врагов, этих выродков. Может быть, если бы я воспользовался услугами моих

ясновидцев Рони Фьюгейт и Барни… Может быть, они до чего-нибудь додумались бы. Особенно этот старый пройдоха Барни. Пока что я его вообще нигде не использовал».

Он снова заказал разговор с «Наборами П. П.» на Земле. На этот раз он попросил соединить его с отделом Барни Майерсона.

Внезапно он вспомнил проблемы Барни с призывом, его попытки сделать себя неспособным переносить стресс, чтобы не окончить свои дни в бараке на Марсе.

«Я помогу ему, — угрюмо подумал Булеро. — Для него опасность призыва уже миновала».

Когда Булеро позвонил с Ганимеда, Барни Майерсон сидел один в своем кабинете. Разговор был недолгим. Когда он закончился, Барни взглянул на часы и удивился. Пять минут. Ему казалось, что разговор продолжался целую жизнь.

Он встал и, нажав на кнопку интеркома, сказал:

— Прошу пока никого ко мне не впускать. Даже… и в особенности мисс Фьюгейт.

Он подошел к окну и стал смотреть на жаркую, залитую солнцем пустую улицу.

Лео свалил всю проблему на его голову. Барни впервые видел своего шефа в отчаянии.

«Представьте себе, — думал Барни, — Лео Булеро сбит с толку — впервые столкнулся с конкуренцией».

Лео просто не привык к этому. Существование этой новой фирмы из Бостона полностью его дезориентировало. Он был беспомощен, как ребенок.

В конце концов Лео оправится от шока, но пока…

«Что я могу с этого иметь? — спрашивал сам себя Барни Майерсон и не мог найти немедленного ответа. — Я могу помочь Лео… Но что, собственно, Лео может сделать для меня? Этот вопрос куда более существенный».

Собственно, иначе он и не мог думать. Его приучил к этому сам Лео за долгие годы работы. Как работодатель, Лео не мог желать ничего другого.

Какое-то время Барни сидел погруженный в размышления, а потом, как и просил Лео, обратил свой мысленный взор в будущее. Он попытался еще раз заглянуть в ситуацию, связанную с его призывом. Ему хотелось знать, как решится эта проблема.

Однако этот факт был слишком незначительным, чтобы попасть в средства массовой информации. Бесполезно было искать в заголов-

ках газет, в сводках новостей… Но в отношении Лео все было совершенно иначе. Он видел многочисленные статьи в газетах, касающиеся Лео и Палмера Элдрича. Конечно, все это было туманно, и различные версии смешивались в хаотический клубок. Лео встретится с Палмером Элдричем. Лео не встретится. Или вот… Лео организовал убийство Палмера Элдрича. Господи, что это значит?

Это означало — как он обнаружил, изучив информацию внимательнее, — именно то, о чем он думал. А если Лео Булеро будет арестован и осужден, это могло бы означать конец «Наборов П. П.» как источника заработка. А также конец карьеры, ради которой он уже пожертвовал всем, своим супружеством и женщиной, которую — до сих пор! — любил.

Видимо, предупредить Лео было бы для него полезно, даже необходимо. Даже такую информацию он мог бы обратить в свою пользу.

Он позвонил Лео:

— У меня есть информация.

— Отлично, — обрадовался Лео. На его румяном, удлиненном лице отразилось облегчение. — Говори, Барни.

— Скоро произойдет нечто, что вы можете использовать, — сказал Майерсон. — Вам удастся

встретиться с Элдричем. Не там, в госпитале, а где-то в другом месте. По его собственному требованию его заберут с Ганимеда. — Он осторожно продолжал, стараясь не выдать всего, что узнал: — Начнутся недоразумения между ним и ООН. Сейчас, когда он не может передвигаться, он пользуется ее защитой. Однако когда он почувствует себя лучше…

— Подробности, — немедленно потребовал Лео, весь обращаясь в слух.

— Я хотел бы кое-что взамен.

— За что? — Лео нахмурился.

— За то, что я сообщу вам точную дату и место, где вам удастся встретиться с Палмером Элдричем, — сказал Барни.

— А чего ты хочешь? — рявкнул Лео.

Он смотрел на Барни с плохо скрываемым испугом. Э-терапия не помогала избавиться от опасений.

— Четверть процента ваших доходов. От «Наборов П. П.»… за исключением доходов из других источников.

То есть сети плантаций на Венере, где получали кэн-ди.

— Боже милостивый! — прошептал Лео.

— Это не все.

— Что еще? Ведь ты будешь богачом!

— Еще я хочу, чтобы вы провели реорганизацию в отделе прогнозов моды. Каждый останется на своем месте, выполняя те же функции, что и раньше, но с одним исключением. Все их решения буду контролировать я, и мой голос будет решающим. Таким образом, я уже не буду представлять один регион. Можете отдать Нью-Йорк Рони, если только…

— Жажда власти, — хрипло сказал Лео.

Барни пожал плечами. Кого волнует, как это называется? Это была кульминация его карьеры. Только это было сейчас важно. И все должны это понять, включая Лео. Он — прежде всего.

— Ладно, — сказал Лео, кивая головой. — Можешь командовать другими консультантами, меня это не волнует. Теперь скажи мне, как, когда и где…

— Вы можете встретиться с Палмером Элдричем через три дня. Один из его кораблей, без опознавательных знаков, отвезет Элдрича послезавтра с Ганимеда в его владения на Луне. Там он будет лечиться дальше, но на территории, не принадлежащей ООН. Фрэнку Сантине там нечего будет делать, так что можете о нем забыть. Двадцать третьего числа Элдрич примет

репортеров и сообщит им свою версию того, что произошло с ним во время его путешествия. Он будет в хорошем настроении — по крайней мере, так напишут в газетах. Невредимый, довольный возвращением и постепенно выздоравливающий… Он расскажет им длинную историю о…

— Скажи только, как мне туда попасть. У него ведь будет собственная охрана.

— «Наборы П. П.», — ответил Барни, — четыре раза в год издают свой собственный профессиональный журнал «Миниатюризатор». У него настолько маленький тираж, что вы, наверное, о нем даже не помните.

— Ты хочешь сказать, что я должен отправиться туда в качестве репортера нашего журнала? — вытаращил глаза Лео. — И на этом основании я смогу проникнуть в его владения? — Он недовольно поморщился. — К черту! Я не должен был соглашаться на твои условия, чтобы получить столь бесполезную информацию. Об этом написали бы в газетах через день или два… Ведь если там будут репортеры, то такая информация должна появиться.

Барни пожал плечами, не утруждая себя ответом.

— Похоже, ты меня перехитрил, — сказал

Лео. — Кажется, я был чересчур нетерпелив. Ну что ж, — философски добавил он, — может быть, скажешь мне, о чем он собирается рассказать репортерам? Что он нашел в системе Проксимы? Упомянет ли он о лишайниках, которые привез?

— Упомянет. Он скажет, что это безвредная форма жизни, проверенная отделом наркотиков ООН, которая заменит… — он задумался, — некоторые опасные, вызывающие привыкание препараты, употребляемые повсеместно. И…

— И… — угрюмо закончил Лео, — объявит о создании фирмы, которая будет заниматься изготовлением этого ненаркотического продукта.

— Да, — сказал Барни. — Под названием «чуинг-зет». Лозунг фирмы: «Новое поколение выбирает чуинг-зет!»

— Боже мой!..

— Они обо всем договорились значительно раньше, по радио. Посредником была его дочь, а поддержку оказали Сантина и Ларк из ООН. Даже сам Хепберн-Гилберт. Таким образом они хотят покончить с торговлей кэн-ди.

Наступила тишина.

— Ладно, — наконец сказал Лео. — Стыдно, что ты не предвидел этого несколько лет назад, но… черт с ним, ты всего лишь простой сотрудник, и

такого поручения тебе не давали.

Барни пожал плечами.

Булеро, удрученный, отключился.

«Такие дела, — подумал Барни. — Я нарушил первую заповедь делающего карьеру: никогда не говори начальнику того, чего он не хочет услышать. Интересно, каковы будут последствия?»

Снова зазвонил видеотелефон. На экране опять появилось расплывчатое изображение лица Лео.

— Послушай, Барни. Мне только что пришло кое-что в голову. Тебя это вряд ли обрадует, так что приготовься.

— Я готов, — ответил Барни.

— Я забыл, а должен был помнить, что разговаривал недавно с мисс Фьюгейт и она знает… о некоторых событиях в будущем, касающихся меня и Палмера Элдрича. Событиях, о которых — если бы она почувствовала угрозу, а с твоей стороны она наверняка может ее почувствовать — она могла бы рассказать и доставить нам много хлопот. Честно говоря, я начинаю подозревать, что все мои консультанты могли получить эту информацию, и идея сделать тебя руководителем всех ясновидцев…

— Эти «события», — перебил его Барни, — касаются обвинения вас в убийстве Палмера

Элдрича.

Лео кашлянул, вздохнул и угрюмо взглянул на него. Наконец, поколебавшись, он кивнул.

— Я не могу позволить вам отказаться от договора, который мы только что заключили, — сказал Барни. — Вы дали определенные обещания, и я полагаю, что…

— Однако, — в отчаянии сказал Лео, — эта глупая девчонка… Не знаешь, чего от нее ждать, она готова кинуться в полицию ООН. Она приперла меня к стене, Барни!

— Я тоже, — спокойно сказал Майерсон.

— Да, но тебя я знаю много лет. — Лео, казалось, быстро приходил в себя. Он оценивал ситуацию своим, как он часто и с удовольствием подчеркивал, «эволюционировавшим разумом второго поколения». — Мы коллеги. Ты не сделал бы того, на что способна она. Во всяком случае, я согласен на твое процентное участие в прибыли фирмы. Договорились? — Он беспокойно, но решительно посмотрел на Барни. — Заключим договор?

— Мы его уже заключили.

— Я же тебе говорю, черт побери, что я забыл…

— Если вы не согласитесь, — сказал Барни, — я уволюсь. И пойду куда-нибудь в другое место.

Он слишком много лет ждал и не мог упустить

такую возможность.

— Да? — недоверчиво спросил Лео. — Понимаю, ты собираешься не просто пойти в полицию ООН. Ты намерен… перейти к Палмеру Элдричу!

Барни ничего не ответил.

— Предатель, — сказал Лео. — Вот что происходит с людьми, которые любой ценой пытаются удержаться на плаву. Послушай, я вовсе не уверен, что Палмер возьмет тебя к себе. Вероятно, у него уже есть своя группа консультантов. А если он уже знает, что я… — Он замолчал. — Да, рискну; думаю, что ты страдаешь излишним тщеславием. Как это называли древние греки? Хубрис? Сатанинское тщеславие, заходящее чересчур далеко. Так что иди, Барни. Делай что хочешь. Меня это не волнует. Желаю успеха, приятель. Напиши, как идут дела, а в следующий раз, прежде чем начнешь кого-нибудь шантажировать…

Барни прервал связь. Экран потемнел.

«Такой же серый, — подумал Майерсон, — как мои мысли и весь мир, как вся действительность».

Он встал и, сунув руки в карманы, начал ходить по комнате.

Он пришел к выводу, что лучше всего в данный момент будет связаться с Рони Фьюгейт,

поскольку именно ее боится Лео Булеро, и не без причин. Есть миллиарды вещей, которые она умеет делать, а он нет. И Лео об этом знает. Снова усевшись в кресло, он вызвал по интеркому Рони Фьюгейт, которая появилась через несколько минут.

— Привет, — весело сказала она. На ней было разноцветное платье из Пекина с большим вырезом на груди. — В чем дело? Я пыталась с тобой связаться минуту назад, но…

— Ты, похоже, никогда… — заметил он, — никогда полностью не одета. Закрой дверь.

Она закрыла дверь.

— Однако, — добавил он, — я должен признать, что прошлой ночью в постели ты была очень хороша.

— Спасибо.

Ее юное лицо лучилось радостью.

— Ты в самом деле уверена, что твой шеф убьет Палмера Элдрича? Или у тебя есть какие-то сомнения?

Она сглотнула слюну, наклонила голову и пробормотала:

— Ты просто искришься талантом.

Она села и положила ногу на ногу. Он заметил, что на ней нет чулок.

— Конечно, у меня есть сомнения. Прежде всего со стороны мистера Булеро это было бы полнейшим идиотизмом, поскольку это означало бы конец его карьеры. Газеты не сообщают… и не сообщат о мотивах, поэтому я не знаю, что случится. Это должно быть нечто очень серьезное и ужасное, правда?

— Конец его карьеры, — сказал Барни, — а также твоей и моей.

— Нет, — сказала Рони. — Не думаю, мой дорогой. Давай поразмышляем. Мистер Палмер Элдрич намерен захватить рынок миниатюрных комплектов. Разве не правдоподобный мотив? И разве это ничего нам не говорит о будущей экономической реальности? Даже если мистер Элдрич погибнет, может оказаться, что его организация…

— Значит, переходим к Элдричу? Вот так просто?

Сосредоточенно нахмурившись, Рони задумчиво сказала:

— Я не совсем это имела в виду. Однако нам следует быть осторожными, чтобы не проиграть вместе с мистером Булеро. Мы не хотим вместе с ним пойти ко дну… У меня впереди еще годы работы, и то же самое — в несколько меньшей

степени — касается тебя.

— Спасибо, — кисло сказал Барни.

— Сейчас нам надо все хорошо спланировать. А если ясновидец не в состоянии планировать, то…

— Я передал Лео информацию, которая приведет к его встрече с Элдричем. Тебе не пришло в голову, что они вдвоем могут создать синдикат? — Он внимательно смотрел на нее.

— Нет… Ничего такого я не вижу. На эту тему нет никаких сообщений.

— Господи, — поморщившись, сказал он, — ведь об этом в газетах не сообщат.

— О! Кажется, ты прав, — смущенно сказала она.

— А если бы это произошло, — сказал он, — то уход от Лео и переход к Элдричу ничего бы нам не дал. Он принял бы нас обратно, диктуя свои условия. С тем же успехом мы могли бы полностью переквалифицироваться.

Для него это было очевидно, и по выражению лица Рони Фьюгейт он видел, что для нее тоже.

— Если мы пойдем к Палмеру Элдричу…

— «Если»? Мы должны это сделать.

— Нет, не должны, — сказал Барни. — Мы можем держаться за то, что у нас есть.

«Мы можем остаться у Лео Булеро независимо от того, пойдет ли он на дно, выберется или даже вообще исчезнет», — подумал он.

— Я скажу тебе, что мы еще можем сделать. Мы пойдем ко всем остальным прогностикам, работающим в «Наборах П. П.», и организуем наш собственный синдикат.

Это была идея, которую Барни хотел реализовать уже много лет.

— Это было бы нечто вроде гильдии, обладающей монополией. Тогда мы могли бы диктовать условия как Лео, так и Элдричу.

— Только у Элдрича, скорее всего, уже есть свои собственные консультанты, — улыбнулась Рони. — Ты не слишком хорошо представляешь, что делать, правда, Барни? Понимаю. Как жаль. Столько лет работы. — Она грустно покачала головой.

— Теперь я понимаю, — сказал он, — почему Лео не хотел тебя беспокоить.

— Потому что я говорю правду в глаза? — Она подняла брови. — Да, видимо, так, — добавила она. — Все боятся правды. Например, ты. Ты не хочешь посмотреть правде в глаза и признать, что ты сказал «нет» тому несчастному продавцу керамики только затем, чтобы досадить жен-

щине, которая…

— Заткнись! — яростно сказал Барни.

— Знаешь, где сейчас наверняка этот продавец вазочек? У Палмера Элдрича. Ты оказал ему — и своей бывшей жене — услугу. А если бы ты сказал «да», ты полностью подчинил бы его разоряющейся фирме, лишая их обоих шансов на… — Она замолчала. — То, что я говорю, тебе, кажется, неприятно.

Он махнул рукой и сказал:

— Это не имеет ничего общего с тем, из-за чего я тебя вызвал.

— Верно. — Она кивнула. — Ты вызвал меня, чтобы мы вместе придумали, как предать Лео Булеро.

— Послушай… — смущенно начал он.

— Ведь это правда. Ты не можешь справиться сам, тебе нужна я. Я не сказала «нет». Успокойся. Однако мне кажется, сейчас не слишком подходящее время и место для подобных дискуссий. Подождем, пока не вернемся домой. Ладно? — Она одарила его лучезарной, необычно теплой улыбкой.

— Ладно, — согласился он. Она была права.

— Было бы очень печально, — сказала она, — если бы нас тут подслушивали. Может быть,

мистер Булеро получит пленку с записью всего нашего разговора.

Улыбка ее не погасла, а даже стала еще шире. Барни был ошеломлен. Он вдруг понял, что эта девушка не боится никого и ничего на свете.

Он хотел бы чувствовать себя так же. Дело в том, что его беспокоил один серьезный вопрос, о котором он не говорил ни с Лео, ни с ней, хотя вопрос этот, несомненно, мучил Булеро… и должен был мучить Рони, если девушка действительно была столь рассудительна, как это казалось.

Нужно было еще выяснить, является ли то, что вернулось из системы Проксимы, — этот человек или существо, потерпевшее катастрофу на Плутоне, — в действительности Палмером Элдричем.

Глава 5

Поправив свои финансовые дела с помощью фирмы «Чуинг-зет», Ричард Хнатт связался с одной из клиник доктора Вилли Денкмаля в Германии. Он выбрал главную, в Мюнхене, и заказал места для себя и Эмили.

«Я стану наравне с великими мира сего», — думал он, ожидая вместе с женой в фешенебельной приемной клиники, украшенной шкурами гноффов.

Доктор Денкмаль, по своему обыкновению, хотел провести вступительную беседу лично, хотя, естественно, сами операции выполнял его персонал.

— Я волнуюсь, — прошептала Эмили. У нее на коленях лежал журнал, но читать она была не в состоянии. — Это так… неестественно.

— Черт побери, — энергично сказал Хнатт, — вовсе нет, это лишь ускорение естественного процесса эволюции, который идет и сам собой, но столь медленно, что мы не в состоянии этого заметить. Посмотри, например, на наших пещерных предков: полностью покрытые волосами, без

подбородков, с крайне слабо развитыми лобными долями мозга. У них были большие сросшиеся коренные зубы, чтобы пережевывать сырые зерна.

— Хорошо, — кивнув, сказала Эмили.

— Чем дальше мы от них уйдем, тем лучше. В конце концов им пришлось эволюционировать, чтобы пережить эпоху оледенения, мы вынуждены эволюционировать, чтобы пережить эпоху огня. Поэтому нам необходим этот хитиновый покров, этот гребень и измененный метаболизм, позволяющий спать днем, улучшающий дыхание и…

Из кабинета появился доктор Денкмаль, маленький кругленький человечек с белыми волосами и усами как у Альберта Швейцера. Рядом с ним шел еще один человек, и Ричард Хнатт впервые увидел вблизи эффект э-терапии. Это выглядело совсем не так, как на фотографиях в светской хронике. Вовсе не так.

Голова мужчины напомнила Хнатту фотографию, которую он видел в учебнике: под ней была подпись «гидроцефалия». Тот же высокий лоб, расширенный над линией бровей, куполообразный и кажущийся очень хрупким. Он сразу же понял, почему высокопоставленных особ, прошедших курс э-терапии, в обиходе называли

«шароголовыми». Выглядит так, подумал он, как будто вот-вот лопнет. И этот массивный… гребень. Вместо волос — темный, более плотный слой хитиновой оболочки. Шароголовые? Скорее орехоголовые.

— Мистер Хнатт, — сказал доктор Денкмаль Ричарду, останавливаясь. — И фрау Хнатт тоже. Я сейчас вами займусь.

Он повернулся к стоявшему рядом мужчине.

— Это чистая случайность, мистер Булеро, что нам удалось поставить вас на сегодня вне очереди. Во всяком случае, вы ничего не потеряли, а скорее приобрели.

Однако Булеро его не слушал. Он смотрел на Ричарда Хнатта.

— Где-то я уже слышал вашу фамилию. Ах да! О вас говорил Феликс Блау. — Его глаза вдруг потемнели. — Вы недавно подписали договор с бостонской фирмой… — Удлиненное лицо, как будто вечно отраженное в кривом зеркале, чуть нахмурилось, — «Чуинг-зет мануфакчурерс»?

— Н-не ваше дело, — заикаясь, сказал Хнатт. — Ваши консультанты отвергли наши изделия.

Лео Булеро смерил его взглядом, после чего, пожав плечами, повернулся к доктору Денкмалю:

— Увидимся через две недели.

— Две? Но… — Денкмаль сделал протестующий жест.

— Я не смогу быть здесь на будущей неделе, меня не будет на Земле.

Булеро еще раз бросил пристальный взгляд на Ричарда и Эмили Хнатт, после чего вышел.

Глядя ему вслед, доктор Денкмаль сказал:

— Этот человек сильно эволюционировал. Как физически, так и духовно. Добро пожаловать в Айхенвальд, — сказал он Хнаттам и улыбнулся.

— Спасибо, — нервно ответила Эмили. — Это… больно?

— Наша терапия? — засмеялся доктор Денкмаль. — Ни в коей мере, хотя вначале это может вызвать шок — в переносном смысле. Когда вы почувствуете, как разрастается ваша мозговая кора. Вам придет в голову множество новых волнующих идей, в особенности из области религии. О, если бы только Лютер и Эразм Роттердамский жили сегодня, их сомнения можно было бы столь легко разрешить благодаря э-терапии. Оба увидели бы истину, zum Beispiel[1], что касается перевоплощения… ну, вы знаете, Blut und…[2]

---

[1] Примечания: 1
Например (*нем.*).

[2] Примечания: 2
Кровь и… (*нем.*)

— Он замолчал и откашлялся. — По-английски это кровь и облатка во время мессы. Примерно так, как у употребляющих кэн-ди. Вы заметили это сходство? Ну идемте, начнем. — Он хлопнул Ричарда Хнатта по спине и повел их в свой кабинет, бросая на Эмили недвусмысленные, с точки зрения Хнатта, взгляды.

Они оказались в огромной лаборатории, полной разных приборов. Там стояли два стола, будто заимствованные из фильма о Франкенштейне, оборудованные зажимами для рук и ног. Увидев их, Эмили охнула и отступила на шаг назад.

— Вам нечего бояться, фрау Хнатт. Это как электрошок, вызывает определенную мышечную реакцию, рефлекс, понимаете? — Денкмаль захихикал. — Теперь вам придется… э-э… снять одежду. Каждый из вас, конечно, отдельно. Потом вы наденете халаты и auskommen…[3] понимаете? С вами пойдет медсестра. Мы уже получили ваши медицинские карты из Норд-Америки, мы все о вас знаем. Вы оба — совершенно здоровые, добропорядочные граждане Норд-Америки.

Он провел Ричарда Хнатта в боковое помещение, отгороженное занавеской, оставил его там

---

[3] Примечания: 3
Начнем (*нем.*).

и вернулся к Эмили. Ричард слышал, как доктор Денкмаль разговаривает с Эмили успокаивающим, но одновременно повелительным тоном. У него это получалось мастерски, и Хнатт ощутил сначала зависть и подозрительность, а потом грусть. Он не совсем так это себе представлял, ожидая чего-то несколько более возвышенного.

Однако Лео Булеро вышел из этого же кабинета, что доказывало беспочвенность его сомнений. Лео Булеро всегда получал самое лучшее.

Приободрившись, он начал раздеваться.

Где-то рядом послышался стон Эмили.

Он быстро оделся и вышел из комнатки, всерьез беспокоясь за жену. Однако он увидел доктора Денкмаля, который сидел за столом и читал карту Эмили. Жена уже ушла с медсестрой, так что все было в порядке.

«Черт побери, — подумал он, — кажется, я в самом деле чересчур подозрителен».

Вернувшись в комнату, он снова разделся, обнаружив, что у него трясутся руки.

Потом он лежал привязанный к одному из двух столов; ко второму была привязана Эмили, которая тоже, казалось, была испугана. Она побледнела и не издавала ни звука.

— Ваши железы, — пояснил доктор Денкмаль,

довольно потирая руки и бесцеремонно разглядывая Эмили, — будут возбуждены, особенно железа Креси, стимулирующая процесс эволюции, nicht Wahr?[4]Да вы об этом знаете, каждый ребенок это знает, поскольку то, что мы здесь открыли, изучают в школе. Вы сегодня почувствуете не потерю ногтей на руках и ногах, рост хитиновой оболочки или увеличение черепа, но — могу поспорить, что вы этого не знали! — лишь незначительное, но очень, очень существенное изменение в лобных долях… вы станете умнее. — Он снова захихикал.

Ричард Хнатт чувствовал себя отвратительно. Как связанное животное, он ждал своей участи.

«Хороший способ делать карьеру», — уныло подумал он и закрыл глаза.

Рядом с ним появился техник, блондин нордического вида, лишенный, казалось, каких-либо проблесков разума.

— Включаем успокаивающую Musik, — сказал доктор Денкмаль, нажимая кнопку. Со всех сторон полились звуки какой-то популярной итальянской оперы, Пуччини или Верди, в тошнотворной аранжировке; Хнатт понятия не имел,

---

[4] Примечания: 4
Не правда ли? (*нем.*)

какой именно. — Теперь послушайте меня, герр Хнатт. — Денкмаль склонился над ним и серьезно сказал: — Я хочу, чтобы вы поняли. Времени от времени терапия… как это сказать?.. не выдается.

— Не удается, — хрипло сказал Хнатт. Он этого ожидал.

— Однако, как правило, все проходит успешно. В случае неудачи, герр Хнатт, боюсь, что, вместо того чтобы развиваться, железа Креси… э-э… регрессирует. Я правильно сказал?

— Да, — пробормотал Хнатт. — И насколько велик может быть регресс?

— Не намного. Однако бывает неприятно. Конечно, мы сразу это заметим и прекратим терапию. Это обычно останавливает регресс. Однако… не всегда. Иногда однажды возбужденная железа Креси… — Он сделал неопределенный жест. — Процесс продолжается. Я должен вам это сказать, и теперь вы имеете полное право отказаться. Так как?

— Рискну, — сказал Ричард Хнатт. — Я так считаю. Ведь все так делают. Ладно, начинайте.

Он повернул голову и увидел Эмили, еще больше побледневшую. Она едва заметно кивнула. Глаза ее остекленели.

«Вполне возможно, — пессимистически подумал он, — что эволюционирует только один из нас — наверняка Эмили, — а я деградирую до уровня синантропа. Назад к сросшимся коренным зубам, маленькому мозгу, кривым ногам и людоедским наклонностям. С такой внешностью мне будет чертовски трудно продавать керамику».

Доктор Денкмаль повернул выключатель, весело насвистывая в такт музыке.

Хнатты начали курс э-терапии.

Ему казалось, что он теряет вес, ничего больше. Потом голова у него разболелась так, будто по ней колотили молотом. Вслед за болью сразу же пришло осознание того, что они пошли на огромный риск и он не должен был подвергать ему Эмили. Она этого не хотела — а если она деградирует и утратит свой талант? Для них обоих все бы рухнуло. Его карьера зависела от того, останется ли Эмили одним из лучших модельеров керамики на планете.

— Стоп, — громко сказал он, но звук, казалось, не выходил из его горла; он ничего не слышал, хотя его голосовой аппарат, похоже, функционировал. Он чувствовал, как слова возникают у него в гортани. Внезапно он понял. Он эволюционировал. Действовало! Эти ощущения были связаны

с изменением метаболизма. Если с Эмили все в порядке, то и вообще все в порядке.

Он понял также, что доктор Вилли Денкмаль был лишь маленьким жалким шарлатаном, существовавшим за счет желания простых смертных обладать чем-то большим, нежели то, на что они имели право, желания чересчур приземленного и убогого. К черту дела, торговые контакты. Что они могли значить в сравнении с возможностями эволюции человеческого мозга и достижения новых границ познания? Например…

Внизу простирался мир мертвых, не изменяющийся мир причин и следствий. Посредине располагалось человечество, но в любой момент человек мог рухнуть, пойти ко дну, в лежавшие ниже адские глубины. Или же он мог вознестись в третий, эфирный мир. Человек, обитающий в среднем слое, в любой момент мог утонуть, погрузиться в ад, однако у него были шансы достичь вершин. В каждый момент времени мог существовать свой вариант действительности. Ад и рай, не после смерти, но сейчас! Депрессия, любое психическое заболевание означало — утонуть. А второе… как его достичь?

Через связь с кем-либо, не физическую, но духовную. Например, видел ли он когда-нибудь в

вазочках Эмили нечто большее, чем товар, пользующийся спросом? Нет. А он должен был видеть в них художественный замысел, душу, которую она в них вкладывала.

И этот договор с «Чуинг-зет мануфакчурерс»… он осознал, что подписал его без согласия жены. Какая безнравственность! Он втянул ее в дела фирмы, которую она, может быть, не желает видеть в качестве производителей ее керамики… Неизвестно, какие у них наборы. Они могут оказаться ниже всяких стандартов. Однако теперь уже поздно: дорога в ад вымощена благими намерениями. Он мог связаться и с нелегальным производителем перемещающего наркотика. Это объясняло бы название чуинг-зет… похожее на кэн-ди. Однако тот факт, что они не скрывали названия своего продукта, заставлял предполагать, что они не делали ничего незаконного.

Внезапно, в каком-то едином озарении, он все понял: кто-то открыл перемещающее средство, которое удовлетворило отдел наркотиков ООН. Они дали согласие на его выход на рынок. И таким образом, впервые перемещающее средство будет доступно на тщательно охраняемой Земле, а не только в далеких колониях, где не было полиции.

А это означало, что наборы чуинг-зет — в отличие от Подружки Пэт — будут продаваться на Земле вместе с наркотиком. И по мере того как с течением лет погода будет ухудшаться, а родная планета — становиться непригодной для жизни, наборы будут продаваться все лучше. Рынок, контролируемый Лео Булеро, был до смешного мал по сравнению с тем, которым в будущем завладеет фирма из Бостона.

Значит, он все-таки подписал хороший контракт. И ничего удивительного, что «Чуинг-зет мануфакчурерс» так хорошо ему заплатила. Это была крупная фирма, и планы у нее были крупные. Судя по всему, у них были и неограниченные финансовые ресурсы.

Где они их взяли? Не на Земле — это он тоже интуитивно понимал. Наверняка не без помощи Палмера Элдрича, который вернулся в Солнечную систему, заключив экономическое соглашение с проксами. Это они поставляют чуинг-зет. Таким образом, ради того, чтобы уничтожить Лео Булеро, ООН позволила инопланетной расе действовать в Солнечной системе.

Это решение было ошибочным, может быть, даже роковым.

Следующее, что он почувствовал, было легкое

похлопывание по щеке. Над ним склонился доктор Денкмаль.

— Ну как? Много мыслей, касающихся глубоких проблем?

— Д-да, — сказал Хнатт и с трудом сел. Он уже не был привязан.

— Значит, нам нечего опасаться, — сказал Денкмаль и широко улыбнулся, топорща седые усы, словно антенны. — Теперь поговорим с фрау Хнатт.

Ассистентка уже отстегивала ремни. Эмили неуверенно села и зевнула. Доктор Денкмаль явно забеспокоился.

— Как вы себя чувствуете, фрау? — спросил он.

— Прекрасно, — пробормотала Эмили. — У меня была масса идей насчет вазочек. Одна за другой. — Она бросила смущенный взгляд на доктора, а потом на мужа. — Это что-нибудь означает?

— Вот бумага, — сказал доктор Денкмаль, протягивая блокнот. — Карандаш. Зафиксируйте ваши идеи, фрау.

Дрожащей рукой Эмили сделала наброски вазочек. Похоже, что ей трудно держать карандаш, заметил Хнатт. Однако это, наверное, пройдет.

— Прекрасно, — сказал доктор Денкмаль, когда

она закончила, и показал набросок Ричарду. — Высокоорганизованная активность мозговой коры. Великолепно.

Нарисованные вазочки были наверняка хороши, может быть, даже великолепны. Но Хнатт чувствовал: что-то не так. Что-то с этими набросками. Однако, лишь когда они вышли из клиники и в ожидании экспресса стояли под термозащитным козырьком перед зданием, он понял, в чем дело.

Идеи были хороши — но Эмили их уже использовала. Много лет назад, когда она спроектировала свои первые вазочки на профессиональном уровне, она показывала ему наброски, а потом сами вазочки — еще до того, как они поженились. Неужели она этого не помнила? Очевидно, нет.

Он думал о том, почему она этого не помнит и что это означает. Эта мысль беспокоила его все больше.

Собственно, беспокойство его росло по мере прохождения им первого сеанса э-терапии. Сначала он беспокоился за человечество и всю Солнечную систему, а теперь за свою жену. Может быть, это лишь симптом того, что Денкмаль называет «высокоорганизованной активностью мозговой коры», подумал он. Стимулирование

метаболизма мозга.

А может быть, и нет?..

Прибыв на Луну, Лео Булеро предъявил свое удостоверение журналиста бюллетеня «Наборов П. П.» и оказался среди репортеров, ехавших в вездеходе по пыльной поверхности Луны к владениям Палмера Элдрича.

— Ваши документы! — рявкнул вооруженный охранник, не носивший, однако, мундира ООН, когда Лео собирался выйти на площадку перед зданием.

Лео застрял в проходе. За его спиной нетерпеливо толкались настоящие репортеры, требуя, чтобы он дал им пройти.

— Мистер Булеро, — спокойно сказал охранник, возвращая ему удостоверение, — мистер Элдрич ждет вас. Прошу следовать за мной.

Его тут же сменил другой охранник, который начал проверять документы журналистов.

Обеспокоенный, Булеро двинулся следом за первым охранником по герметичному и приятно подогретому коридору в сторону владений Палмера Элдрича.

Внезапно перед ним вырос очередной охранник в форме и поднял руку, направив на Лео что-то маленькое и блестящее.

— Эй, — слабо запротестовал Лео, остановившись как вкопанный. Он повернулся, опустил голову и сделал несколько неуверенных шагов в обратном направлении.

Поток какого-то неизвестного излучения ударил ему в спину: Лео рухнул как подкошенный, пытаясь смягчить удар вытянутыми руками.

Придя в себя, он обнаружил, что — полный абсурд! — привязан к стулу, стоящему в пустой комнате. В голове у него шумело. Тупо оглядевшись вокруг, он увидел только маленький столик, на котором стояло какое-то электронное устройство.

— Выпустите меня отсюда, — сказал Лео.

— Здравствуйте, мистер Булеро, — немедленно отозвалось устройство. — Я — Палмер Элдрич. Насколько я понял, вы хотели меня видеть.

— Это жестоко, — сказал Булеро. — Меня оглушили и связали.

— Курите, пожалуйста.

Электронное устройство протянуло ему зажим, в котором торчала длинная зеленая сигара. На конце сигары вспыхнул огонек, и щупальце вытянулось в его сторону.

— Я вез с Проксимы десять ящиков таких сигар, но после катастрофы уцелел только один. Это не

табак, это значительно лучше табака. Ну, в чем дело, Лео? Чего ты хочешь?

— Ты здесь, в этой коробочке, Элдрич? — спросил Булеро. — Или ты где-то в другом месте и она только передает твои слова?

— Угощайся, — сказал голос из стоявшего на столике металлического ящичка, все еще протягивавшего зажим с зажженной сигарой. Потом щупальце втянулось, сигара погасла и бесследно исчезла внутри. — Может быть, ты хочешь посмотреть цветные диапозитивы о моем пребывании в системе Проксимы?

— Ты, наверное, шутишь.

— Нет, — ответил Палмер Элдрич. — Ты бы получил некоторое представление о том, на что я там наткнулся. Это очень хорошие трехмерные снимки.

— Нет, спасибо.

— Мы нашли эту стрелочку, вшитую в твой язык, — сказал Элдрич, — и удалили ее. Однако мы подозреваем, что ты можешь скрывать еще кое-что.

— Вы прилагаете слишком много усилий, — сказал Лео. — Больше, чем я заслуживаю.

— За эти четыре года на Проксиме я многому научился. Шесть лет полета, четыре там. Проксы

собираются напасть на Землю.

— Издеваешься, — сказал Лео.

— Я понимаю твою реакцию, — сказал Элдрич. — ООН, а в особенности Хепберн-Гилберт, тоже реагировала так же. Однако это правда. Конечно, напасть не в прямом смысле, но неким более изощренным способом, которого я не могу понять, хотя долго жил среди них. Насколько я знаю, это как-то связано с потеплением климата Земли. А может быть, еще хуже.

— Давай поговорим о том лишайнике, который ты привез с собой.

— Я получил его нелегально, проксы об этом не знали. Они используют его во время религиозных оргий, так же как наши индейцы использовали мескалин и пейотль. Ты из-за этого хотел меня видеть?

— Именно. Ты встал у меня на пути. Я знаю, что ты уже организовал конкурирующую фирму. Что за чушь, будто проксы собираются напасть на Солнечную систему; это ты угрожаешь мне своими действиями. Ты не можешь найти себе какое-нибудь другое поле деятельности, кроме наборов?

Комната закружилась у него перед глазами. Его захлестнул поток ослепительно-белого света, и

Лео зажмурился.

«Господи, — подумал он. — Я и так не верю в этих проксов, он просто пытается отвлечь наше внимание от своих подлинных намерений. По-моему, это его стратегия».

Он открыл глаза и обнаружил, что сидит на траве. Рядом какая-то девочка забавлялась йо-йо.

— Эта игрушка, — сказал Лео Булеро, — пользуется популярностью в системе Проксимы.

Он обнаружил, что руки и ноги его свободны, неуверенно встал и пошевелил ими.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Моника, — ответила девочка.

— Проксы, — сказал Лео, — по крайней мере гуманоиды, носят парики и искусственные челюсти.

Он схватил за прядь пушистых светлых волос и потянул.

— Ай! — вскрикнула девочка. — Ты нехороший.

Он отпустил ее. Она отступила на шаг, не переставая играть с йо-йо и недоверчиво поглядывая на него.

— Извини, — пробормотал он. Эти светлые волосы были настоящими. Может быть, он находился не в системе Проксимы. Во всяком случае,

где бы он ни находился, Палмер Элдрич пытался ему что-то сказать. — Вы собираетесь напасть на Землю? — спросил Лео у девочки. — Я хочу сказать, что на это не похоже.

«Мог ли Элдрич ошибаться? — думал он. — Неправильно понять проксов?»

В конце концов, насколько он знал, Палмер Элдрич не эволюционировал и не обладал мощным, высокоразвитым мозгом — результатом э-терапии.

— Мое йо-йо, — сказала девочка, — волшебное. Я могу сделать все, что захочешь. Чего бы ты хотел? Скажи, ты мне нравишься.

— Отведи меня к своему вождю, — сказал он. — Это старый анекдот, ты не поймешь. Ему сто лет.

Он огляделся вокруг и не заметил никаких следов человеческого присутствия, только травянистую равнину.

«Слишком холодно для Земли, — подумал он. — Голубое небо над головой. Хороший воздух. Плотный».

— Тебе меня не жаль? — спросил он. — Сейчас Палмер Элдрич врывается на мой рынок, а когда ему это удастся, я буду разорен. Мне придется заключить с ним какой-то договор. — «Похоже, однако, — угрюмо подумал он, — что убить его

мне не удастся». — Вот только я не могу придумать никаких условий, на которые он мог бы согласиться. Кажется, в его руках все карты. Смотри, например, как он меня сюда закинул. Я даже не знаю, где я.

Впрочем, это и так не имело значения. Где бы он ни находился, это место наверняка контролировалось Элдричем.

— Карты, — сказала девочка. — У меня есть колода карт в чемоданчике.

Никакого чемоданчика он не видел.

— Где?

Присев, девочка в нескольких местах коснулась травы. Трава бесшумно раздвинулась, девочка сунула в образовавшееся отверстие руку и вытащила чемоданчик.

— Я его здесь прячу, — объяснила она, — от спонсоров.

— Что это значит: «спонсоры»?

— Ну, чтобы здесь быть, надо иметь спонсора. У каждого из нас он есть. Я думаю, что они платят за все, пока мы не выздоровеем. Тогда мы сможем вернуться домой — если у нас есть дом.

Она села возле чемоданчика и открыла его — вернее, попыталась открыть. Замок не поддавался.

— Черт! — сказала она. — Это не тот. Это доктор Смайл.

— Психиатр? — с внезапным интересом спросил Лео. — Из одного из тех больших домов? Он работает? Включи его.

Девочка послушно включила психиатра.

— Привет, Моника, — металлическим голосом произнес чемоданчик. — Приветствую вас, мистер Булеро. — Он неправильно произнес его фамилию — с ударением на последнем слоге. — Что вы тут делаете, сэр? Вы уже слишком старый, чтобы тут быть. Ха-ха! Или вы, может быть, деградировали в результате неудачной так называемой э-терапии… фр-грр!.. — механизм некоторое время шумел, — в Мюнхене? — закончил чемоданчик.

— Я чувствую себя прекрасно, — заверил его Лео. — Слушай, Смайл, ты знаешь кого-нибудь, кто мог бы меня отсюда вытащить? Назови какое-нибудь имя. Я не могу здесь больше оставаться, понимаешь?

— Мистер Байерсон, — сказал доктор Смайл. — Честно говоря, я нахожусь как раз у него, в его кабинете, естественно, в виде переносного терминала.

— Я не знаю никого по фамилии Байерсон, —

сказал Лео. — Что это за место? Похоже, это какой-то лагерь для больных детей или сирот или что-то в этом роде. Я подозревал, что я нахожусь в системе Проксимы, но, поскольку ты здесь, я где-то в другом месте. Байерсон! — вдруг сообразил он. — Черт возьми, ты имеешь в виду Майерсона. Из «Наборов П. П.».

— Да, верно, — сказал доктор Смайл.

— Свяжись с ним, — сказал Лео. — Скажи ему, чтобы он немедленно поговорил с Феликсом Блау из Трехпланетного полицейского агентства, или как оно там называется. Пусть Блау этим займется и выяснит, где я, собственно, нахожусь, после чего пришлет сюда корабль. Запомнил?

— Ладно, — сказал доктор Смайл. — Сейчас обращусь к мистеру Майерсону. Он как раз беседует с мисс Фьюгейт, своей ассистенткой, которая также является его любовницей, и сегодня на ней… гм. Сейчас они как раз говорят о вас. Однако, естественно, я не могу вам сказать, что именно. Меня связывает профессиональная тайна, как вы понимаете. На ней надето…

— Ну хорошо, кого это интересует? — раздраженно оборвал его Лео.

— Прошу меня извинить, — сказал чемоданчик. — Я должен на минуту отключиться.

Казалось, он был обижен. Наступила тишина.

— У меня для тебя плохие новости, — сказала девочка.

— Какие?

— Я пошутила. Это на самом деле не доктор Смайл. Он только притворяется, чтобы мы не чувствовали себя одинокими. Он работает, но не связан ни с кем и ни с чем. Это называется «внутренний контур».

Он знал, что это означало: устройство было автономным. Но откуда оно могло знать о Барни и о мисс Фьюгейт, о подробностях их личной жизни? Даже знать, что на ней надето? Девочка, видимо, говорила неправду.

— Кто ты? — резко спросил он. — Моника… а дальше? Я хочу знать твою фамилию.

Ему казалось, что он ее знает.

— Я вернулся, — вдруг сообщил чемоданчик. — Ну, мистер Булеро… — Он снова неправильно произнес фамилию. — Я обсудил вашу проблему с мистером Майерсоном, который свяжется с Феликсом Блау, так, как вы просили. Мистеру Майерсону кажется, что он вспоминает какую-то статью из прессы ООН насчет лагеря, очень похожего на этот, где-то в окрестностях Сатурна, для умственно отсталых детей. Может быть…

— Черт побери, — сказал Лео, — эта девочка вовсе не умственно отсталая. Если уж на то пошло, то скорее чересчур развитая.

Полная бессмыслица. Единственной осмысленной вещью во всем этом было то, что Палмер Элдрич что-то хотел от него, и дело было не только в том, чтобы убрать Лео с дороги. Он хотел подчинить его себе.

На горизонте появилось что-то огромное и серое, с ревом мчавшееся к ним. У чудовища были отвратительные топорщащиеся усы.

— Это крыса, — спокойно сказала девочка.

— Такая большая? — спросил Лео. Ни на одной из планет Солнечной системы, ни на одном из спутников не существовало столь огромных диких животных. — Что ей от нас надо? — спросил он, удивляясь, почему девочка не боится.

— О, — ответила девочка, — думаю, она хочет нас убить.

— И это тебя не пугает? — услышал он свой голос, срывающийся на крик. — Значит, ты хочешь умереть именно таким образом и именно сейчас? Хочешь, чтобы тебя сожрала крыса величиной… — Одной рукой он схватил девочку, а другой — чемоданчик с доктором Смайлом и попытался бежать.

Крыса настигла их, пронеслась над ними и умчалась; серая тень быстро исчезла вдали.

— Она тебя напугала, — неприятно захихикала девочка. — Я знала, что она нас не увидит. Они нас не видят. Они не подозревают о нашем присутствии.

— Ах вот как?

Теперь он уже знал, где находится. Феликс Блау его не найдет. Никто его не найдет, даже если бы искали целую вечность.

Элдрич сделал ему инъекцию перемещающего наркотика, наверняка чуинг-зет. Это был несуществующий мир, аналогичный «Земле», на которую переносились колонисты, употребляя его собственный продукт, кэн-ди.

А крыса — в отличие от всего остального — была настоящая. Не так, как они: он и девочка тоже не были реальными. По крайней мере не здесь. Их пустые, неподвижные тела лежали где-то, как старые мешки, временно лишенные духовного содержимого. Их тела, несомненно, остались где-то в лунных владениях Палмера Элдрича.

— Ты Зоя, — сказал он. — Такая, какой ты хочешь быть, маленькая девочка лет восьми. Правильно? С длинными, светлыми волосами.

И даже, сообразил он, с другим именем.

— Здесь нет никого по имени Зоя, — хмуро сказала девочка.

— Никого, кроме тебя. Твой отец — Палмер Элдрич.

Девочка с большой неохотой кивнула.

— Это место принадлежит тебе? — спросил он. — Ты часто сюда приходишь?

— Это мое место, — сказала девочка. — Никто сюда не приходит без моего разрешения.

— Почему же ты позволила мне прийти сюда?

Он знал, что она его ненавидит. С самого начала.

— Потому что, — ответила она, — мы считаем, что тебе, может быть, удастся помешать проксам сделать то, что они собираются сделать.

— Опять то же самое, — сказал он, просто не веря ей. — Твой отец…

— Мой отец, — перебила его девочка, — пытается нас спасти. Он не хотел привозить сюда чуинг-зет, но ему приказали. Чуинг-зет — это фактор, благодаря которому они овладеют нами. Понимаешь?

— Каким образом?

— Ведь они контролируют эти места — такие, как это, куда ты отправляешься, приняв дозу чуинг-зет.

— Что-то непохоже, что тобой овладели какие-то инопланетные существа. Ведь ты мне все это рассказываешь.

— Скоро овладеют, — сказала девочка. — Так же, как они овладели моим отцом. Он вернулся таким с Проксимы, там он принимал это несколько лет. Для него уже слишком поздно, и он хорошо об этом знает.

— Докажи, — сказал Лео. — Докажи хотя бы один факт. Дай мне что-нибудь, на что я мог бы опереться.

Чемоданчик, который он все еще держал в руке, сказал:

— Моника говорит правду, мистер Булеро.

— Откуда ты знаешь? — сердито спросил Лео.

— Ведь я, — ответил чемоданчик, — я тоже нахожусь под влиянием проксов, поэтому я…

— Поэтому ты ничего не сделал, — перебил его Лео, ставя чемоданчик на землю. — Черт бы побрал этот чуинг-зет, — сказал он обоим, девочке и чемоданчику. — Все перемешалось. Не могу понять, что происходит. Ты не Зоя, ты даже не знаешь, кто это. А ты… ты не доктор Смайл, и ты не разговаривал с Барни, а он не советовался с Рони Фьюгейт. Все это — наркотические галлюцинации. Это возвращаются ко мне мои страхи,

связанные с Палмером Элдричем, вся эта чушь о том, что он находится под влиянием проксов и ты тоже. Где это видано, чтобы чемоданчиком овладел инопланетный разум?

Возмущенный, он пошел прочь.

«Я знаю, что происходит, — подумал он. — Таким образом Палмер пытается овладеть моим разумом. Это разновидность того, что когда-то называлось «промыванием мозгов». Ему удалось меня напугать».

Он шел дальше, размеренно шагая и не оглядываясь.

Это была почти роковая ошибка. Что-то — он краем глаза заметил неясные очертания — попыталось укусить его за ногу. Он отскочил, избежав укуса, но это «нечто» тут же извернулось и вновь избрало его своей жертвой.

— Крысы тебя не видят, — закричала девочка, — но глюки видят! Лучше беги!

Не приглядываясь внимательнее — он видел уже достаточно, — Лео побежал.

...В том, что он видел, он не мог винить чуингзет, поскольку это была не галлюцинация и не что-то созданное Палмером Элдричем, чтобы его напугать. Глюк — чем бы он ни был — наверняка родился не на Земле и даже не в мыслях

землянина.

Девочка побежала за ним, оставив чемоданчик.

— А как же я? — беспокойно спросил доктор Смайл.

Ему никто не ответил.

Феликс Блау говорил с экрана видеотелефона:

— Я занялся материалом, который вы мне дали, мистер Майерсон. Из него ясно следует, что ваш работодатель, мистер Булеро, который является также и моим клиентом, в настоящее время находится на маленьком искусственном спутнике Земли, регистрационный номер «Сигма четырнадцать-бэ». Судя по реестру, он принадлежит производителю ракетного топлива из Сент-Джорджа, штат Юта. — Он заглянул в лежавшие перед ним бумаги. — «Робард летан сэйлс». Летан — это фирменное название их…

— Понятно, — перебил его Барни Майерсон. — Свяжитесь с ними. Господи, каким образом Лео там оказался?

— Есть еще одна информация, которая может иметь значение. Фирма «Робард летан сэйлс» была зарегистрирована четыре года назад в тот же день, что и «Чуинг-зет мануфакчурерс» из Бостона. Мне кажется, что это нечто большее, чем

обычное совпадение.

— А как вытащить Лео со спутника?

— Вы могли бы обратиться в суд, требуя…

— Это займет слишком много времени, — сказал Барни.

У него было глубокое неприятное чувство, что он лично несет ответственность за все происшедшее. Очевидно, Палмер Элдрич созвал пресс-конференцию лишь затем, чтобы заманить Лео в свои владения, а он, ясновидец Барни Майерсон, человек, который может предвидеть будущее, оказался обведенным вокруг пальца, сыграв предназначенную ему Элдричем роль.

— Я могу предоставить в ваше распоряжение около ста человек из разных подразделений моего агентства. Вам надо набрать еще пятьдесят в «Наборах П. П.». Тогда вы могли бы попытаться захватить спутник.

— И найти там труп.

— Верно. — Блау недовольно надул губы. — Ну, вы могли бы пойти к Хепберн-Гилберту и попросить помощи ООН. Или попробовать связаться — что в еще большей степени стало бы им поперек горла — с Палмером Элдричем или тем, кто скрывается под его именем, и прийти к согласию. Посмотреть, не удастся ли выкупить Лео.

Барни отключился и почти сразу же набрал номер межпланетного коммутатора, сказав:

— Дайте мне Палмера Элдрича на Луне. Срочно. Поторопитесь, девушка.

Пока он ждал соединения, с другого конца комнаты послышался голос Рони Фьюгейт:

— Кажется, у нас не будет времени, чтобы перейти к Элдричу.

— Похоже на то.

Как ловко было все продумано. Элдрич позволил противнику сделать за него всю работу.

«И мы тоже, — подумал Барни, — Рони и я. Нас он наверняка тоже провел точно так же. Фактически Элдрич мог действительно рассчитывать на то, что мы полетим на спутник.

Это объясняет, почему Лео снабдили чемоданчиком с доктором Смайлом».

— Я думаю о том, — сказала Рони, играя замочком молнии на блузке, — хотели ли бы мы работать на столь умного человека, если это вообще человек. Мне все больше кажется, что это не Палмер, но один из них. Думаю, что нам придется с этим согласиться. Следующее, чего мы можем ожидать, — это чуинг-зет, наводняющий рынок. С санкции ООН, — с горечью сказала она. — А Лео, который, по крайней мере, является одним из

нас и хочет лишь заработать пару скинов, будет мертв или разорен… — Она с яростью уставилась в пространство.

— Это патриотизм, — сказал Барни.

— Инстинкт самосохранения. Я не хочу проснуться одним прекрасным утром, сосредоточенно жуя эту дрянь, делая то, что делают, когда жуют это вместо кэн-ди. Перемещаясь… не в страну Подружки Пэт, это уж точно.

Видеотелефонистка сказала:

— На линии мисс Зоя Элдрич, сэр. Вы будете с ней говорить?

— Да, — покорно ответил он.

На экране появилась элегантно одетая женщина с пронзительным взглядом и сбитыми в тяжелый ком волосами.

— Да?

— Говорит Майерсон из «Наборов П. П.». Что мы должны сделать, чтобы получить назад Булеро? — спросил он, но не дождался ответа. — Вы ведь знаете, о чем я говорю?

Помолчав, Зоя сказала:

— Мистер Булеро прибыл к нам и заболел. Он лежит в нашем госпитале. Когда он почувствует себя лучше…

— Я могу прислать врача фирмы, чтобы он его

осмотрел?

— Конечно. — Зоя Элдрич даже не моргнула глазом.

— Почему же вы нам не сообщили?

— Это случилось недавно. Мой отец как раз собирался звонить. Похоже, что ничего серьезного, обычная реакция на изменение силы тяжести. Это довольно часто бывает с пожилыми людьми, которые сюда приезжают. Мы не поддерживаем здесь гравитацию, близкую к земной, — так, как это делает мистер Булеро на своем спутнике «Домик Винни-Пуха». Так что, как видите, все объясняется очень просто. — Она слегка улыбнулась. — Вы получите его назад самое позднее сегодня вечером. Неужели вы подозревали что-то другое?

— Подозреваю, — сказал Барни, — что Лео уже не на Луне. Думаю, что он на спутнике Земли под названием «Сигма четырнадцать-бэ», который принадлежит одной из ваших фирм в Сент-Джордже. А то, что мы найдем в вашем госпитале, будет не Лео Булеро.

Рони вытаращила глаза.

— Милости просим. Можете прилететь и убедиться сами, — бесстрастно сказала Зоя. — Насколько нам известно, это Лео Булеро. Тот самый,

который прилетел сюда вместе с репортерами из газет.

— Я полечу туда, — сказал Барни. Он знал, что совершает ошибку. Ему говорило об этом его чувство ясновидения.

На другом конце комнаты Рони Фьюгейт вскочила на ноги, она тоже это предвидела. Выключив видеотелефон, он повернулся к ней и сказал:

— Сотрудник «Наборов П. П.» совершает самоубийство. Или что-то в этом роде. Завтрашние газеты.

— В точности там написано…

— Меня не волнует, что там написано в точности.

Однако он знал, что это будет солнечный удар. Тело мужчины, найденное на тротуаре. Смерть вследствие чрезмерной дозы солнечного излучения. Где-то в центре Нью-Йорка. Там, где оставят его люди из организации Элдрича.

Это он мог предвидеть, не прибегая к помощи своих способностей к ясновидению. Впрочем, он вовсе не собирался на них полагаться.

Больше всего его взволновал снимок на первой полосе, крупный план его сожженного солнцем тела.

Он остановился в дверях кабинета.

— Тебе нельзя туда лететь, — сказала Рони.

— Да.

Увидев этот снимок, Барни понял, что Лео придется позаботиться о себе самому. Он вернулся за стол и снова сел.

— Единственная проблема в том, — сказала Рони, — что, если он вернется, тебе трудно будет ему объяснить, почему ты ничего не сделал.

— Знаю.

Однако это была не единственная проблема; собственно говоря, эта проблема была наименее существенной.

Поскольку Лео, скорее всего, не вернется.

Глава 6

Глюк вцепился ему в лодыжку и пытался сосать, вонзив в кожу маленькие трубочки-хоботки. Лео Булеро вскрикнул — и вдруг перед ним неожиданно возник Палмер Элдрич.

— Ты ошибался, — сказал он. — Я не нашел Бога в системе Проксимы. Но я нашел кое-что получше.

Он ткнул глюка тростью. Тот неохотно втянул хоботки и, свернувшись, отцепился от Лео. Подгоняемое Элдричем, существо упало в траву и скрылось.

— Бог, — сказал Элдрич, — обещает вечную жизнь. Я могу сделать нечто лучшее: я могу ее дать.

— Каким образом?

Дрожа и чувствуя слабость, Лео опустился на траву и сел, тяжело дыша.

— Благодаря лишайнику, который мы продаем под названием чуинг-зет, — ответил Элдрич. — Он лишь отчасти напоминает твой продукт, Лео. Кэн-ди устарел — что он дает людям? Несколько мгновений бегства от действительности, ничего,

кроме фантазий. Кому это нужно? Кому это будет нужно, когда от меня можно будет получить нечто подлинное? Ты сам это сейчас ощущаешь, — добавил он.

— Я так и предполагал, — сказал Лео. — И если ты думаешь, что люди будут платить за такие переживания… — Он показал на глюка, который все еще таился неподалеку, следя как за ним, так и за Элдричем. — Ты потерял не только тело, но и разум.

— Это особый случай. Я хотел тебе доказать, что все это правда. А для этой цели ничто так хорошо не годится, как боль и страх. Глюки доказали тебе, вне всяких сомнений, что это — не галлюцинация. Они могли тебя даже убить. И если бы ты здесь погиб, то умер бы на самом деле. Не так, как после кэн-ди. — Все это явно забавляло Элдрича. — Когда я открыл этот лишайник в системе Проксимы, я не мог поверить в свое счастье. Лео, я уже прожил в системе Проксимы сто лет, принимая его под руководством их медиков. Я принимал его внутрь, внутривенно, в виде свечей… Я сжигал его и вдыхал дым, делал из него водный раствор и нюхал его пар. Я принимал его всевозможными способами, и со мной ничего не случилось. На проксов он действует слабо, нет

никакого сравнения с тем, что он вытворяет с нами. Для них это стимулятор более слабый, чем их лучший табак. Хочешь услышать больше?

— Не особенно.

Элдрич сел рядом, положил свою искусственную руку на колени и задумчиво покачивал тростью, внимательно поглядывая на глюка, который еще не ушел.

— Когда мы вернемся в прежние тела… Заметь, что я употребляю слово «прежние», чего не сделал бы в случае кэн-ди. Я говорю это не без причины, поскольку, когда ты вернешься, ты обнаружишь, что время остановилось. Мы могли бы оставаться здесь в течение пятидесяти лет, и все было бы точно так же. Мы оказались бы в моем имении на Луне и не нашли бы никаких изменений, а наблюдающие за нами люди не заметили бы у нас потери сознания, которая наступает после приема кэн-ди, какого-либо транса или апатии. Ну, может быть, дрожание век, длящееся доли секунды. И все.

— Чем определяется время пребывания здесь? — спросил Лео.

— Нашим желанием. Не величиной дозы. Мы можем вернуться в любой момент. Таким образом, количество наркотика остается…

— Это неправда. Я уже давно хочу выбраться отсюда.

— Но это не ты, — сказал Элдрич, — создал эту… среду. Это сделал я, и она принадлежит мне. Я создал глюков, этот ландшафт… — Он сделал жест тростью. — Все, что ты здесь видишь, включая твое тело.

— Мое тело?

Лео пригляделся к себе. Это, несомненно, было его старое, знакомое тело, известное ему до самых интимных подробностей. Его, не Элдрича.

— Я пожелал, чтобы ты появился здесь точно таким же, какой ты есть в своей Вселенной, — объяснил Элдрич. — Видишь ли, именно это убедило Хепберн-Гилберта, который, естественно, буддист. Переселение души в любое тело, какое ты себе выберешь или какое будет тебе выбрано — как в данном случае.

— Так вот почему ООН проглотила эту наживку, — сказал Лео.

Это объясняло очень многое.

— С помощью чуинг-зет человек может проживать жизнь за жизнью, быть насекомым, учителем физики, ястребом, простейшим, моллюском, уличной девкой из Парижа тысяча девятьсот четвертого года или…

— Глюком, — сказал Лео. — Кто здесь из нас глюк?

— Я же тебе сказал: я создал его из части самого себя. Ты тоже мог бы что-нибудь создать. Ну давай — передай фрагмент собственного «я». Он сам примет материальную форму. То, что ты ему даешь, — это логос. Запомнил?

— Запомнил, — ответил Лео.

Он сосредоточился, и вскоре неподалеку материализовалась сложная конструкция из проволок и решеток.

— Что это, черт побери? — спросил Элдрич.

— Ловушка для глюков.

Элдрич откинул голову назад и рассмеялся:

— Очень хорошо. Только, пожалуйста, не делай ловушек для Палмера Элдрича. Я еще не все тебе сказал.

Вместе с Лео он смотрел, как глюк, подозрительно принюхиваясь, приближается к ловушке. Глюк вошел внутрь, и ловушка с громким треском захлопнулась. Глюк был схвачен и уничтожен. Короткое шипение, маленькое облачко дыма, и он исчез.

Воздух перед Лео задрожал, и в сиянии появилась книга в черном переплете, которую он взял в руки, перелистал и с удовлетворением положил

на колени.

— Что это? — спросил Элдрич.

— Библия короля Якова. Я думаю, что она может меня защитить.

— Не здесь, — сказал Элдрич. — Это мое королевство.

Он сделал жест рукой, и Библия исчезла.

— Однако ты можешь владеть своим собственным королевством и заполнить его библиями. Каждый это сможет. Как только мы развернем свое дело. Мы будем, конечно, делать наборы, но это будет позже, когда мы начнем нашу деятельность на Земле. Впрочем, это и так лишь формальность, ритуал, облегчающий перемещение. Кэн-ди и чуинг-зет будут поступать на рынок на равных условиях и свободно конкурировать друг с другом. Мы не будем говорить, что чуинг-зет обладает какими-то свойствами, которых не имеет кэн-ди. Мы не хотим отпугнуть людей, мы не хотим также затрагивать чьих-либо религиозных чувств. Впрочем, попробовав несколько раз, они убедятся в двух вещах: в отсутствии течения времени и, что, может быть, еще более существенно, в том, что это не галлюцинация, что они действительно переносятся в другую Вселенную.

— Многие испытывают это и после кэн-ди, —

заметил Лео. — Они действительно верят, что переносятся на Землю.

— Фанатики, — с отвращением сказал Элдрич. — Это обычная иллюзия, поскольку не существует ни Подружки Пэт, ни Уолтера Эссекса, а их воображаемый мир ограничивается артефактами, из которых состоит набор. Они не могут пользоваться машиной для мытья посуды, если ее миниатюрная копия не была предварительно установлена в модели кухни. А человек, который не участвует в сеансе, а только наблюдает, видит, что обе куклы никуда не перемещаются. Никто в них не перевоплощается. Можно доказать…

— Однако тебе не так-то просто будет переубедить этих людей, — сказал Лео. — Они останутся верны кэн-ди. Собственно говоря, нет никого, кто был бы недоволен наборами Подружки Пэт. Зачем им отказываться…

— Я объясню, — ответил Элдрич. — Каким бы чудесным ни было перевоплощение в Подружку Пэт и Уолта, в конце концов приходится возвращаться в барак. Ты представляешь себе это, Лео? Как-нибудь попробуй. Проснись в бараке на Ганимеде после двадцати — тридцати минут свободы. Этих ощущений ты никогда не забудешь.

— Гм…

— И есть еще кое-что — ты знаешь что. Когда этот короткий промежуток свободы кончается и колонист возвращается, он не в состоянии вести нормальную повседневную жизнь. Он полностью деморализован. Но если бы вместо кэн-ди он принял… — Он замолчал.

Лео не слушал, он был занят сотворением чего-то нового. В воздухе перед ним появилась лестница, ведущая к светящемуся облаку. Конец лестницы скрывался в сиянии.

— Куда она ведет? — сердито спросил Элдрич.

— В Нью-Йорк, — ответил Лео. — Я вернусь по ней в «Наборы П. П.». — Он встал и подошел к лестнице. — У меня такое впечатление, Элдрич, что с этим чуинг-зет что-то не в порядке. И мы вовремя этого не обнаружим.

Он начал подниматься по лестнице и вдруг вспомнил девочку Монику. Он подумал о том, будет ли ей хорошо здесь, в мире Палмера Элдрича.

— А что с девочкой? — Он остановился. Внизу виднелась маленькая фигурка Элдрича, все еще сидевшего на траве с тростью в руке. — Глюки ее не схватили?

— Этой маленькой девочкой был я, — ответил Элдрич. — Именно это я и пытаюсь тебе объяснить. Именно поэтому я утверждаю, что чуинг-зет

означает настоящее перевоплощение, триумф над смертью.

Лео заморгал и сказал:

— Так вот почему она показалась мне знакомой… — Он замолчал и еще раз взглянул вниз.

Элдрич исчез. Вместо него на траве сидела маленькая Моника, держа в руке чемоданчик доктора Смайла. Теперь все было ясно.

Он говорил — она говорила, они говорили — правду.

Лео снова медленно спустился по лестнице на траву.

— Я рада, что вы не уходите, мистер Булеро, — сказала Моника. — Очень приятно поговорить с человеком столь умным и столь эволюционировавшим, как вы. — Она похлопала по стоявшему рядом с ней чемоданчику. — Я вернулась и забрала его. Он до смерти боялся глюков. Я вижу, вы придумали кое-что, чтобы с ними расправиться. — Она кивнула в сторону его ловушки для глюков, ожидавшей новую жертву. — Это очень изобретательно. Мне это не пришло в голову. Я просто убегала со всех ног. Инстинктивная паническая реакция.

— Ты Палмер, правда? — спросил, поколебавшись, Лео. — Я имею в виду — там, внутри.

— Возьмем, к примеру, средневековую доктрину формы и содержания, — мягко сказала Моника. — По форме я ребенок, но по содержанию, так же как в случае облатки и вина…

— Ладно, — сказал Лео. — Ты Элдрич, я тебе верю. Но тем не менее это место мне не нравится. Эти глюки…

— Не обвиняй в этом чуинг-зет, — сказала девочка. — Это моя вина. Это творение моего разума, а не лишайника. Разве каждая Вселенная должна быть красивой? Мне нравятся глюки, в них есть что-то притягательное.

— Допустим, что я хотел бы создать свою собственную Вселенную, — сказал Лео. — Может быть, и во мне кроется какое-то зло, какая-то черта моей личности, о которой я ничего не знаю. В результате я сотворил бы нечто еще более отвратительное, чем ты.

С наборами Подружки Пэт дело, по крайней мере, ограничивалось тем, что было помещено в них заранее, как это отметил сам Элдрич. И поэтому они были более безопасны.

— Чем бы оно ни было, его можно было бы ликвидировать, — безразличным тоном сказала девочка, — если бы ты обнаружил, что это тебя не устраивает. А если устроит… — она пожала

плечами, — тогда можешь оставить. Почему бы и нет? Кому это мешает? Ты один в своей… — Она внезапно замолчала, закрыв рот рукой.

— Один, — сказал Лео. — Ты хочешь сказать, что каждый переносится в свою Вселенную? Значит, это не так, как с наборами, когда каждый из группы принимающих кэн-ди переносится в мир набора; мужчины становятся Уолтом, женщины — Подружкой Пэт. Однако это означает, что тебя здесь нет.

«Или, — подумал он, — что меня здесь нет. Однако в таком случае…»

Девочка внимательно смотрела на него, пытаясь оценить его реакцию.

— Мы не принимали чуинг-зет, — спокойно сказал Лео. — Все это результат гипноза. Полностью воображаемая псевдообстановка. Мы и шагу не сделали из исходной точки. Мы так и находимся в твоих владениях на Луне. Чуинг-зет не создает никакого нового мира, и ты это хорошо знаешь. Он не вызывает никакого настоящего перевоплощения. Это одна сплошная галлюцинация.

Девочка молчала, не отрывая взгляда от Лео. Она смотрела на него, не мигая, холодными темными глазами.

— Ну продолжай, Палмер, — сказал Лео. — Как

на самом деле действует чуинг-зет?

— Я тебе говорил, — хриплым голосом ответила девочка.

— Это в еще меньшей степени реально, чем мир Подружки Пэт после приема нового наркотика. И остается еще открытым вопрос, что лучше — подлинность переживаний или сложность галлюцинаций. Думаю, что, бесспорно, первое.

— Это не галлюцинация, — сказала девочка. — И лучше поверь в это, в противном случае ты не выберешься из этого мира живым.

— В вымышленном мире невозможно умереть, — сказал Лео. — Так же как нельзя второй раз родиться. Я возвращаюсь в «Наборы П. П.». — Он снова начал подниматься по лестнице.

— Ну что ж, иди, — отозвалась девочка за его спиной. — Меня это совершенно не волнует. Подожди немного и увидишь, чем все это кончится.

Лео поднялся по лестнице и прошел через светящееся облако.

Его захлестнул поток ослепительного, горячего солнечного света, он отскочил с улицы в тень ближайшего подъезда.

Его заметило реактивное такси и спустилось с крыши близлежащего небоскреба.

— Едем, сэр? — спросил автомат. — Лучше быть

в помещении. Уже почти полдень.

С трудом ловя воздух, почти задыхаясь, Лео сказал:

— Да, спасибо. Отвези меня в «Наборы П. П.».

Он с трудом забрался в такси и сразу же вытянулся в кресле, наслаждаясь прохладой, которую обеспечивала термозащита машины.

Вскоре такси приземлилось на посадочной площадке главного здания его фирмы.

Войдя в приемную, он сказал мисс Глисон:

— Немедленно свяжитесь с Майерсоном и выясните, почему он ничего не сделал, чтобы спасти меня.

— Спасти вас? — испуганно спросила мисс Глисон. — Что случилось, мистер Булеро?

Она пошла следом за ним в кабинет.

— Где вы были и каким образом…

— Вызовите ко мне Майерсона.

Он с облегчением сел за свой стол. К черту Палмера Элдрича, подумал он и полез в ящик за любимой английской трубкой и полуфунтовой банкой голландского табака.

Он разжигал трубку, когда открылась дверь и появился Барни Майерсон, выглядевший усталым и слегка обалдевшим.

— Ну? — спросил Лео, энергично раскуривая

трубку.

— Я… — начал Барни и повернулся к мисс Фьюгейт, которая вошла следом. Он сделал неопределенный жест, снова повернулся к Лео и сказал: — Во всяком случае, вы вернулись.

— Конечно, вернулся. Я построил себе лестницу. Ты не хочешь мне рассказать, почему ты и пальцем не пошевелил? Думаю, что не хочешь. Однако, как я понимаю, обошлось без твоей помощи. Теперь я уже кое-что знаю об этом новом продукте, чуинг-зет. Он определенно хуже, чем кэн-ди. Могу это заявить с чистой совестью. Без всяких сомнений можно сказать, что он вызывает галлюцинации. Теперь к делу. Элдричу удалось убедить ООН в том, что чуинг-зет вызывает настоящее перевоплощение, что соответствует религиозным убеждениям большей половины членов Генеральной Ассамблеи, в том числе этого индийского вонючки Хепберн-Гилберта. Это обман, поскольку чуинг-зет подобным действием не обладает. Однако худшее свойство чуинг-зет — это его солипсизм. Принимая кэн-ди, ты делишься своими переживаниями с другими… — Он замолчал, а потом раздраженно спросил: — В чем дело, мисс Фьюгейт? На что вы так уставились?

— Извините, мистер Булеро, — пробормотала

Рони Фьюгейт, — но у вас под столом какое-то существо.

Лео наклонился и заглянул под стол.

Из щели между основанием стола и полом вылезло нечто и посмотрело на него немигающими зелеными глазами.

— Убирайся отсюда! — рявкнул Лео и сказал Барни: — Найди какую-нибудь линейку или щетку, чтобы его прогнать.

Барни вышел из кабинета.

— Черт с ним, мисс Фьюгейт, — сказал Лео, затягиваясь. — Я даже думать не хочу, что это может быть и что это означает.

Поскольку это могло означать, что Элдрич — в лице маленькой Моники — был прав, говоря: «Меня это совершенно не волнует. Подожди немного и увидишь, чем все это кончится».

Существо выползло из-под стола и побежало к двери. Там оно пролезло в щель по дверью и исчезло.

Оно было еще хуже, чем глюк. Лео хватило всего лишь одного взгляда, чтобы понять это.

— Ну вот и все, — сказал он. — Мне очень жаль, мисс Фьюгейт, но вы можете возвращаться к себе. Нет никакого смысла дискутировать о том, какие действия следует предпринять в связи с

неизбежным появлением чуинг-зет на рынке. Ведь, в сущности, я ни с кем не разговариваю, просто сижу тут и болтаю сам с собой.

Он был подавлен. Он был полностью во власти Элдрича, который только что продемонстрировал ему реальную или, по крайней мере, видимую ценность чуинг-зет. Сам Лео принял галлюцинацию за действительность. Только кошмарное насекомое, созданное — намеренно — Палмером Элдричем, открыло ему истину.

«Если бы не это, — подумал Лео, — я мог бы застрять здесь навсегда. Провести всю жизнь, как сказал Элдрич, в этой эрзац-Вселенной. Боже мой, — подумал он, — Палмер меня победил».

— Мисс Фьюгейт, — сказал Лео, — не стойте здесь, пожалуйста. Возвращайтесь в свой кабинет.

Он встал, подошел к холодильнику и налил себе минеральной воды в бумажный стаканчик. Нереальное тело пьет нереальную воду, подумал он. На глазах нереальной сотрудницы.

— Мисс Фьюгейт, — спросил он, — вы в самом деле любовница Майерсона?

— Да, мистер Булеро, — кивнула мисс Фьюгейт. — Я вам уже говорила.

— И не хотите быть моей, — покачал головой

Лео. — Поскольку я слишком старый и слишком эволюционировал. Вы знаете… а впрочем, не знаете, — что в этой Вселенной у меня есть кое-какие возможности. Я мог бы сменить свое тело, стать молодым.

«Или, — подумал он, — сделать тебя старой. Как бы тебе это понравилось?»

Он выпил воду и швырнул стаканчик в мусоропровод. Не глядя на мисс Фьюгейт, он подумал: «Вы в моем возрасте, мисс Фьюгейт. Даже старше. Ну да, вам сейчас около девяноста двух лет. По крайней мере, в этом мире. Ты здесь постарела… время побежало для тебя быстрее, поскольку ты мне отказала, а я не люблю, когда мне отказывают. Тебе даже больше, чем сто лет, — продолжал думать Лео, — и ты старая, сморщенная, худая, беззубая и слепая. Ты чудовище».

За его спиной послышался тихий, хриплый стон. Дрожащий, писклявый голосок, будто крик перепуганной птицы:

— О, мистер Булеро…

«Я передумал, — подумал Лео. — Ты такая же, как прежде, я все возвращаю обратно, ладно?»

Он обернулся и увидел Рони Фьюгейт, вернее, нечто стоящее там, где он только что видел ее. Худая, морщинистая, едва держащаяся на ногах

фигура… он увидел лицо, ввалившиеся щеки и глаза, напоминавшие два сгустка белой слизи, из которых сочились клейкие, тягучие слезы, — глаза, которые пытались умолять, но не могли, поскольку не в состоянии были его увидеть.

— Ты такая же, какая была, — хрипло сказал Лео и зажмурился. — Скажи мне, когда все будет в порядке.

Шаги. Мужские. Барни возвращается в кабинет.

— Боже мой, — сказал Барни, останавливаясь.

— Она еще не такая, как раньше? — спросил Лео, не открывая глаз.

— Она? Где Рони? Что это?

Лео открыл глаза. Это была не Рони Фьюгейт, даже не ее столетнее подобие. Это была лужа какой-то непонятной жидкости, которая жила своей собственной жизнью, и в ней плавали какие-то серые, острые обломки.

Густая, тягучая слизь медленно вытянулась, потом задрожала и сжалась. Куски твердого серого вещества в ее середине соединились, образовав шарообразную выпуклость со спутанными зелеными прядями волос на макушке. Обрисовались неясные очертания глазниц — пустых. Возникал череп чего-то, чему лишь предстояло стать

живым существом. Подсознательное желание Лео, чтобы девушка испытала самые жуткие стороны процесса эволюции, вызвало к жизни это чудовище.

Челюсти, клацнув, открылись и закрылись, как будто ими управляли невидимые веревочки. Плавая по поверхности лужи, череп проквакал:

— Видите ли, мистер Булеро, она так долго не прожила. Вы об этом не подумали.

Голос принадлежал явно не Рони Фьюгейт, а Монике — хотя он и плохо его помнил; голос доносился как будто из-за толстой стены.

— Вы заставили ее преодолеть столетний рубеж, а она доживет только до семидесяти. Так что она была мертва уже тридцать лет, но вы приказали ей жить. Вы этого хотели. А что еще хуже… — беззубые челюсти клацнули, а лишенные глаз глазницы неподвижно смотрели на него, — она эволюционировала не при жизни, а в земле.

Череп замолчал, после чего медленно развалился, его куски снова плавали по поверхности лужи.

Некоторое время спустя Барни сказал:

— Забери нас отсюда, Лео.

— Эй, Палмер! — сказал Лео. Он не владел своим голосом, его трясло от страха. — Эй, слышишь? Я

сдаюсь, действительно сдаюсь.

Ковер в кабинете сгнил под его ногами, превратившись в кашу, после чего выпустил живые, зеленые ростки. Лео обнаружил, что это трава. Стены и потолок рухнули и рассыпались в пыль — дождь бесшумно осыпающегося пепла. Над головой Лео появилось голубое спокойное небо.

Сидя на траве с тростью в руке и чемоданчиком — доктором Смайлом — рядом с ней, Моника сказала:

— Может быть, вы хотели, чтобы мистер Майерсон остался? Я решила, что нет. Я позволила ему уйти вместе с остальными, которых вы создали. Все в порядке? — Она улыбнулась.

— В порядке, — сдавленно сказал он.

Оглядываясь вокруг, он видел теперь только зеленую равнину. Даже пыль, из которой еще недавно состояли «Наборы П. П.», здание фирмы и ее персонал, исчезла, оставив лишь тонкий слой на его руках и пиджаке; он задумчиво стряхнул ее.

— Из праха ты возник, человек, — сказала Моника, — и в прах…

— Понятно! — громко сказал он. — Я все понимаю, можешь не разжевывать. Значит, все это было нереально — ну и что? Ты доказал свое, Эл-

дрич, пусть будет так; ты можешь здесь сделать все, что хочешь, а я — ничто, я только фантом.

Он почувствовал глубокую ненависть к Палмеру Элдричу.

«Если только мне когда-нибудь удастся отсюда выбраться, — подумал он, — если мне удастся сбежать, ты, выродок…»

— Ну-ну, — сказала девочка, в глазах ее плясали искорки. — Вы не будете здесь больше употреблять такие слова, действительно не будете, потому что я вам не позволю. Я даже не скажу, что я сделаю, если вы не перестанете, но вы меня знаете, мистер Булеро. Правда?

— Правда, — ответил Лео.

Он отошел на несколько шагов, достал платок и вытер пот со лба, шеи и углубления чуть пониже адамова яблока, которое всегда так трудно было выбрить.

«Господи, — подумал он, — помоги мне. Поможешь? Если ты это сделаешь, если тебе удастся добраться до этого мира, я сделаю все, что ты пожелаешь. Я не просто напуган, я болен. Это убьет мое тело, даже если это только фантом тела, творение эктоплазмы».

Он согнулся пополам, и его вырвало на траву. Это продолжалось долго — ему казалось, что

долго, — а потом он почувствовал себя лучше. Ему удалось повернуться и медленно подойти к девочке, сидевшей рядом с чемоданчиком.

— Условия, — бесстрастно сказала девочка. — Мы разработаем подробную систему взаимоотношений между твоей фирмой и моей. Мы нуждаемся в твоей прекрасной сети спутников, в транспортной системе, состоящей из современных межпланетных кораблей, в твоих многочисленных плантациях на Венере; нам нужно все, Булеро. Мы будем разводить лишайники там, где ты сейчас выращиваешь кэн-ди, перевозить их на тех же кораблях, продавать колонистам с помощью тех же опытных торговцев, услугами которых пользуешься ты, рекламировать их с помощью таких профессионалов, как Аллен и Шарлотта Фейн. Кэн-ди и чуинг-зет не будут конкурировать друг с другом, поскольку будет лишь один продукт — чуинг-зет. Скоро ты объявишь, что оставляешь дело. Ты понял меня, Лео?

— Наверняка, — сказал Лео. — Я не глухой.

— Ты сделаешь это?

— Ладно, — сказал Лео. И бросился на девочку.

Он схватил ее за горло и сжал. Она смотрела ему прямо в лицо, надув губы, но не говоря ни слова, не пытаясь вырываться, царапаться или

сопротивляться. Он душил ее так долго, что ему показалось, будто его руки приросли к ее шее навсегда, словно кривые корни какого-то старого, больного, но все еще живого растения.

Когда он отпустил ее, она была мертва. Ее тело наклонилось вперед, потом изогнулось и упало на бок, вытянувшись на траве. Никакой крови. Даже никаких следов борьбы, кроме темно-красных пятен на шее.

Он встал, думая: «Неужели я это сделал? Действительно ли он — она или оно, что бы это ни было, — мертво?»

Однако вымышленный мир продолжал существовать. Лео надеялся, что он исчезнет вместе с его — Элдрича — смертью.

Озадаченный, он стоял, не двигаясь с места, принюхиваясь и прислушиваясь к далекому шуму ветра. Ничего не изменилось, кроме того, что девочка умерла. Почему? Где была ошибка в его рассуждениях? Невероятно, но он ошибся.

Он наклонился и включил доктора Смайла.

— Объясни, в чем дело, — потребовал он.

— Здесь вы его убили, мистер Булеро, — послушно объяснил металлический голос Смайла. — Но на Луне…

— Ладно, — грубо перебил его Лео. — Скажи,

как мне отсюда выбраться. Как мне вернуться на Луну и… — Он пожал плечами. — Ты знаешь, что я имею в виду. Как мне вернуться к действительности?

— В данный момент, — объяснил доктор Смайл, — Палмер Элдрич, весьма обеспокоенный и рассерженный, вводит вам в вену препарат, снимающий действие ранее введенного чуингзет. Вы скоро вернетесь.

Потом добавил:

— Естественно, понятие «скоро» относится к течению времени в вашем мире. Что касается этого мира, — захихикал он, — то здесь это может продолжаться достаточно долго.

— Как долго?

— О, это могут быть годы, — сказал доктор Смайл. — Однако вполне возможно, что и нет. Дни? Месяцы? Ощущение времени субъективно, так что посмотрим, как это ощутите вы.

Присев рядом с телом девочки, Лео устало вздохнул, опустил голову, коснувшись подбородком груди, и приготовился долго ждать.

— Я составлю вам компанию, — сказал доктор Смайл, — если мне это удастся. Однако боюсь, что без оживляющего присутствия мистера Элдрича… — Лео почувствовал, что металлический

голос слабеет и говорит все медленнее. — Ничто не сохранит этого мира, — тихо сказал чемоданчик, — кроме мистера Элдрича. Так что боюсь, что… — Голос умолк.

Наступила тишина. Стих даже шум ветра.

«Как долго?» — спрашивал себя Лео.

Потом он подумал о том, не удастся ли что-нибудь сделать, как раньше.

Вдохновенно жестикулируя и размахивая руками, словно дирижер, он попытался сотворить в воздухе реактивное такси.

Наконец появились нечеткие очертания машины, но они оставались нематериальными — бесцветными, почти прозрачными. Лео встал, подошел ближе и еще раз попытался изо всех сил. В какое-то мгновение, казалось, такси начало приобретать цвет и реальную форму. Внезапно все кончилось, и оно развалилось на куски, будто пустая хитиновая скорлупа. Бесформенные, в лучшем случае двумерные обломки разлетелись во все стороны. Лео повернулся и угрюмо пошел прочь.

«Ну и дрянь», — с отвращением подумал он.

Он шел все дальше, без всякой цели. В какой-то момент он заметил в траве какое-то мертвое существо. Он осторожно подошел ближе.

«Вот, — подумал он, — окончательное доказательство того, что я сделал».

Он пнул носком ботинка мертвого глюка. Ботинок прошел его насквозь, и Лео с отвращением отдернул ногу.

Он пошел дальше, сунув руки глубоко в карманы и закрыв глаза. Желание, сначала неясное, теперь оформилось окончательно.

«Я доберусь до него в настоящем мире, — подумал он. — Не только здесь, но и там, где об этом будет написано в газетах. Не ради себя, не ради того, чтобы спасти «Наборы П. П.» и торговлю кэн-ди, но…»

Он знал, ради чего. Ради всего человечества. Поскольку Палмер Элдрич — пришелец, захватчик и мы все так кончим, в мире мертвых предметов, которые являются не чем иным, как случайно выбранными фрагментами целого. Вот оно, «перевоплощение», обещанное Хепберн-Гилберту.

Какое-то время он бродил вокруг, постепенно возвращаясь к чемоданчику, который был доктором Смайлом.

Кто-то склонился над чемоданчиком. Человек или почти человек.

Увидев Лео, существо резко выпрямилось. За-

хваченное врасплох, оно уставилось на него, блеснув лысиной, потом подпрыгнуло и бросилось прочь.

Прокс.

Глядя вслед убегающему существу, Лео подумал, что кусочки головоломки наконец сложились вместе. Палмер Элдрич населил свой мир такими созданиями. Он все еще был с ними сильно связан, даже теперь, по возвращении в родную систему. То, что появилось сейчас, позволило заглянуть в самые глубокие уголки души Элдрича, который мог и не отдавать себе отчета в том, что населил воображаемый мир проксами, присутствие которых могло оказаться неожиданностью и для него.

Разве что это действительно была система Проксимы.

Может быть, стоило пойти следом за тем проксом.

Лео так и сделал. Он шел, казалось, много часов, но никого не заметил: травянистая равнина была пуста до самого горизонта. Наконец он увидел впереди какой-то предмет. Он поспешил к нему и вдруг оказался перед стоящим кораблем.

Лео остановился, удивленно разглядывая его. Это наверняка был не земной корабль, но это не

был и корабль проксов.

Он просто не принадлежал ни к одной из двух систем.

Точно так же и два лежащих рядом с ним существа не были ни землянами, ни проксами; он никогда таких прежде не видел. Высокие, худые, с тонкими конечностями и гротескными яйцевидными головами, которые даже с этого расстояния казались удивительно хрупкими. Высокоразвитая раса, оценил Лео, однако родственная землянам, — они были больше похожи на них, чем на проксов.

Он подошел к ним, подняв руку в приветственном жесте.

Одно из двух существ повернулось в его сторону. Заметив его, оно разинуло рот и толкнуло локтем товарища. Оба вытаращили глаза. Наконец первый сказал:

— Боже мой, Алек, это одна из древних форм. Ну, знаешь, недочеловек.

— Да, — согласился второй.

— Подождите, — сказал Лео. — Вы говорите на земном языке, на английском двадцать первого века, — значит, вы должны были уже раньше видеть землянина.

— Землянина? — удивился тот, кого назвали

Алеком. — Это мы земляне. А ты кто, черт побери? Ошибка природы, вымершая много веков назад, вот кто. Ну, может быть, не много веков, но все равно очень давно.

— Вероятно, где-то здесь сохранилась какая-то популяция этих созданий, — заметил первый и спросил Лео: — Сколько здесь еще таких, как ты? Ну, иди сюда, приятель, мы ничего тебе не сделаем. У вас есть какие-нибудь женщины? Вы можете размножаться? — Потом сказал второму: — Это только так кажется, что прошли столетия. Надо просто помнить, что мы эволюционировали со скоростью сто тысяч лет за год. Если бы не Денкмаль, эти примитивные люди все еще…

— Денкмаль, — пробормотал Лео.

Значит, таков был конечный результат э-терапии. Его отделяли от них всего лишь десятилетия, однако, так же как и им, ему казалось, что между ними лежит пропасть в миллион лет. Он знал, что это лишь иллюзия, он сам мог выглядеть так же, пройдя курс терапии. Только у этих не было хитиновой оболочки, которая была одним из основных признаков эволюционировавших людей.

— Я бываю в его клинике, — сказал он. — Раз в неделю. В Мюнхене. Я эволюционирую, терапия

проходит нормально.

Он подошел ближе и внимательно пригляделся к ним.

— А где хитиновая оболочка? — спросил он. — Чтобы защищаться от солнца?

— А, этот период мнимого потепления уже закончился, — сказал Алек. — Это была вина проксов, сотрудничавших с Ренегатом. Ну, ты знаешь. А может быть, и не знаешь.

— С Палмером Элдричем, — сказал Лео.

— Да, — кивнул Алек. — Однако мы до него добрались. Именно здесь, на этом спутнике. Теперь здесь святое место… Не для нас, а для проксов. Они тайком приходят сюда, чтобы поклониться. Видел кого-нибудь из них? У нас приказ задерживать каждого, кто нам попадется. Эта территория принадлежит ООН.

— Это спутник какой планеты? — спросил Лео.

Оба эволюционировавших землянина улыбнулись.

— Земли, — сказал Алек. — Это искусственный спутник. Он построен много лет назад и называется «Сигма четырнадцать-бэ». Неужели в твое время его не существовало? Должен был уже быть. Он действительно очень старый.

— Кажется, был, — сказал Булеро. — Значит, вы

можете забрать меня на Землю?

— Конечно. — Оба землянина кивнули. — Собственно говоря, мы стартуем через полчаса. Мы возьмем тебя с собой — тебя и остальных из твоего племени. Только скажи, где вы живете.

— Я здесь один, — раздраженно сказал Лео, — и в любом случае я не из какого-то племени. Я вовсе не из доисторических времен.

Он думал о том, каким образом он оказался здесь, в будущем. А может быть, это тоже была галлюцинация, созданная мастером иллюзий Палмером Элдричем? Почему он должен был считать этих двоих более реальными, чем маленькая Моника, глюки или синтетические «Наборы П. П.», которые он посетил — посетил и видел, как здание рассыпалось в пыль? Это Палмер Элдрич придумывал будущее, это были творения его блестящей творческой мысли, в то время как он, Лео, ждал в его владениях на Луне, пока пройдет эффект внутривенной инъекции чуинг-зет. И ничего больше.

Собственно говоря, даже стоя там, он различал нечеткую линию горизонта за кораблем, который был чуть прозрачным, но вполне материальным. А эти двое эволюционировавших землян… Их очертания были слегка искажены; это напомина-

ло ему период, когда он страдал астигматизмом, пока ему не пересадили вполне здоровые глаза. Эти двое казались здесь чужими. Он протянул руку первому землянину.

— Я хотел бы пожать тебе руку, — сказал он.

Землянин Алек тоже протянул руку и улыбнулся. Рука Лео прошла сквозь руку Алека, как через воздух.

— Эй, — сказал Алек, нахмурившись и резко отдергивая руку. — В чем дело? Этот тип не настоящий, — сказал он своему товарищу, — чего и следовало ожидать. Он… как это называется? Которые жуют этот дьявольский наркотик, открытый Элдричем в системе Проксимы. Ах да: жевун. Он призрак. — Он со злостью посмотрел на Лео.

— В самом деле? — слабым голосом сказал Лео, понимая, что Алек прав. Тело Лео Булеро осталось на Луне, здесь его не было.

Но кто в таком случае создал этих двоих эволюционировавших землян? Может быть, это были не творения мысли Элдрича: может быть, они были настоящими? Тем временем Алек внимательно разглядывал его.

— Знаешь что? — сказал он своему товарищу. — Этот жевун кажется мне знакомым. Я уверен, что

видел его фотографию в газетах. Как тебя зовут, жевун? — обратился он к Лео, глядя на него еще более грозно и пристально.

— Лео Булеро.

Оба землянина подскочили от удивления.

— Эй! — крикнул Алек. — Ничего удивительного, что он показался мне знакомым. Это тот тип, который убил Палмера Элдрича! Ты герой, приятель, — сказал он Лео. — Могу поспорить, что ты ничего об этом не знаешь, поскольку ты только жевун. И ты вернулся сюда, на это историческое место, где…

— Он не вернулся, — перебил его товарищ. — Он из прошлого.

— Но он еще может вернуться, — сказал Алек. — Это его второе появление вне его собственного времени. Он вернулся… подожди, дай мне сказать, хорошо? — Он повернулся к Лео: — Ты вернулся сюда, на это место, потому что оно связано со смертью Палмера Элдрича. — Он повернулся и побежал к кораблю. — Я сообщу репортерам, — крикнул он, — может быть, они тебя сфотографируют! Дух с «Сигмы четырнадцать-бэ»! Теперь сюда действительно хлынут туристы. Подожди, — оживленно жестикулировал он, — может быть, дух Элдрича, его жевун,

тоже здесь появится. Чтобы отомстить.

Эта последняя мысль его явно не обрадовала.

— Он уже вернулся, — сказал Лео.

Алек остановился, потом медленно подошел к нему.

— В самом деле? — Он беспокойно оглядывался по сторонам. — Где он? Где-то недалеко?

— Он мертв, — ответил Лео. — Я убил его. Задушил.

Он ничего не чувствовал, кроме страшной усталости. Как можно радоваться чьей-то смерти, особенно смерти ребенка?

— Они, должно быть, повторяют это целую вечность, — прошептал Алек, оглядываясь на него с восхищением и ужасом, и покачал своей большой яйцевидной головой.

— Я ничего не повторял, — сказал Лео. — Я сделал это впервые.

И подумал: «В действительности этого не было. Мне еще предстоит это сделать».

— Ты хочешь сказать, — начал Алек, — что…

— Мне еще предстоит это сделать, — сквозь зубы сказал Лео. — Однако один из моих консультантов-ясновидцев утверждает, что это произойдет уже скоро. Вероятно.

Это вовсе не было неизбежным, и он никогда об

этом не забывал. Элдрич об этом тоже знал, что полностью объясняло все его усилия. Таким способом Элдрич препятствовал — или по крайней мере надеялся, что препятствует, — собственной смерти.

— Идем со мной, — сказал Алек, — я покажу тебе памятник в честь этого события.

Лео неохотно пошел за землянами.

— Проксы, — бросил через плечо Алек, — постоянно пытаются… ну, ты знаешь. Обесчистить его.

— Обесчестить, — поправил его товарищ.

— Да, — кивнул Алек. — Вот он.

Он остановился.

Перед ними возвышалась внушительного вида имитация гранитной колонны. На уровне глаз к ней была прикреплена медная табличка. Зная, что совершает ошибку, Лео прочитал надпись:

НЕДАЛЕКО ОТ ЭТОГО МЕСТА В 2016 ГОДУ ВРАГ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ ПАЛМЕР ЭЛДРИЧ БЫЛ УБИТ В ЧЕСТНОМ БОЮ ГЕРОЕМ НАШИХ ДЕВЯТИ ПЛАНЕТ ЛЕО БУЛЕРО С ЗЕМЛИ

— Ого! — воскликнул Лео. Он прочитал еще раз. И еще. — Интересно, — вполголоса сказал он, — видел ли это Палмер?

— Если он жевун, — сказал Алек, — то наверня-

ка да. Чуинг-зет вызывает эффект, который сам Элдрич назвал «временны́м эхом». Вот почему ты здесь, в точке, отстоящей на годы от момента твоей смерти. Мне кажется, что ты уже умер. Лео Булеро уже умер? — спросил он своего товарища.

— Конечно, черт возьми, — ответил тот. — Уже несколько десятилетий назад.

— Кажется, я читал… — начал Алек и замолчал, глядя на что-то за спиной Лео. Он толкнул локтем товарища. Лео тоже обернулся.

К ним приближался худой, неопрятного вида белый пес.

— Твой? — спросил Алек.

— Нет.

— Он выглядит как пес-жевун, — сказал Алек. — Смотри, он чуть просвечивает.

Все трое смотрели на пса, который подошел к ним и направился к памятнику.

Алек поднял камень и швырнул в пса. Камень пролетел сквозь него и упал на траву. Это был действительно пес-жевун.

На глазах всех троих пес остановился перед памятником, казалось, какое-то время разглядывал медную табличку, а потом…

— Осквернитель! — заорал Алек, покраснев от ярости. Он побежал к псу, размахивая руками

и пытаясь пнуть его ногой, потом потянулся к лазерному пистолету у пояса, но никак не мог расстегнуть кобуру.

— Это Палмер Элдрич, — сказал Лео.

Элдрич демонстрировал свое презрение к памятнику и отсутствие страха за свое будущее. Такого памятника никогда не будет. Пес не спеша удалился, провожаемый яростными проклятиями обоих эволюционировавших землян.

— Ты уверен, что это не твой пес? — подозрительно спросил Алек. — Насколько я знаю, ты здесь единственный жевун. — Он смерил его взглядом.

Лео пытался ответить, объяснить им, что произошло. Было важно, чтобы они это поняли. Внезапно, без всякого предупреждения, оба исчезли; травянистая равнина, памятник, удаляющийся пес — все перестало существовать, как будто кто-то выключил устройство, которое их создало и поддерживало их жизнь. Он видел только пустое белое пространство, светящуюся бездну, будто из голографического проектора вынули пластинку.

«Это свет, — подумал он, — который вызывает явление, именуемое нами действительностью».

Вдруг он обнаружил, что сидит в пустой комна-

те у Палмера Элдрича на Луне, напротив стола и стоявшего на нем электронного устройства. Это устройство или аппарат — чем бы оно ни было — сказало:

— Да, я видел памятник. Он существует в сорока пяти процентах вариантов будущего. Это меньше одного шанса из двух, так что меня это не слишком волнует. Угощайся. — Устройство еще раз протянуло ему зажим с сигарой.

— Нет, — сказал Лео.

— Я собираюсь тебя отпустить, — сказало устройство, — на какое-то время, скажем на двадцать четыре часа. Можешь вернуться в свой кабинетик в своей убогой фирме на Земле, а когда ты там окажешься, я хочу, чтобы ты хорошо подумал. Ты уже познал силу чуинг-зет. Ты понимаешь, что твой допотопный продукт кэн-ди не может с ним конкурировать. Более того…

— Дерьмо, — сказал Лео. — Кэн-ди во много раз лучше.

— Ну подумай, — убеждал электронный прибор.

— Хорошо, — сказал Лео.

Он с трудом встал. В самом ли деле он побывал на искусственном спутнике Земли под названием «Сигма 14-Б»? Это была задача для Феликса

Блау, этим займутся эксперты. Сейчас об этом не было смысла беспокоиться, сейчас его волновали другие проблемы. Ему все еще не удалось освободиться из рук Палмера Элдрича.

Он мог освободиться лишь тогда — если вообще мог, — когда Элдрич захочет его отпустить. Такова была реальность, хотя согласиться с ней было необычайно трудно.

— Я хотел бы обратить твое внимание на тот факт, — сказало устройство, — что я проявил к тебе милость, Лео. Я мог бы, скажем так, поставить точку в той фразе, которая включает в себя твою довольно короткую жизнь. И я могу сделать это в любой момент. В связи с этим я надеюсь, что ты очень серьезно отнесешься к моему предложению, и настаиваю на этом.

— Я уже сказал, что подумаю, — ответил Лео.

Ему было немного не по себе, как будто он выпил слишком много кофе; хотелось как можно скорее уйти. Он открыл дверь и оказался в коридоре. Когда он начал закрывать за собой дверь, электронная игрушка сказала:

— Если ты не примешь моего предложения, Лео, я не буду ждать. Я убью тебя. Мне придется это сделать, чтобы спасти себя. Понял?

— Понял, — ответил Лео и закрыл за собой

дверь.

«И я тоже, — подумал он. — Должен тебя убить… Почему мы оба не можем выражаться иносказательно, например так, как говорят о животных: усыпить?

И мне придется это сделать для того, чтобы спасти не только себя, но и все человечество, и в этом мое оправдание. Я должен это сделать хотя бы ради тех двоих эволюционировавших солдат, которых я встретил у памятника. Чтобы им было что охранять».

Он медленно шел по коридору. В другом его конце стояла группа репортеров. Значит, они еще не улетели, даже еще не взяли интервью — времени прошло немного. Так что в этом отношении Палмер был прав.

Присоединившись к репортерам, Лео расслабился и почувствовал себя значительно лучше. Может быть, теперь ему удастся уйти. Может быть, Палмер Элдрич в самом деле собирается его отпустить. Он будет жить и снова дышать, видеть и пить в настоящем мире.

Однако где-то в глубине подсознания он знал, что это не так. Элдрич никогда бы его не отпустил, сначала один из них должен был погибнуть.

Лео надеялся, что это будет не он. Однако,

несмотря на памятник, у него было жуткое предчувствие, что он может проиграть.

Глава 7

Дверь в кабинет Барни Майерсона распахнулась, и на пороге появился Лео Булеро, сгорбленный от усталости и покрытый дорожной пылью.

— Ты не пытался мне помочь.

— Да, не пытался, — не сразу ответил Барни. Не было смысла объяснять почему — не из-за того, что Лео не в состоянии был понять или поверить, но из-за самой причины. Ее было просто недостаточно.

— Ты уволен, Майерсон, — сказал Лео.

— Ну что ж, хорошо.

«По крайней мере, я жив, — подумал Барни. — А если бы я полетел за Лео, я был бы уже мертв».

Негнущимися пальцами он начал собирать со стола свои вещи и бросать их в пустую коробку из-под образцов.

— Где мисс Фьюгейт? — спросил Лео. — Она займет твое место.

Он подошел ближе к Барни и испытующе взглянул на него:

— Почему ты не прилетел и не освободил меня? Назови, черт возьми, хоть какую-нибудь причи-

ну, Барни.

— Я заглянул в будущее. Это мне слишком дорого бы стоило. Это стоило бы мне жизни.

— Но ведь тебе незачем было лететь самому. У нас большая фирма. Ты мог набрать несколько человек, послать их, а сам мог остаться здесь.

Это было действительно так. А он о такой возможности даже не подумал.

— Значит, — продолжал Лео, — ты, видимо, хотел, чтобы со мной что-то случилось. Другого объяснения я не вижу. Может быть, ты сделал это подсознательно.

— Наверное, да, — согласился Барни.

Ведь он действительно не отдавал себе в этом отчета. Как бы то ни было, Лео был прав: разве иначе он не взял бы на себя ответственность, не позаботился бы о том, чтобы — как предлагал Блау — отправить на Луну отряд вооруженных сотрудников «Наборов П. П.»? Теперь это казалось таким простым и таким очевидным.

— Это было что-то страшное — то, что я пережил у Палмера Элдрича, — сказал Лео. — Это какой-то злой волшебник. Он проделывал со мной такое, что ни тебе, ни мне и не снилось. Например, он превратился в маленькую девочку, показал мне будущее — хотя, может быть, и неумышленно, —

создал целую Вселенную вместе со страшным зверем под названием «глюк», иллюзорным Нью-Йорком, тобой и Рони. Ну и дрянь! — Он потряс головой. — Куда ты собираешься пойти?

— Есть только одно место, куда я могу отправиться.

— Куда? — выжидающе посмотрел на него Лео.

— Только одному человеку может теперь пригодиться мой дар ясновидения.

— Значит, ты мой враг!

— Да. Можешь так считать.

Он готов был согласиться с мнением Лео, с тем, как тот отнесся к его бездействию.

— До тебя я тоже доберусь, — сказал Лео. — Вместе с этим чокнутым волшебником, так называемым Палмером Элдричем.

— Почему «так называемым»? — Барни быстро взглянул на него, перестав собирать вещи.

— Потому что я все больше убежден, что он — не человек. Я ни разу не видел его собственными глазами, кроме тех минут, когда я был под действием чуинг-зет, а все остальное время он общался со мной с помощью электронного устройства.

— Интересно, — сказал Барни.

— Правда? А ты настолько продажен, что со-

бираешься пойти и устроиться в его фирму. Несмотря на то что он может оказаться паршивым проксом или чем-то еще хуже, какой-нибудь чертовщиной, которая проникла на его корабль, когда он летел на Проксиму или обратно, сожрала его и заняла его место. Если бы ты видел этих глюков…

— Так не вынуждай меня к этому! — крикнул Барни. — Не выбрасывай меня на улицу.

— Не могу. После того как ты провалил свой экзамен на лояльность, не могу. — Лео отвел взгляд и судорожно сглотнул. — Мне бы очень хотелось не думать о тебе столь плохо, но… — Он бессильно сжал кулаки. — Это было отвратительно. Ему удалось меня сломить. А потом я наткнулся на двоих эволюционировавших землян, и это мне помогло. Пока не появился Элдрич в облике пса, который помочился на памятник. — Лео скривился. — Должен сказать, что он весьма убедительно выразил свое к нему отношение. Трудно было не ощутить его презрения. — Как бы про себя он добавил: — Он верит, что выиграет, что ему нечего бояться, даже после того, как он видел надпись на памятнике.

— Пожелай мне счастья, — сказал Барни.

Он протянул руку. Они обменялись коротким

ритуальным рукопожатием, и Барни вышел из кабинета в приемную, а потом в коридор. Он чувствовал себя опустошенным, набитым каким-то лишенным вкуса и запаха материалом вроде соломы. Ничего больше.

Пока он стоял в ожидании лифта, его догнала Рони Фьюгейт, запыхавшаяся, с озабоченным выражением на лице.

— Барни… он тебя выгнал?

Барни кивнул.

— О, дорогой, — сказала она. — И что теперь?

— Теперь, — ответил он, — я перехожу на сторону противника. Хорошо это или плохо, но выбирать не из чего.

— Но как мы сможем дальше жить вместе, если я буду работать у Лео, а ты…

— Понятия не имею, — сказал Барни. Подошел лифт, и он вошел внутрь. — Пока, — сказал он и нажал кнопку; двери закрылись, отгородив его от Рони.

«Увидимся в том месте, которое неохристиане называют адом, — подумал он. — Вряд ли раньше. Разве что здесь уже ад, что весьма правдоподобно».

Спустившись вниз, он вышел из здания «Наборов П. П.» и встал под термозащитным козырь-

ком, ища взглядом такси. Когда такси появилось и он направился к нему, кто-то окликнул его по имени. Это была Рони.

— Подожди, Барни.

— Ты с ума сошла, — сказал он. — Возвращайся. Не бросай свою многообещающую карьеру ради того, что от меня осталось.

— Мы собирались работать вместе, помнишь? — сказала Рони. — Чтобы, как я тогда выразилась, предать Лео. Почему мы не можем сотрудничать и дальше?

— Все изменилось. Из-за моего болезненного нежелания — или неспособности, или называй как хочешь, — отправиться на Луну и оказать ему помощь.

Он чувствовал безразличие к собственной персоне, будущее которой рисовалось отнюдь не в радужном свете.

— Боже мой, ведь ты на самом деле не хочешь остаться со мной, — сказал он девушке. — Когда-нибудь ты можешь угодить в переплет, тебе может потребоваться моя помощь, а я наверняка сделаю в точности то же самое, что я сделал в отношении Лео. Позволю тебе утонуть, не пошевелив и пальцем.

— Ведь речь шла о твоей…

— Об этом всегда идет речь, — заметил он, — когда что-то делаешь. Это название комедии, а мы в ней актеры.

Это его не оправдывало, по крайней мере в собственных глазах. Он сел в такси, машинально назвал адрес и откинулся в кресле, пока машина поднималась в раскаленное добела небо. Далеко внизу под термозащитным козырьком стояла Рони, глядя из-под руки вслед удаляющемуся такси. Она явно надеялась, что он передумает и вернется.

Однако он этого не сделал.

«Требуется определенная смелость, — думал он, — чтобы посмотреть себе в глаза и сказать: я ни на что не годен. Я совершил зло и совершу его снова. Это не случайность, таково мое истинное „я“».

Наконец такси начало снижаться. Он полез в карман за бумажником и с удивлением обнаружил, что это не его дом. В панике он пытался сообразить, где находится. Внезапно он понял. Это был дом 492. Он назвал адрес Эмили.

Вот так! Назад в прошлое. Туда, где вещи имели смысл.

«Когда я делал карьеру, — подумал он, — когда я знал, чего хочу, знал даже в глубине души, что

я готов отдать, от чего отказаться, чем пожертвовать… и ради чего. А теперь…»

Теперь он пожертвовал своей карьерой, чтобы — как он считал — спасти жизнь. Также как когда-то он пожертвовал Эмили, чтобы спасти свою жизнь, — это было так просто. Не было ничего проще. Это был не идеализм и не долг, вытекающий из пуританских, кальвинистских убеждений. Это был лишь инстинкт, как у самого примитивного червяка.

«Господи! — подумал он. — Я сделал это: сначала я бросил Эмили, а теперь Лео. Что я за человек? А следующей — и я был достаточно честен, чтобы об этом сказать, — была бы Рони. Неизбежно.

Может быть, — подумал он, — Эмили сумеет мне помочь. Может быть, поэтому я здесь. Она всегда прекрасно разбиралась в таких делах, она видела меня насквозь в тумане самооправданий, которыми я себя окружил, чтобы не замечать мрачной действительности. Что, естественно, лишь склоняло меня к тому, чтобы от нее избавиться. Честно говоря, для такого, как я, уже это само по себе было достаточным поводом. Однако, может быть, сейчас я буду в состоянии это вынести».

Минуту спустя он уже звонил у дверей Эмили.

«Если она сочтет, что я должен присоединиться к Палмеру Элдричу, я так и сделаю, — подумал он. — А если нет, то нет. Однако она и ее муж работают на Элдрича. Как они могли бы, сохраняя лояльность к нему, отговорить меня от этого? Значит, это уже решено. И может быть, я прекрасно об этом знал».

Дверь открылась. Эмили удивленно посмотрела на него широко открытыми глазами. На ней был синий халат, запачканный засохшей и мокрой глиной.

— Привет, — сказал он. — Лео меня уволил.

Он подождал, но она ничего не ответила.

— Можно войти? — спросил он.

— Да.

Она впустила его в квартиру. Посреди комнаты, как и прежде, стоял огромный гончарный круг.

— Я как раз лепила. Рада тебя видеть, Барни. Если хочешь чашечку кофе, тебе придется…

— Я пришел к тебе за советом, — сказал Барни. — Однако теперь я понял, что это ни к чему.

Он подошел к окну, поставил свою набитую коробку и выглянул наружу.

— Тебе не помешает, если я снова займусь делом? У меня была хорошая идея, по крайней мере, она казалась мне хорошей. — Эмили потерла лоб,

а потом закрыла руками глаза. — Сейчас я уже не уверена… и я так устала. Я думаю о том, не связано ли это с э-терапией.

— Эволюционная терапия? Ты прошла ее?

Он повернулся и внимательно посмотрел на Эмили. Изменилась ли она физически?

Ему казалось — хотя, наверное, просто оттого, что он так долго ее не видел, — что черты ее лица стали грубее.

Это возраст, подумал он. Однако…

— И как идут дела? — спросил он.

— Ну, пока у меня был только один сеанс. Однако, ты знаешь, я так плохо соображаю. Не могу собраться с мыслями, все идеи перепутались.

— Думаю, лучше будет, если ты откажешься от этой терапии. Даже если это предел мечтаний, даже если это делает каждый, кто хоть что-то из себя представляет.

— Может быть, ты и прав. Но они так довольны. Ричард и доктор Денкмаль.

Она знакомым движением опустила голову.

— Они бы знали, если бы что-то было не в порядке, правда?

— Этого никто не знает. Это слишком мало исследованная область. Кончай с этим. Ты всегда позволяла, чтобы тобой командовали.

Он сказал это повелительным тоном, как и несчетное множество раз за те годы, что они провели вместе, — как правило, это давало неплохой результат, хотя и не всегда.

На этот раз не удалось. Он видел угрюмое выражение ее глаз и сжатые зубы.

— Я думаю, что это зависит только от меня, — с достоинством сказала она. — И я намерена продолжать.

Он пожал плечами и начал ходить по квартире. Он не мог повлиять на Эмили, но его это и не волновало. Однако так ли это? Действительно ли это его не волновало? Он мысленно представил себе деградирующую Эмили… которая пытается лепить свои горшки, заниматься творчеством. Это было смешно… и жутко.

— Послушай, — грубо сказал он, — если бы этот тип действительно тебя любил…

— Я же тебе сказала, — ответила Эмили. — Это мое решение.

Она вернулась к гончарному кругу. На нем возникала большая высокая ваза. Барни подошел поближе. Красивая, решил он. И как будто… знакомая. Не делала ли она когда-то чего-то подобного? Однако он ничего не сказал — только стоял и смотрел.

— Что ты собираешься делать? — спросила Эмили. — Где ты будешь работать?

Казалось, что она ему сочувствует. Он вспомнил, как недавно не дал ей продать свои вазочки «Наборам П. П.». Она могла быть настроена к нему враждебно, но — что было для нее типично — это было не так. А она наверняка знала, что это он отклонил предложение Хнатта.

— Моя судьба уже, наверное, решена, — сказал он. — Я получил повестку.

— Это ужасно. Ты — на Марсе! Не могу себе этого представить.

— Там я могу жевать кэн-ди, — сказал он. — Только…

«Вместо набора Подружки Пэт, — подумал он, — может быть, я заведу себе набор Эмили. И буду проводить время в фантазиях вместе с тобой. Буду вести жизнь, от которой добровольно, по глупости, отказался. Единственный по-настоящему удачный период моей жизни, когда я был по-настоящему счастлив. Однако, естественно, я об этом не знал, поскольку сравнивать было не с чем… а теперь есть с чем».

— Есть ли хоть какая-нибудь надежда на то, — спросил он, — что ты захочешь полететь со мной?

Она недоверчиво посмотрела на него, он ответил ей таким же взглядом. Оба были ошеломлены подобной возможностью.

— Я говорю серьезно, — сказал он.

— Когда это тебе пришло в голову?

— Не важно, — ответил он. — Важно лишь то, что я чувствую.

— Важно и то, что чувствую я, — тихо сказала Эмили. — А я очень счастлива с Ричардом. Мы прекрасно понимаем друг друга.

Ее лицо ничего не выражало; несомненно, она действительно так думала. Он был проклят, обречен, сброшен в пропасть, которую сам выкопал. И он это заслужил. Они оба это знали, им даже не нужно было ничего говорить.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал Барни.

Эмили его не удерживала. Она чуть кивнула.

— Я очень хотел бы надеяться, — сказал он, — что ты не деградируешь. Однако, кажется, это действительно так. Я вижу это, например, по твоему лицу. Посмотри в зеркало.

С этими словами он вышел, дверь за ним сама закрылась. Он тут же пожалел о своих словах, хотя это могло оказаться полезным… могло ей помочь. Поскольку это действительно было так.

«А этого я ей не желаю, — думал он. — Никто

этого никому не желает. Даже этот осел, ее муж, которого она предпочитает мне… по причинам, которых я не в состоянии понять, разве что супружество с ним она рассматривает как свое предназначение. Она обречена на жизнь с Ричардом Хнаттом, обречена на то, чтобы никогда уже не быть моей женой; время вспять не повернешь.

Впрочем, это возможно, если жуешь кэн-ди, — подумал он. — Или этот новый продукт, чуинг-зет. Все колонисты это делают. Его нельзя достать на Земле, но он есть на Марсе или на Ганимеде, на каждой из земных колоний.

На крайний случай остается еще и это…

А может быть, это уже крайний случай. Потому что…»

Поразмыслив, он понял, что не может пойти к Палмеру Элдричу — после того, что тот сделал или пытался сделать с Лео. Он сообразил это, стоя перед зданием в ожидании такси. Воздух, казалось, колыхался от жары, и Барни подумал: достаточно сделать несколько шагов. Нашел бы кто-нибудь его, прежде чем он бы умер? Вряд ли. Это было бы весьма неплохое решение…

«Итак, конец всяческим надеждам на работу. Лео был бы очень рад, если бы от меня избави-

лись. Он был бы наверняка доволен.

Так, забавы ради, — решил он, — позвоню Элдричу и спрошу, не возьмет ли он меня к себе».

Он нашел видеотелефонную будку и заказал разговор с имением Элдрича на Луне.

— Это Барни Майерсон, — представился он. — Бывший консультант-прогностик Лео Булеро. Собственно, я был заместителем директора «Наборов П. П.».

Менеджер Элдрича, наморщив лоб, спросил:

— Да? Чего вы хотите?

— Я ищу у вас работу.

— Нам не нужны прогностики. Весьма сожалею…

— Я могу поговорить с мистером Элдричем?

— Мистер Элдрич уже высказал свое мнение по этому поводу.

Барни повесил трубку и вышел из будки.

Его это вовсе не удивило.

«Если бы они сказали: прилетайте на Луну, поговорим, — полетел бы я? Да, — понял он. — Полетел бы, но в какой-то момент отказался бы, уже убедившись, что они берут меня на работу».

Вернувшись в будку, он набрал номер своей призывной комиссии.

— Говорит Барни Майерсон, — сказал он и

назвал свой личный код. — Я недавно получил повестку и хотел бы ускорить формальности. Я хочу улететь как можно скорее.

— Медицинскую комиссию нужно пройти обязательно, — проинформировал его чиновник ООН. — Прежде всего психиатрическую. Однако, если вы хотите, вы можете прийти в любое время, даже сейчас, и пройти ее.

— Отлично, — сказал он. — Так я и сделаю.

— А поскольку вы являетесь добровольно, мистер Майерсон, вы можете выбрать себе…

— Меня устраивает любая планета или спутник, — сказал Барни.

Он повесил трубку, нашел такси и назвал адрес призывной комиссии возле его дома.

Когда такси с тихим жужжанием летело к центру Нью-Йорка, снизу подлетело другое и пристроилось впереди, плавно покачивая стабилизаторами.

— Они пытаются связаться с нами, — сообщил автомат-водитель. — Хотите ответить?

— Нет, — ответил Барни. — Давай быстрее.

Внезапно он передумал.

— Можешь их спросить, кто они?

— Попробую.

Какое-то время в кабине было тихо, потом ав-

томат сказал:

— Они говорят, что у них информация для вас от Палмера Элдрича. Он хочет сказать вам, что примет вас и чтобы вы…

— Повтори еще раз, — сказал Барни.

— Мистер Палмер Элдрич, которого они представляют, примет вас на работу, как вы хотели. Хотя, как правило…

— Я хочу с ними поговорить, — сказал Барни.

К его рту придвинулся микрофон.

— Кто там? — спросил Барни.

Ответил незнакомый голос:

— Говорит Ихольц. Из фирмы «Чуинг-зет мануфакчурерс», Бостон. Мы не могли бы приземлиться и где-нибудь обсудить вопрос о приеме вас на работу в нашу фирму?

— Я сейчас направляюсь в призывную комиссию. Добровольно.

— Вы еще ничего не подписали?

— Нет.

— Хорошо. Значит, еще не поздно.

— Но на Марсе я смогу жевать кэн-ди, — сказал Барни.

— Зачем вам это, ради бога?

— Чтобы быть снова с Эмили.

— Кто это — Эмили?

— Моя бывшая жена. Я расстался с ней, когда она забеременела. Теперь я понимаю, что это были единственные счастливые дни в моей жизни. Честно говоря, я люблю ее сейчас больше, чем когда-либо. Вместо того чтобы со временем слабеть, это чувство только углубилось.

— Послушайте, — сказал Ихольц. — Мы можем дать вам столько чуинг-зет, сколько вам потребуется, а это еще лучше. Благодаря ему вы сможете жить вечно в идеальном союзе со своей бывшей женой. Нет проблем.

— А может быть, я не хочу работать на Палмера Элдрича.

— Ведь вы сами хотели!

— Я начал сомневаться, — сказал Барни. — Серьезно сомневаться. Вот что я вам скажу: не звоните мне — я сам вам позвоню. Если меня не призовут.

Он отодвинул микрофон.

— Пожалуйста, — сказал он автомату. — Спасибо.

— Это очень патриотично — явиться добровольно, — сказало такси.

— Занимайся своим делом, — сказал Барни.

— Думаю, что вы поступаете правильно, — сказало такси.

— Если бы я только полетел на «Сигму четырнадцать-бэ» спасать Лео, — сказал Барни. — Или на Луну? Я уже не помню, где это было. Все кажется каким-то сном. Во всяком случае, если бы я полетел, сейчас я работал бы у него и все было бы в порядке.

— Мы все совершаем ошибки, — сочувственно сказало такси.

— Но некоторые из нас, — пробормотал Барни, — совершают роковые ошибки.

«Сначала в отношении тех, кого мы любим, наших жен и детей, а потом — наших работодателей», — подумал он.

Такси с тихим гудением летело дальше.

«А в конце, — думал Барни, — мы совершаем последнюю ошибку. Ту, которая касается нашей жизни, подытоживает ее. Пойти работать к Элдричу или отправиться на Марс. И что бы мы ни выбрали, мы знаем лишь одно: это был неправильный выбор».

Час спустя он прошел медицинскую комиссию, был признан годным и подвергнут психиатрическим тестам — их проводило нечто, очень напоминавшее доктора Смайла.

Тоже с положительным результатом.

Как в трансе, он принес присягу («Клянусь,

что буду считать Землю своей матерью и признавать ее ведущую роль…»), после чего, вручив ему пачку выдержанных в радостном тоне информационных брошюрок, его отправили домой собирать вещи. У него было двадцать четыре часа до отлета… туда, куда ему предстояло лететь. Пока этого ему еще не сообщили. Предписание о месте назначения, вероятно, начиналось со слов: «Мене, мене, текел». По крайней мере, должно было, если учитывать возможные варианты.

«Все позади, — размышлял он, испытывая разные эмоции: удовлетворение, облегчение, испуг и тоску, вызванную пронзительным ощущением катастрофы. — Во всяком случае, — думал он, возвращаясь домой, — это лучше, чем выйти с непокрытой головой на солнце».

А так ли это?

По крайней мере, это медленнее. Чтобы умереть таким способом, потребуется больше времени, может быть даже пятьдесят лет, и это устраивало его больше. Почему — он не знал.

«Впрочем, я всегда могу это ускорить, — подумал он. — В колониях наверняка для этого будет не меньше возможностей, чем здесь, может быть, даже больше».

Когда он собирал свои вещи, в последний раз

укрывшись в своей любимой квартире, на которую он с таким трудом зарабатывал, зазвонил видеотелефон.

— Мистер Байерсон... — Девушка, какая-то второстепенная сотрудница какого-то второстепенного отдела сектора внеземных колоний ООН. Она улыбалась.

— Майерсон.

— Ах да! Я звоню, чтобы сообщить вам место вашего назначения, и — вам повезло, мистер Майерсон! — это плодородный район Марса, известный под названием Файнберг-Кресчент. Я уверена, что вам там понравится. Ну, всего хорошего, сэр, и желаю успеха!

Она продолжала улыбаться, пока он не выключил изображение. Это была улыбка человека, который никуда не летит.

— Желаю успеха и тебе, — сказал он.

Файнберг-Кресчент. Он кое-что о нем слышал. Действительно, это был относительно плодородный район. Во всяком случае, у колонистов были там огороды; в отличие от некоторых других мест это не были пустыни замерзшего метана, над которыми в течение месяцев бушевали жестокие бури. У него наверняка будет возможность иногда выходить из барака наружу.

В углу комнаты стоял чемоданчик с доктором Смайлом. Барни включил его и сказал:

— Доктор, вам трудно будет в это поверить, но в ваших услугах я больше не нуждаюсь. Всего хорошего, и желаю успеха, как сказала девушка, которая никуда не летит. Я согласился добровольно, — пояснил он.

— Бгррр, — заскрежетал доктор Смайл, скрипя у себя в подвале шестеренками. — Ведь с вашим характером… это просто невозможно. Какова была причина, мистер Майерсон?

— Желание смерти, — сказал он и выключил психиатра.

Молча продолжая собирать вещи, он думал: «Боже мой!

А ведь так недавно у нас с Рони были такие грандиозные планы! Мы собирались по-крупному продать Лео и перейти к Элдричу. Что же случилось? Я тебе скажу, что случилось, — ответил он сам себе. — Лео начал действовать первым. И теперь Рони занимает мое место. Именно этого она и хотела».

Чем больше он об этом думал, тем больше злился, не видя никакого выхода. Сделать ничего было нельзя, по крайней мере в этом мире. Может быть, когда он примет кэн-ди или чуинг-зет, мо-

жет быть, тогда он окажется во Вселенной, где…

В дверь постучали.

— Привет, — сказал Лео. — Можно войти?

Он прошел в комнату, вытирая платком свой огромный лоб.

— Жарко. В газете я прочитал, что стало теплее еще на шесть десятых…

— Если ты пришел, чтобы предложить мне вернуться на работу, — сказал Барни, отрываясь от сборов, — то ты опоздал, поскольку я добровольно поступил на службу. Завтра я улетаю на Файнберг-Кресчент.

Если Лео решил с ним помириться, то это настоящая ирония судьбы. Полный оборот колеса фортуны.

— Я не собираюсь предлагать тебе вернуться на работу. И я знаю, что ты поступил на службу. У меня есть информаторы в отделе мобилизации, а кроме того, мне сообщил об этом доктор Смайл. Я платил ему — о чем ты, естественно, не знал, — чтобы он информировал меня о твоих успехах в снижении устойчивости к стрессам.

— Так чего же ты хочешь?

— Я хочу, чтобы ты поступил на работу к Феликсу Блау, — сказал Лео. — Мы уже все продумали.

— Остаток своей жизни, — тихо сказал Барни, —

я проведу в Файнберг-Кресчент. Не понимаешь?

— Успокойся. Я пытаюсь найти какой-то выход из этого положения, и для тебя тоже. Мы оба поступили слишком необдуманно: я — когда уволил тебя, а ты — когда отдался этим вампирам из призывной комиссии. Думаю, Барни, что я знаю способ, как заманить в ловушку Палмера Элдрича. Я поговорил с Блау, и ему нравится эта идея. Ты будешь изображать… а вернее, жить как колонист, — поправился Лео. — Ты станешь одним из них. На днях, вероятно на будущей неделе, Элдрич начнет продавать чуинг-зет в твоем районе. Может быть, предложат и тебе. По крайней мере, мы надеемся. Мы на это рассчитываем.

Барни встал:

— И надо полагать, я должен с радостью ухватиться за это предложение.

— Совершенно верно.

— Почему?

— Ты подашь жалобу в ООН. Наши юристы напишут ее за тебя. Ты заявишь, что эта проклятая, отвратительная, паршивая дрянь высокотоксична и обладает побочным действием, не важно каким. Мы организуем показательный процесс, потребуем от ООН, чтобы она запретила производство чуинг-зет как вредного и опасного для

здоровья… Мы не допустим его распространения на Земле. Это великолепно, что ты оставил работу в «Наборах П. П.» и поступил на службу. Ты выбрал самый удачный момент.

Барни покачал головой.

— Что это значит? — спросил Лео.

— Я не согласен.

— Почему?

Барни пожал плечами. Собственно, он не знал почему.

— После того как я тебя подвел…

— Ты впал в панику. Ты не знал, что делать; это была не твоя работа. Мне нужно было приказать Смайлу связаться с шефом полиции нашей фирмы Джоном Зельцером. Ладно, все ошибаются. Дело прошлое.

— Нет, — ответил Барни.

«После того, что я узнал о себе, — подумал он, — я не могу об этом забыть. Эти приступы самокритики сильнее всего действуют на сердце. Последствия необратимы».

— Не упрямься, ради бога. Это уже патология. У тебя впереди вся жизнь, даже если ты проведешь ее в Файнберг-Кресчент. Я думаю, что тебя и так бы призвали. Согласен? — Лео раздраженно ходил кругами по комнате. — Черт побери. Ладно,

можешь мне не помогать. Пусть Элдрич и его проксы делают что хотят, пусть завоевывают Солнечную систему или, еще хуже, всю Вселенную, начиная с нас.

Он остановился и с яростью посмотрел на Барни.

— Дай мне… дай мне подумать.

— Подожди, пока не примешь чуинг-зет. Сам увидишь. Это отравит нас всех, наш разум и тело, приведет к полному хаосу. — Тяжело дыша от возмущения, Лео вдруг закашлялся. — Слишком много сигар, — слабо сказал он. — Господи… — Он посмотрел на Барни. — Ты знаешь, что этот тип дал мне двадцать четыре часа? Я должен подчиниться, или… — Он щелкнул пальцами.

— Я не смогу так быстро оказаться на Марсе, — сказал Барни. — Не говоря уже о том, что не смогу так быстро освоиться там настолько, чтобы покупать чуинг-зет у торговца.

— Я знаю, — твердо сказал Лео. — Однако ему не удастся так быстро меня уничтожить. Это займет недели, может быть, даже месяцы. А к этому времени у нас будет некто, кто докажет в суде, что чуинг-зет вреден для здоровья. Я знаю, что это кажется невозможным, но…

— Свяжись со мной, когда я буду уже на Мар-

се, — сказал Барни. — В своем бараке.

— Я сделаю это! Сделаю! — крикнул Лео, а потом вполголоса добавил: — И у тебя будет оправдание.

— Не понял?

— Ничего особенного, Барни.

— Все-таки объясни.

Лео пожал плечами:

— Черт возьми, я знаю, во что ты вляпался. Рони получила твое место. Ты был прав. И я следил за тобой, я знаю, что ты сразу же помчался к своей бывшей жене. Ты все еще ее любишь, а она не хочет с тобой лететь. Я знаю тебя лучше, чем ты сам. Я хорошо знаю, почему ты не появился, чтобы вытащить меня, когда я оказался в плену у Палмера. Ты всю жизнь стремился к тому, чтобы занять мое место, а теперь, когда все рухнуло, тебе придется начинать все заново. Жаль, но ты сам виноват. Ты просчитался. Как видишь, я не собираюсь уходить и никогда не собирался. Ты хороший работник, но только как консультант-прогностик, а не как начальник. На это тебя не хватит. Вспомни, как ты отклонил вазочки Ричарда Хнатта. Этим ты себя выдал, Барни. Мне очень жаль.

— Ладно, — помолчав, сказал Барни. — Может

быть, ты прав.

— Ну вот, ты многое о себе узнал. И можешь начать все сначала, в Файнберг-Кресчент. — Лео похлопал его по спине. — Можешь стать начальником своего барака, творить, производить, или чем там еще занимаются в бараках. И ты будешь разведчиком Феликса Блау. Это очень важное дело.

— Я мог перейти к Элдричу, — сказал Барни.

— Да, но ты этого не сделал. Кого волнует, что ты мог сделать?

— Ты думаешь, я правильно поступил, согласившись добровольно?

— Парень, а что ты еще мог сделать? — тихо сказал Лео.

На этот вопрос не было ответа. И оба об этом знали.

— Когда у тебя появится желание пожалеть о своей судьбе, — сказал Лео, — вспомни об одном: Палмер Элдрич хочет меня убить… Я в значительно худшем положении, чем ты.

— Догадываюсь.

Это была правда, и Барни понял еще кое-что. Как только он подаст жалобу на Палмера Элдрича, он окажется в том же положении, что и Лео.

Подобная возможность его вовсе не радовала.

Ночью он уже был на борту транспортного корабля ООН, летящего на Марс. В кресле рядом с ним сидела симпатичная, испуганная, но отчаянно пытавшаяся сохранить спокойствие брюнетка с настолько правильными чертами лица, что она напоминала манекенщицу из журнала мод. Как только корабль вышел на орбиту, она сразу же представилась ему — изо всех сил пытаясь снять напряжение, она разговаривала с кем угодно и о чем угодно. Ее звали Энн Хоуторн. Она могла избежать призыва, как она сказала с легкой тоской, но не сделала этого. Она верила, что это ее патриотический долг.

— А как вы могли этого избежать? — с любопытством спросил Барни.

— Шумы в сердце, — сказала Энн. — И еще аритмия и судорожная тахикардия.

— А как насчет сужения предсердий и желудочков, тахикардии предсердий, фибрилляции и ночных судорог? — спросил Барни, который в свое время безрезультатно искал у себя эти симптомы.

— Я могла предъявить документы из больниц, заверенные врачами и страховой компанией. — Она смерила его взглядом и с интересом добавила: — Похоже, что вы могли отвертеться,

мистер Пайерсон.

— Майерсон. Я явился добровольно, мисс Хоуторн.

«Я не мог отвертеться, по крайней мере надолго», — подумал он.

— Люди в колониях очень религиозны. Во всяком случае, я так слышала. Какой вы веры, мистер Майерсон?

— Гм, — пробормотал он, сбитый с толку.

— Думаю, что вы должны это решить, прежде чем мы там окажемся. Они спрашивают об этом и ожидают, что мы будем участвовать в обрядах. Главным образом речь идет об этом наркотике… ну, вы знаете, кэн-ди. Благодаря ему многие обратились к какой-либо из признанных религий… Хотя большинство колонистов испытывают от самого наркотика достаточный религиозный экстаз. У меня родственники на Марсе. Они мне пишут, так что я об этом знаю. Я лечу в Файнберг-Кресчент, а вы?

«Я по течению», — подумал Барни.

— Туда же, — вслух сказал он.

— Может быть, мы окажемся в одном и том же бараке, — сказала Энн Хоуторн с задумчивым выражением на красивом лице. — Я принадлежу к реформаторской ветви Новоамериканской

церкви, неохристианской церкви Соединенных Штатов и Канады. Наши традиции уходят далеко в прошлое: в трехсотом году у наших прадедов были епископы, которые входили в состав синода во Франции. Мы откололись от других церквей не так поздно, как принято думать. Так что, как видите, у нас апостольское происхождение.

Она улыбнулась ему серьезной и дружелюбной улыбкой.

— Я верю вам, — сказал Барни. — В самом деле. Что бы это ни значило.

— В Файнберг-Кресчент есть Новоамериканская миссионерская церковь, а значит, есть викарий, священник. Я надеюсь, что смогу причащаться по крайней мере раз в месяц. И исповедоваться два раза в год, как положено, как я это делала на Земле. Наша церковь признает многие таинства… вы приняли какое-либо из двух великих таинств, мистер Майерсон?

— Гм… — задумался Барни.

— Христос велел, чтобы мы соблюдали два таинства, — терпеливо объясняла Энн Хоуторн. — Крещение водой и Святое причастие, в память о нем… а начало этому положила Тайная вечеря.

— О, вы имеете в виду хлеб и вино.

— Вы знаете, что кэн-ди перемещает — как они

это называют — принимающего наркотик в иной мир. Естественно, в светском понимании этого слова, поскольку это временный и лишь физический мир. Хлеб и вино…

— Мне очень жаль, мисс Хоуторн, — сказал Барни, — но я не верю в это дело с телом и кровью. Для меня все это звучит чересчур мистически.

Слишком многое здесь основано на недоказанных предпосылках, подумал он. Однако она была права. Религия, благодаря кэн-ди, приобрела многих сторонников на колонизированных спутниках и планетах, и наверняка ему предстояло с этим столкнуться, как и сказала Энн.

— Вы собираетесь попробовать кэн-ди? — спросила она.

— Наверняка.

— Вы верите в это, — сказала Энн. — И все же вы знаете, что Земля, на которую вы переноситесь, не настоящая.

— Я не хочу спорить, — сказал он, — но впечатление такое, что она настоящая. Этого мне достаточно.

— Точно так же реальны сны.

— Но это сильнее, чем сны, — сказал он. — Это более четко. И помогает… — Он чуть не сказал «соединяться». — Помогает общаться с другими,

кто тоже принимает наркотик. Так что это не может быть только иллюзией. Сны индивидуальны, поэтому мы считаем их иллюзией. Однако Подружка Пэт…

— Хотела бы я знать, что обо всем этом думают люди, которые производят наборы Подружки Пэт, — задумчиво сказала Энн.

— Я могу вам сказать. Для них это только бизнес. Вероятно, точно такой же, как производство вина и облаток для…

— Если вы собираетесь попробовать кэн-ди, — перебила его Энн, — и видите в этом надежду на новую жизнь, то, может быть, мне удастся уговорить вас принять крещение и причастие в Новоамериканской церкви? Чтобы вы смогли увидеть, заслуживает ли ваша вера таких испытаний? А может быть, вы выберете Первую реформаторскую христианскую церковь Европы, которая, конечно, тоже признает два великих таинства. Если вы один раз примете Святое причастие…

— Не могу, — сказал он.

«Я верю в кэн-ди, — подумал он, — и — если потребуется — в чуинг-зет. Ты можешь верить в нечто, насчитывающее двадцать один век. Я же предпочитаю что-нибудь новенькое. Вот так».

— Откровенно говоря, — сказала Энн, — я намерена попытаться склонить как можно больше колонистов, употребляющих кэн-ди, к нашим традиционным христианским обрядам. Вот главная причина, почему я не представила комиссии бумаги, которые освободили бы меня от службы.

Она слегка улыбнулась ему, и он невольно ощутил приятное тепло.

— Это нехорошо? Скажу честно: я думаю, что употребление кэн-ди для этих людей — стремление вернуться к тому, что мы, Новоамериканская церковь…

— Думаю, — мягко сказал Барни, — что вам следует оставить их в покое.

«И меня тоже, — подумал он. — У меня и без того проблем хватает. Только религиозного фанатизма еще и недоставало».

Однако девушка не выглядела так, как он представлял себе религиозную фанатичку, и говорила иначе. Барни был удивлен. Где она набралась столь твердых убеждений? Он мог представить себе, что они распространены в колониях, но она приобрела их на Земле.

Таким образом, существование кэн-ди, опыт групповых перемещений не могли объяснить этого в полной мере.

«Может быть, — подумал он, — может быть, это постепенное превращение Земли в адскую сожженную пустыню, превращение, которое каждый из них мог предвидеть, — черт побери, даже пережить! — было тому причиной. Оно пробудило надежду на новую жизнь в других условиях.

Я, — думал он, — личность, которой я был, Барни Майерсон с Земли, который работал в «Наборах П. П.» и жил в приличном доме с невероятно низким номером тридцать три… Эта личность мертва, для нее все кончено, как будто ее стерли губкой с доски.

Нравится мне это или нет, но я снова родился».

— Жизнь колониста на Марсе, — сказал он, — не будет такой, как жизнь на Земле. Может быть, когда я уже буду там…

Барни замолчал. Он хотел сказать: «Может быть, тогда меня больше заинтересуют догматы твоей церкви». Однако пока он не мог этого высказать, даже в качестве предположения. Он внутренне сопротивлялся тому, что было чуждо его нынешним убеждениям. И все-таки…

— Продолжайте, — сказала Энн Хоуторн. — Закончите свою мысль.

— Мы поговорим об этом, — сказал Барни, —

когда я уже немного поживу в бараке на чужой планете. Когда я начну новую жизнь — если это можно назвать жизнью — в качестве колониста.

В голосе его звучала горечь.

— Хорошо, — спокойно сказала Энн. — Я буду рада.

Потом они молча сидели рядом. Барни читал газету, а Энн Хоуторн, фанатичка и будущий миссионер на Марсе, читала книгу. Барни бросил взгляд на обложку и обнаружил, что это работа Эрика Ледерманна о жизни в колониях, «Странник без дороги». Одному богу было известно, где ей удалось ее достать. Книга была запрещена ООН, и раздобыть ее было невероятно трудно. И читать ее здесь, на борту корабля ООН, было проявлением необычайной смелости. Барни начал испытывать к девушке определенное уважение.

Поглядывая на нее, он обнаружил, что она весьма привлекательна, хотя и несколько худа, без косметики, а ее густые темные волосы почти полностью скрывались под круглой белой шапочкой. Он пришел к выводу, что она выглядит так, как будто собралась в долгое путешествие, которое должно закончиться в церкви. Во всяком случае, ему понравилась ее манера речи, ее сочувственный, приятный голос. Может быть, они

еще встретятся на Марсе?

Он почувствовал, что хочет этого. Честно говоря — было ли в этом что-то нехорошее? — он даже надеялся, что когда-нибудь они вместе будут участвовать в церемонии приема кэн-ди.

«Да, — подумал он, — это нехорошо, поскольку я знаю, чего хочу, знаю, что означало бы для меня — переместиться вместе с ней».

Тем не менее он надеялся, что так оно и будет.

Глава 8

Протянув руку, Норм Шайн дружески сказал:

— Привет, Майерсон. Мне поручено официально приветствовать вас от имени нашего барака. Добро пожаловать… гм… на Марс.

— Меня зовут Фрэн Шайн, — сказала его жена, тоже обмениваясь рукопожатием с Барни. — У нас тут весьма приличный, прочный барак. Надеюсь, он не покажется вам чересчур ужасным. — И добавила как бы про себя: — Не хуже и не лучше других.

Она улыбнулась, но Майерсон не ответил ей тем же: он выглядел мрачным, уставшим и подавленным, как большинство колонистов, начинавших жизнь, которая, как они знали, была трудна и по существу бессмысленна.

— Не ждите, что мы начнем тут все расхваливать, — сообщила она. — Это работа ООН. Мы здесь только жертвы, так же как и вы. Только в отличие от вас мы уже прожили здесь какое-то время.

— Не изображай все в столь мрачных тонах, — предостерегающе сказал Норм.

— Но ведь это действительно так, — запротестовала Фрэн. — Мистер Майерсон видит все своими глазами и ни в какие сказочки не поверит. Правда, мистер Майерсон?

— Может быть, некоторые иллюзии мне бы сейчас не помешали, — сказал Барни, присаживаясь на металлическую скамейку у входа в барак. Пескоход, который привез его, тем временем выгружал его вещи, он безразлично смотрел на него.

— Извините, — сказала Фрэн.

— Можно закурить? — Барни достал пачку земных сигарет.

Шайны с вожделением уставились на нее, и он с чувством вины предложил им по сигарете.

— Вы прибыли в непростое время, — пояснил Норм Шайн. — У нас как раз шли дебаты. — Он посмотрел на остальных. — Поскольку вы уже житель барака, я не вижу причин, почему бы и вам не принять в них участие, в конце концов, вас это тоже касается.

— Может быть, он… — начал Тод Моррис, — ну, ты знаешь. Проболтается.

— Мы можем потребовать, чтобы он поклялся хранить тайну, — сказал Сэм Риган, а его жена Мэри кивнула. — Наша дискуссия, мистер Гей-

ерсон…

— Майерсон, — поправил Барни.

— …касается наркотика кэн-ди, нашего старого, проверенного перемещающего средства, и его качеств в сравнении с новым, еще не опробованным средством — чуинг-зет. Мы обсуждаем, отказаться ли от кэн-ди раз и навсегда…

— Подожди, пока мы не спустимся вниз, — сказал Норм Шайн, нахмурившись.

Присев на скамейку рядом с Барни Майерсоном, Тод Моррис сказал:

— Кэн-ди пришел капут, его слишком трудно достать, он слишком дорого стоит, и я лично устал от Подружки Пэт: она слишком искусственна, слишком поверхностна и материалистатична… о, извините, это наше слово, которое означает… — Он пытался найти подходящее объяснение. — Ну, эти апартаменты, автомобили, солнечные ванны на пляже, сверхмодная одежда… какое-то время нам это доставляло удовольствие, но этого как-то нематериалистатически мало. Вы понимаете, Майерсон?

— Майерсон об этом пока понятия не имеет, — сказал Норм Шайн. — Он еще всего этого не наелся. Может быть, он захочет через это пройти.

— Так же, как и мы, — согласилась Фрэн. — Во всяком случае, мы еще не голосовали, мы еще не решили, что мы будем теперь покупать и употреблять. Думаю, что мы должны дать мистеру Майерсону возможность попробовать и то и другое. А может быть, вы уже пробовали, мистер Майерсон?

— Пробовал, — сказал Барни, — но очень давно. Слишком давно, чтобы хорошо об этом помнить.

Наркотик ему дал Лео, пообещав дать больше, сколько захочется. Однако Барни отказался — ему не понравилось.

— Боюсь, что мы встречаем вас не слишком приветливо, — сказал Норм Шайн, — впутывая вас в наши споры. Однако у нас кончились запасы кэн-ди, и нам нужно либо возобновить их, либо перейти на чуинг-зет. Естественно, Импи Уайт, которая снабжает нас кэн-ди, убеждает нас, чтобы мы снова воспользовались ее услугами… до вечера мы должны что-то решить. То, что мы решим, касается всех нас… всей нашей жизни.

— Так что можете быть довольны, что не прилетели завтра, — сказала Фрэн. — После голосования.

Она ободряюще улыбнулась ему, стараясь, чтобы он почувствовал себя как дома; они ничего не

могли предложить ему, кроме взаимной привязанности, дружеских отношений, которые теперь распространялись и на него.

«Ну и местечко, — думал Барни Майерсон. — На всю жизнь…»

Это казалось невозможным, но это была правда. Уставы ООН не предусматривали возможности увольнения со службы. И с этим фактом непросто было смириться. Люди здесь составляли коллектив, к которому он должен был принадлежать… и он знал, что могло быть и хуже. Две женщины были весьма привлекательны, и ему казалось, что они проявляли к нему, так сказать, интерес; он ощущал всю сложность взаимоотношений, которые сложились в перенаселенном, тесном бараке. Однако…

— Выбраться отсюда, — тихо сказала Мэри, присаживаясь на скамейку рядом с Тодом Моррисом, — можно только благодаря одному или другому наркотику. Других возможностей, как видите, — она положила руку ему на плечо, первый физический контакт, — просто нет. Мы просто поубивали бы друг друга с тоски.

— Да, — сказал он. — Понимаю.

Однако он знал об этом уже задолго до того, как оказался на Марсе; как каждый землянин, он

достаточно много слышал о жизни в колониях, о борьбе с искушением сразу же покончить с этим.

Ничего удивительного, что все искали любой возможности уклониться от призыва, как и он сам когда-то. Это была борьба за жизнь.

— Вечером, — сказала Мэри Риган, — мы получим один из этих двух наркотиков, Импи будет здесь около семи часов по времени Файнберг-Кресчент. До этого времени мы должны принять решение.

— Думаю, что мы можем уже голосовать, — сказал Норм Шайн. — Я вижу, что мистер Майерсон, хотя он только что приехал, уже готов. Я прав, мистер Майерсон?

— Да, — ответил Барни.

Пескоход заканчивал выгружать его вещи; они были свалены в беспорядке, и их уже начало заносить песком; если их быстро не унести вниз, они вскоре исчезнут под слоем пыли. Черт побери, подумал он, может быть, это и хорошо. Связи с прошлым…

Другие жители барака пришли ему на помощь, передавая друг другу чемоданы и складывая их на транспортер, который спускал багаж вниз. Даже если Барни не был заинтересован в сохранении своих вещей, в этом были заинтересованы они;

опыта у них было значительно больше.

— Вам придется научиться жить здесь одним днем, — сочувственно сказал Сэм Риган. — Никогда ничего не планируйте. Самое большее — до обеда или до вечера; небольшие промежутки времени, небольшие обязанности, небольшие развлечения. Бегство от действительности.

Отбросив сигарету, Барни взялся за ручку самого тяжелого чемодана.

— Спасибо.

Это был ценный совет.

— Извините, — вежливо сказал Сэм Риган и поднял окурок, чтобы выкурить его до конца.

Собравшись в комнате, достаточно большой, чтобы поместить всех, обитатели барака, вместе с Барни Майерсоном, готовились к голосованию. По файнберг-кресчентскому времени было шесть часов. Совместный — в соответствии с обычаем — ужин только что закончился, машина мыла и сушила посуду. Барни казалось, что всем уже нечем заняться; на него давил груз свободного времени.

Пересчитав голоса, Норм Шайн объявил:

— Четверо за чуинг-зет, трое за кэн-ди. Итак, решено. Хорошо, кто возьмет на себя задачу передать эту информацию Импи Уайт? — Он оглядел

собравшихся. — Она будет недовольна, мы должны быть к этому готовы.

— Я передам, — сказал Барни.

Три супружеские пары изумленно уставились на него.

— Ведь ты ее даже не знаешь, — запротестовала Фрэн Шайн.

— Я скажу, что это моя вина, — сказал Барни, — что это я проголосовал в пользу чуинг-зет.

Он знал, что ему разрешат: задача была неблагодарная.

Полчаса спустя он ждал в темноте у входа в барак, куря сигарету и вслушиваясь в таинственные звуки марсианской ночи.

Вдали по небу пролетел какой-то светящийся объект, на момент заслонив звезды. Мгновение спустя он услышал шум тормозных двигателей.

«Уже скоро», — подумал он.

Он стоял, сложив руки на груди, пытаясь расслабиться и мысленно повторяя то, что собирался сказать.

Наконец перед ним появилась коренастая женщина, одетая в тяжелый комбинезон.

— Шайн? Моррис? Значит, Риган? — Она, прищурившись, разглядывала его, пользуясь инфракрасным фонарем. — Я тебя не знаю!

Она остановилась на безопасном расстоянии.

— У меня лазерный пистолет, — предупредила она, целясь в Барни. — Говори, что тебе надо.

— Отойдем подальше, чтобы нас не слышали в бараке, — сказал Барни.

Импэйшенс Уайт пошла за ним, продолжая держать его под дулом пистолета. Она взяла у него идентификационную карточку и прочитала ее с помощью фонаря.

— Ты работал у Булеро, — сказала она, внимательно разглядывая его. — Ну?

— Ну, — сказал он, — жители барака Чикен-Покс переходят на чуинг-зет.

— Почему?

— Просто прими это к сведению и больше здесь не торгуй. Ты можешь согласовать этот вопрос с Лео в «Наборах П. П.». Или с Коннером Фриманом на Венере.

— Я так и сделаю, — сказала Импэйшенс. — Чуинг-зет — это дерьмо, он вызывает привыкание, токсичен, а что хуже всего, вызывает жуткие галлюцинации не о Земле, а… — Она пошевелила рукой с пистолетом. — Гротескные, извращенные кошмары, доводящие до безумия. Объясни, почему вы так решили.

Он ничего не сказал, только пожал плечами.

Однако его заинтересовала и позабавила ее преданность кэн-ди. Он подумал, что ее фанатизм в корне отличается от фанатизма той девушки-миссионера на борту корабля Земля — Марс. Видимо, характер убеждений не оказывает влияния на их глубину, он никогда раньше не отдавал себе в этом отчета.

— Увидимся завтра в это же время, — решила Импи Уайт. — Если ты говоришь правду — прекрасно. Но если нет…

— А если нет, то что? — медленно, со значением спросил он. — Заставишь нас потреблять твой продукт? В конце концов, он запрещен, мы можем попросить защиты у ООН.

— Ты здесь новичок, — грозно нахмурилась она. — ООН прекрасно отдает себе отчет в размерах торговли кэн-ди в этом регионе, я регулярно плачу им, чтобы они мне не мешали. А что касается чуинг-зет… — Она снова сделала жест пистолетом. — Если ООН собирается их защищать и они перехватят наш рынок…

— Тогда ты перейдешь к ним, — сказал Барни.

Она не ответила, повернулась и ушла. Ее невысокая фигура почти сразу же растворилась в марсианской ночи. Барни остался там, где стоял; потом он вернулся в барак, ориентируясь по

огромному силуэту стоявшей неподалеку похожей на трактор машины, которой явно давно не пользовались.

— Ну? — спросил Норм Шайн, который, к его удивлению, ждал у входа. — Я пришел посмотреть, сколько дырок она проделала в вашем черепе.

— Она отнеслась к этому философски.

— Импи Уайт? — засмеялся Норм Шайн. — Она проворачивает дела на миллионы скинов. «Философски», мать ее… Что на самом деле произошло?

— Она вернется, когда получит инструкции сверху, — сказал Барни и начал спускаться вниз.

— Да, это звучит разумно, она только мелкая рыбешка. Лео Булеро, на Земле…

— Знаю, — перебил его Барни. Он не видел причин скрывать свое прежнее занятие, он и так был хорошо известен, так что колонисты рано или поздно все равно бы об этом узнали. — Я был его консультантом-прогностиком в Нью-Йорке.

— И вы голосовали за переход на чуинг-зет? — недоверчиво спросил Норм Шайн. — Вы что, поссорились с Булеро?

— Когда-нибудь я вам расскажу.

Он дошел до конца трапа и вошел в помещение,

где его ждали остальные.

— По крайней мере, она не поджарила вас своим лазерным пистолетиком, которым постоянно размахивает, — с облегчением сказала Фрэн Шайн. — Видимо, вы произвели на нее хорошее впечатление.

— Мы избавились от нее? — спросил Тод Моррис.

— Узнаем завтра вечером, — сказал Барни.

— Мы считаем, что вы очень смелый, — сказала Мэри Риган. — Вы будете хорошим приобретением для нашего барака, мистер Майерсон. Я хотела сказать — Барни. Образно выражаясь, ты будешь живительным ветерком в нашей затхлой атмосфере.

— Ну-ну, — засмеялась Хелен Моррис, — не слишком ли мы стремимся произвести впечатление на нашего нового гражданина?

— Я вовсе не собираюсь производить на него впечатление, — покраснев, сказала Мэри Риган.

— Ну, значит, польстить ему, — мягко сказала Фрэн Шайн.

— Ты тоже, — со злостью сказала Мэри. — Ты первая набросилась на него, как только он здесь появился; во всяком случае, тебе этого очень хотелось, и ты бы так и сделала, если бы нас здесь

не было. Особенно если бы здесь не было твоего мужа.

Чтобы сменить тему разговора, Норм Шайн сказал:

— Жаль, что мы не можем сегодня переместиться, воспользовавшись в последний раз набором старой доброй Подружки Пэт. Барни это могло бы понравиться. По крайней мере, он знал бы, против чего голосовал.

Он окинул их многозначительным взглядом, внимательно вглядываясь в каждого.

— Ну, давайте… наверняка у кого-нибудь из вас есть немного припрятанного кэн-ди, где-нибудь в щели в стене или под резервуаром с водой. Ну, проявите щедрость для нового гражданина, покажите ему, что…

— Ладно! — взорвалась Хелен Моррис, покраснев от злости. — У меня есть немного, хватит на три четверти часа. Однако это все, что у меня есть. А если чуинг-зет не начнут сразу продавать в нашем районе?

— Принеси свой кэн-ди, — сказал Норм и бросил ей вслед: — И не волнуйся: чуинг-зет продавать будут. Сегодня, когда я забирал мешок соли из последней посылки ООН, я встретил торговца. Он дал мне эту карточку. — Он показал карточ-

ку. — Достаточно будет в полвосьмого вечера выпустить обычную стронциевую ракету, и сюда сразу же прилетят со спутника…

— Со спутника! — раздались изумленные голоса.

— Значит, — возбужденно сказала Фрэн, — у них должна быть санкция ООН. Может быть, у них уже есть наборы и их представители рекламируют их со спутника?

— Не знаю, — признался Норм. — Я хочу сказать, что пока что царит всеобщее замешательство. Подождем, пока пыль осядет.

— Здесь, на Марсе, — глухо сказал Сэм Риган, — пыль никогда не оседает.

Они сидели полукругом. Перед ними стоял набор Подружки Пэт, полностью собранный, как бы приглашая. Все чувствовали, как он притягивает их, и Норм Шайн подумал, что это особый случай, поскольку они никогда больше не будут этого делать… если только не воспользуются набором Подружки Пэт, приняв чуинг-зет. Он думал о том, каков был бы результат. Интересно…

У него было странное чувство, что результат оказался бы несколько иным.

И мог бы им не понравиться.

— Понимаешь, — сказал Сэм Риган новому

члену их сообщества Барни Майерсону, — мы собираемся во время перемещения слушать и смотреть новый книжный аниматор Пэт — ну, знаешь, то устройство, недавно привезенное с Земли… Ты наверняка знаком с этим лучше, чем мы, Барни, так что, может быть, сумеешь нам объяснить, как им пользоваться?

Барни послушно начал:

— Вставляешь книгу, например «Моби Дика», в приемный карман. Потом устанавливаешь промежуток времени — длинный или короткий. Потом версия — смешная, или такая же, как в книге, или грустная. Затем устанавливаешь указатель на имя великого художника, в стиле которого хочешь оживить книгу. Дали, Бэкон, Пикассо… среднего класса аниматор обладает возможностями от комикса до нескольких известных художников; ты выбираешь их, когда покупаешь устройство. Можно расширять возможности аниматора и в дальнейшем.

— Невероятно, — сказал Норм Шайн, горя энтузиазмом. — Значит, можно устроить себе развлечение на целый вечер, например грустную версию «Ярмарки тщеславия» в стиле Джека Райта. Ух!

Мечтательно вздохнув, Фрэн сказала:

— Твоя душа все еще хранит память о Земле, где ты жил еще так недавно, Барни. Ты все еще живешь этими воспоминаниями.

— Черт возьми, мы все почувствуем то же самое, — сказал Норм Шайн, — когда переместимся.

Он нетерпеливо потянулся к скудной порции кэн-ди.

— Начинаем, — сказал он и, взяв свой кусочек, начал его энергично жевать. — Книгой, которую я собираюсь оживить в виде полнометражной смешной рисованной версии в стиле Де Кирико, будет… — он задумался, — гм… «Наедине с собой» Марка Аврелия.

— Очень мудро, — отрезала Хелен Моррис. — Я собиралась предложить «Исповедь» святого Августина в стиле Лихтенштейна… естественно, в смешной версии.

— Я говорю серьезно! Представь себе: сюрреалистический пейзаж, покинутые разрушенные здания с дорическими колоннами, лежащими на земле, пустые черепа…

— Давайте лучше начнем жевать, — посоветовала Фрэн, беря свой кусочек, — чтобы все переместились одновременно.

Барни взял свою порцию.

«Все, конец, — подумал он, — в этом бараке жуют кэн-ди в последний раз, а что потом? Если Лео прав, то потом будет нечто намного худшее, просто несравнимо худшее, чем кэн-ди. Конечно, Лео скорее лицо заинтересованное. Но он прошел курс э-терапии. И он умный.

Миниатюрные предметы, которые я когда-то утвердил, — понял Барни. — Сейчас я окажусь в мире, состоящем из продукции «Наборов П. П.», и уменьшусь до их размеров. И в отличие от остальных колонистов я смогу сравнить свои впечатления с тем, что только что оставил позади. А скоро, — понял он, — мне придется проделать то же и с чуинг-зет».

— Ты обнаружишь, что это удивительное ощущение, — сказал ему Норм Шайн, — оказаться в чужом теле вместе с еще троими; мы все должны договориться, что мы собираемся делать, во всяком случае, решить большинством голосов, иначе тело даже не пошевелится.

— Это бывает, — сказал Тод Моррис. — Честно говоря, довольно часто.

Один за другим остальные начали жевать свои порции кэн-ди, Барни Майерсон — последним и с некоторой неохотой.

«А, к черту», — вдруг подумал он и, отойдя в

угол, выплюнул непрожеванный кэн-ди в раковину.

Остальные, сидя вокруг набора Подружки Пэт, уже впали в транс, и никто не обращал на него внимания. Он вдруг оказался один. На какое-то время барак принадлежал ему.

Он бродил по комнате, вслушиваясь в тишину.

«Я просто не в состоянии этого сделать, — понял он. — Я не могу принять эту дрянь, как они. По крайней мере пока».

Внезапно раздался звонок.

Кто-то стоял перед входом в барак, спрашивая разрешения войти; решение оставалось за Барни. Он двинулся наверх, надеясь, что поступает правильно, что это не одна из периодических проверок ООН; в этом случае он не в силах был бы помешать им обнаружить, в каком состоянии находятся остальные обитатели барака, и застичь на месте преступления употребляющих кэн-ди.

У входа, с фонарем в руке, стояла молодая женщина в толстом теплоизолирующем комбинезоне, к которому она явно не привыкла. У нее был крайне смущенный вид.

— Привет, мистер Майерсон, — сказала она. — Вы меня помните? Я выследила вас, потому что я просто чувствую себя ужасно одиноко. Можно

войти?

Это была Энн Хоуторн. Он удивленно посмотрел на нее.

— Или вы заняты? Я могу зайти в другой раз.

Она повернулась, собираясь уходить.

— Я вижу, — сказал он, — что Марс поверг тебя в шок.

— Я знаю, что это грех, — ответила Энн, — но я действительно уже его ненавижу. Я знаю, что должна научиться терпеливо переносить невзгоды и так далее, но… — Она окинула лучом фонаря песок вокруг барака и дрожащим, отчаянным голосом сказала: — Сейчас я хочу только одного: найти какой-нибудь способ вернуться обратно на Землю, я не хочу никого обращать в свою веру и не хочу ничего изменять. Я просто хочу выбраться отсюда. — И угрюмо добавила: — Однако я знаю, что это невозможно. Поэтому я просто решила зайти к вам в гости. Понимаете?

Взяв ее за руку, он помог ей спуститься по трапу вниз, в комнату, которую ему выделили.

— Где остальные? — Она огляделась вокруг.

— Отсутствуют.

— Ушли? — Она приоткрыла дверь и увидела лежащих вокруг набора. — Ах вот как. А вы к ним не присоединились. — Она закрыла дверь и

растерянно наморщила лоб. — Вы меня удивляете. Я себя чувствую так, что охотно приняла бы немного кэн-ди. А вы так хорошо это переносите по сравнению со мной. Я такая… неприспособленная.

— Может быть, у меня более определенная цель, чем у вас, — сказал Барни.

— У меня тоже вполне определенные цели. — Энн сняла неудобный комбинезон и села, пока он готовил кофе для обоих. — В моем бараке — это в миле к северу отсюда — люди тоже отсутствуют, точно таким же образом. Вы знали, что я так близко? Вы искали бы меня?

— Наверняка.

Он нашел пластиковые, отвратительно разрисованные чашки и блюдца, поставил их на складной столик и придвинул стулья, тоже складные.

— Может быть, — сказал он, — власть Бога не простирается до Марса. Может быть, когда мы покинули Землю…

— Чепуха, — резко сказала Энн, приподнимаясь со стула.

— Я думал, мне удастся вас таким образом разозлить.

— Конечно. Он есть везде. Даже здесь.

Она бросила взгляд на его частично распакованные вещи, на чемоданы и запечатанные коробки.

— Вы не слишком много с собой взяли.

— Большая часть моего багажа еще в пути, он прилетит на автоматическом грузовике.

Она подошла к стопке книг и начала изучать заглавия.

— «О подражании Христу», — с удивлением прочитала она. — Вы читаете Фому Кемпийского? Это великая и прекрасная книга.

— Я купил ее, — ответил он, — но так и не прочитал.

— А вы пробовали? Могу поспорить, что нет.

Она открыла книгу на первой попавшейся странице и начала читать:

— «Знай, что даже самое малое дарованное Им велико; а самое худшее принимай как особенный дар и знак любви Его». Это могло бы относиться к нашей жизни здесь, на Марсе, правда? Эта убогая жизнь, замкнутая в этих… бараках. Хорошее название. Почему, бога ради… — Она повернулась, умоляюще глядя на него. — Почему не может быть какого-то определенного срока, после которого можно вернуться домой?

— Колония, по определению, — ответил Бар-

ни, — должна быть чем-то постоянным. Представьте себе остров Роанок.

— Да, — кивнула Энн. — Я об этом думала. Я бы хотела, чтобы Марс был одним большим островом Роанок и все могли вернуться домой.

— Чтобы поджариться на медленном огне.

— Мы можем эволюционировать, как это делают богачи; можно было бы проделать это в массовом масштабе.

Она решительно отложила книгу.

— Но я не хочу этого, этой хитиновой скорлупы и всего остального. Есть ли какой-нибудь выход? Знаете, неохристиане верят, что они путешественники в чужой стране. Странники. Теперь мы действительно странники, Земля перестает быть нашей естественной средой обитания, а этот мир наверняка никогда ею не станет. Мы остались без родины! — Она посмотрела на него, ее ноздри расширились. — У нас нет дома!

— Ну, — неуверенно сказал он, — всегда остаются кэн-ди и чуинг-зет.

— У вас есть немного?

— Нет.

Она кивнула:

— Значит, вернемся к Фоме Кемпийскому.

Однако она не взяла книгу и стояла опустив

голову, погруженная в мрачные мысли.

— Я знаю, что будет дальше, мистер Майерсон… Барни. Мне не удастся никого обратить в неохристианство, вместо этого они обратят меня в веру в кэн-ди и чуинг-зет и тому подобное, что будет здесь в моде, лишь бы оно давало возможность бегства от действительности. Как секс. Здесь, на Марсе, очень свободные взаимоотношения, знаешь? Все спят со всеми. Я попробую даже это, собственно говоря, я готова на это уже сейчас… Я просто не могу всего этого вынести. Ты видел, как выглядят здешние окрестности?

— Да.

Однако это не произвело на него столь удручающего впечатления, даже вид запущенных огородов, заброшенного оборудования и больших куч гниющих отбросов. Из учебных фильмов он знал, что окраинные районы всегда так выглядят, даже на Земле; до недавнего времени Аляска выглядела так же, а Антарктида, за исключением курортов, выглядит так до сих пор.

— Эти колонисты в той комнате, со своим набором, — сказала Энн Хоуторн. — А если бы мы забрали у них сейчас Подружку Пэт и разбили ее на кусочки? Что бы с ними стало?

— Продолжали бы смотреть свой сон.

После погружения в сон необходимости в наборе уже не было.

— Почему тебе вдруг этого захотелось?

Он был удивлен: в этой идее был явный привкус садизма, а до сих пор девушка казалась неспособной на жестокие поступки.

— Склонность к разрушению, — сказала Энн. — У меня есть желание уничтожить их идолов — Подружку Пэт и Уолта. Мне хочется это сделать, потому что… — Она на мгновение замолчала. — Я им завидую. С моей стороны это не религиозная страсть, а просто обычная, низменная жестокость. Я знаю. Если я не могу к ним присоединиться…

— Можешь. И присоединишься. И я тоже. Однако не сразу.

Он подал ей чашку кофе, она задумчиво взяла ее. Без тяжелого комбинезона она казалась необычно худой. Барни заметил, что они с ней одного роста, на каблуках она могла быть даже выше. У нее был странный нос. Слегка округлый, он тем не менее не выглядел смешно, но как-то наводил на мысли о Земле, об англосаксонских и норманнских крестьянах, обрабатывающих свои маленькие поля.

Ничего удивительного, что ей так не понравилось на Марсе, ее предки, несомненно, любили

старушку Землю, ее вкус и запах, а больше всего — память о минувшем, о созданиях, которые населяли ее и умерли, чтобы обратиться — не в прах, но в плодородную почву. Ну что ж, может быть, ей удастся возделать здесь огород, может быть, ей удастся собрать урожай там, где другим колонистам это не удалось. Странно, что она была столь подавлена. Или вновь прибывшие всегда вели себя так? Он как-то не испытывал сожаления. Может быть, где-то в глубине души он был убежден, что ему удастся вернуться на Землю. В таком случае это он был душевно болен, а не Энн.

— У меня есть немного кэн-ди, Барни, — вдруг сказала Энн. Она полезла в карман парусиновых рабочих брюк и достала маленький пакетик. — Я купила это недавно в своем бараке. Флэкс Блэк Спит, так он называется. Колонист, который мне это продал, знал, что в сравнении с чуинг-зет оно не представляет ценности, поэтому взял недорого. Я пробовала им воспользоваться… даже положила в рот. Но в конце концов, так же как и ты, не смогла. Разве убогая действительность не лучше самой интересной иллюзии? А может быть, это и есть иллюзия, Барни? Я ничего не знаю о философии, объясни мне это, потому что

все, что я знаю, основывается на моих религиозных убеждениях, а это не помогает мне понять их. Эти наркотики.

Она развернула пакетик, пальцы ее дрожали.

— Я не могу больше, Барни.

— Подожди, — сказал он, отставляя чашку и направляясь к ней. Однако было уже поздно: она уже приняла кэн-ди. — Мне ничего не оставила? — весело спросил он. — Ты пропустишь самое интересное: у тебя не будет компании во время перемещения.

Взяв ее за руку, он вывел Энн из комнаты и поспешно провел по коридору в помещение, где лежали остальные; усаживая ее возле набора, он сочувственно сказал:

— Так у тебя будут общие с ними переживания, а насколько я знаю, это очень помогает.

— Спасибо, — сонно сказала она.

Она закрыла глаза, и тело ее постепенно обмякло.

Барни понял, что она уже стала Подружкой Пэт — в мире без проблем.

Он наклонился и поцеловал ее в губы.

— Я все еще в сознании, — пробормотала она.

— Ты все равно не будешь этого помнить, — сказал он.

— О нет, буду, — слабым голосом сказала Энн Хоуторн. Потом он почувствовал, как она отдаляется.

Он остался один с семью телами и сразу же вернулся в свою комнату, где дымились две чашки кофе.

«Я мог бы влюбиться в эту девушку, — подумал он. — Не так, как в Рони Фьюгейт или даже как в Эмили, но совсем иначе. Иначе? Лучше? Или это просто от отчаяния? Так же, как сейчас Энн приняла кэн-ди, проглотила его единым духом, поскольку для нее не осталось ничего иного, кроме тьмы. Это — или бездна. И не на день или неделю — на века. Так что придется мне полюбить эту девушку».

Он сидел один среди не до конца распакованных вещей, пил кофе и размышлял, пока наконец в соседней комнате не послышались стоны и шорохи. Его товарищи по бараку приходили в себя. Он поставил чашку и пошел к ним.

— Почему ты отказался, Майерсон? — спросил Норм Шайн, потирая лоб и морщась. — Боже, как у меня болит голова!

Внезапно он заметил Энн Хоуторн; все еще без сознания, она лежала опершись спиной о стену и опустив голову на грудь.

— Кто это?

— Она присоединилась к нам под конец, — сказала Фрэн, неуверенно поднимаясь с пола. — Это приятельница Майерсона, они познакомились во время полета. Она очень мила, только у нее пунктик на почве религии, сами увидите.

Она смерила Энн критическим взглядом:

— Вполне симпатичная. Мне очень было интересно, как она выглядит. Я представляла себе ее несколько более… гм… серьезной.

Подходя к Барни, Сэм Риган сказал:

— Уговори ее, чтобы она жила с тобой, Майерсон; мы охотно проголосуем за то, чтобы принять ее в наш барак. У нас много места, а тебе нужна — скажем так — жена.

Сэм тоже посмотрел на Энн.

— Да-а, — сказал он. — Красивая. Длинные черные волосы. Мне такие нравятся.

— О да, — ехидно сказала Мэри Риган.

— Да, ну и что? — Сэм Риган сердито взглянул на нее.

— Я сделал ей предложение, — сказал Барни.

Все с любопытством посмотрели на него.

— Странно, — сказала Хелен Моррис, — когда мы только что были все вместе, она нам ничего об этом не сказала, и, судя по тому, что мы знаем,

вы встретились только…

Фрэн Шайн, перебив ее, сказала Барни:

— Ты же не хочешь жить с чокнутой неохристианкой? У нас есть печальный опыт: в прошлом году мы выставили отсюда одну такую пару. Здесь, на Марсе, они могут доставить множество хлопот. Помни, что у нас были общие мысли… она рьяно исповедует какую-то религию, со всеми обрядами и ритуалами, устаревшими идеями, она в это действительно верит.

— Я знаю, — процедил Барни.

— Это правда, Майерсон, я тебе говорю, — спокойно сказал Тод Моррис. — Мы живем здесь слишком близко друг к другу, чтобы еще ввозить какой бы то ни было фанатизм с Земли. Это случалось в других бараках, мы знаем, что говорим. Мы должны руководствоваться принципом «живи и дай жить другим», без абсолютистских догматов и убеждений — барак для этого слишком мал.

Он закурил и посмотрел на Энн:

— Странно, что такая красивая девушка исповедует такие взгляды. Ну что ж, это может случиться с каждым.

Он был, казалось, озадачен.

— Она была довольна? — спросил Барни у Хелен Моррис.

— Да, до некоторой степени. Конечно, сначала она расстроилась… в первый раз это естественно; она не знала, как совместно пользоваться телом. Однако она очень хотела научиться. Теперь все осталось ей одной, так что наверняка ей легче. Она еще наберется опыта.

Наклонившись, Барни Майерсон поднял куклу, Подружку Пэт в желтых шортах, майке в бело-красную полоску и сандалиях. Сейчас это Энн Хоуторн, подумал он. В некотором смысле, которого никто не понимает. Однако он мог уничтожить эту куклу, раздавить ее, а Энн — в своем воображаемом мире — никак бы не пострадала.

— Я хотел бы на ней жениться, — вдруг сказал он вслух.

— На ком? — спросил Тод. — На Подружке Пэт или на этой новенькой?

— Похоже, он имеет в виду Подружку Пэт, — язвительно сказал Норм Шайн.

— Наверняка нет, — отрезала Хелен. — И я думаю, что это хорошо: у нас было бы четыре пары вместо трех и одного одинокого холостого мужчины.

— Здесь можно напиться? — спросил Барни.

— Конечно, — сказал Норм. — У нас есть что пить; правда, это только эрзац-джин, но зато

сорокаградусный, тебе наверняка хватит.

— Дайте мне немного, — сказал Барни, доставая бумажник.

— Это бесплатно. Корабли ООН сбрасывают его нам цистернами.

Норм подошел к закрытому шкафчику, достал ключ и открыл его.

— Скажи нам, Майерсон, — спросил Сэм Риган, — почему ты хочешь напиться? Из-за нас? Из-за барака? Из-за Марса?

— Нет.

Дело было не в этом, дело было в Энн и распаде ее личности, в том, что она сразу же приняла кэнди, не в силах примириться с тем, что она сдалась. Это было предзнаменование, которое относилось и к нему, — он видел на ее месте самого себя.

Если ему удастся ей помочь, может быть, ему удастся помочь и себе. А если нет…

У него было предчувствие, что если нет, то для обоих будет все кончено. Марс, как для него, так и для Энн, будет означать смерть. И наверняка скорую.

Глава 9

Вернувшись из мира Подружки Пэт к действительности, Энн Хоуторн была молчалива и подавлена. Это был плохой признак: Барни догадывался, что у нее те же предчувствия, что и у него. Однако она ничего не говорила, она просто пошла в его комнату за своим комбинезоном.

— Мне нужно возвращаться в Флэкс Блэк Спит, — объяснила она. — Спасибо, что позволили мне воспользоваться вашим набором, — сказала она колонистам, которые стояли вокруг, глядя, как она одевается. — Извини, Барни, — сказала она, опустив голову. — Это было некрасиво — оставить тебя одного, так, как это сделала я.

Он проводил ее до ее барака; они шли по песчаной равнине сквозь черноту ночи, не говоря ни слова и внимательно осматриваясь по сторонам, опасаясь местного хищника, о котором им рассказали, — похожего на шакала марсианского зверя, обладающего телепатическими способностями. Однако они ничего не заметили.

— Ну и как? — наконец спросил он.

— Ты имеешь в виду — каково ощущать себя

бесстыжей кукольной блондинкой со всеми ее проклятыми тряпками, парнем, автомобилем и… — Она вздрогнула. — Ужасно. Нет, не то. Просто… бессмысленно. Ничего я там не нашла. Как будто я снова стала подростком.

— Да-а, — пробормотал он. Вот тебе и Подружка Пэт.

— Барни, — тихо сказала она, — я должна найти что-нибудь другое, и быстро. Ты мог бы мне помочь? Ты мне кажешься умным, зрелым и опытным. Перемещение мне не поможет… Чуинг-зет будет не лучше, во мне что-то сопротивляется, я не буду его принимать… понимаешь? Да, ты понимаешь, я знаю. Черт возьми, ты ведь даже и в рот этого бы не взял, значит, ты должен меня понять. — Она крепко стиснула его руку и прижалась к нему в темноте. — Я еще кое-что знаю, Барни. Они тоже сыты этим по горло, единственное, чем они занимались, когда они… мы были куклами, — постоянно ссорились. Даже на мгновение это не доставляло им никакого удовольствия.

— О господи, — сказал он.

Светя вокруг фонарем, Энн сказала:

— Это ужасно, я бы предпочла, чтобы было иначе. Мне было больше жаль их, чем… — Она

оборвала фразу и некоторое время шла молча, потом вдруг сказала: — Я изменилась, Барни. Я это чувствую. Я хочу здесь присесть — где бы мы ни были. Ты и я, одни в темноте. А потом — ты знаешь, что потом… Мне не нужно объяснять, правда?

— Нет, — признался он. — Однако дело в том, что потом ты об этом пожалеешь. И я тоже, из-за тебя.

— Может быть, я буду молиться, — сказала Энн. — Это тоже нелегко, надо знать как. Ты молишься не за себя, но за других, мы называем это заступничеством. А тот, кому ты молишься, — это не Бог, который на небесах, где-то там, наверху… это Святой Дух, это нечто совсем другое, это ангел-заступник. Ты читал когда-нибудь святого Павла?

— Что?

— Новый Завет. Например, его Послания к коринфянам или римлянам… ну, ты знаешь. Павел говорит, что наш враг — смерть, это наш последний враг, поэтому, я думаю, и самый главный. Как говорит Павел, все мы отравлены, не только наши души, но и наши тела; они должны умереть, чтобы мы могли вновь возродиться в новых телах — нематериальных, неуничто-

жимых. Понимаешь? Ты знаешь, когда я была недавно Подружкой Пэт… у меня было странное ощущение, что… глупо об этом говорить или в это верить, но…

— Но, — закончил за нее Барни, — тебе показалось, что ты уже предчувствовала, что так будет; ты уже знала, какое это может быть ощущение, — ты сама мне об этом говорила на корабле.

«Многие, — подумал он, — тоже это прекрасно понимали».

— Да, — согласилась Энн, — но я не отдавала себе отчета в том, что… — Она повернулась к нему, в темноте он едва мог различить ее лицо. — Перемещение — это лишь намек, который мы можем получить по эту сторону смерти. Значит, это лишь искушение. Если бы не эта ужасная кукла, эта Подружка Пэт…

— Чуинг-зет, — напомнил Барни.

— Именно об этом я и думаю. Если бы это было так, как говорит святой Павел — что смертный приобретает таким образом бессмертную сущность… Я не смогла бы удержаться, Барни, я должна была бы жевать чуинг-зет. Я не могу ждать до конца жизни… это может означать пятьдесят лет на Марсе, полвека! — Она задрожала. — Зачем мне ждать, если я могу получить

это сейчас?

— Последний человек, с которым я разговаривал на Земле, — сказал Барни, — и который принимал чуинг-зет, сказал, что это было самое страшное, что ему пришлось пережить.

Это ее удивило.

— То есть как?

— Он оказался во власти кого-то или чего-то, что он счел воплощением зла, и это его потрясло. Ему повезло, что он сумел выбраться оттуда, — и он знал это.

— Барни, — сказала она, — почему ты оказался на Марсе? Не говори только, что тебя призвали; вполне можно было пойти к психиатру и…

— Я на Марсе, — сказал он, — потому что я совершил ошибку.

«По твоей терминологии, — подумал он, — это называлось бы грехом. По моей тоже», — решил он.

— Кто-то пострадал из-за тебя? — спросила Энн.

Он пожал плечами.

— И теперь ты здесь на всю жизнь, — сказала она. — Барни, ты не мог бы достать мне чуинг-зет?

— Нет проблем, — ответил он. Он был уверен,

что вскоре встретит кого-нибудь из торговцев Элдрича. Положив руку ей на плечо, он сказал: — Ты столь же легко можешь получить его и сама.

Она прижалась к нему, а он обнял ее, она не сопротивлялась, даже с облегчением вздохнула.

— Барни, я хочу тебе кое-что показать. Листовку, которую дал мне один человек в моем бараке; он сказал, что недавно им сбросили их целую пачку. Те самые, из фирмы «Чуинг-зет».

Она полезла в недра своего комбинезона, некоторое время искала, и наконец он увидел в свете фонаря сложенную бумажку.

— Прочитай. Ты поймешь, почему я столько говорю о чуинг-зет… и почему для меня это такая проблема.

Поднеся бумагу к свету, он прочитал первую строчку. Крупные черные буквы сообщали:

БОГ ОБЕЩАЕТ ВЕЧНУЮ ЖИЗНЬ.
МЫ МОЖЕМ ЕЕ ПРЕДОСТАВИТЬ

— Видишь? — сказала Энн.

— Вижу. — Он даже не стал утруждать себя чтением остального, снова сложил бумажку и отдал ей. У него было тяжело на сердце. — Неплохой лозунг.

— Это правда.

— Это, конечно, не назовешь большой ложью, — сказал Барни, — но это лишь заменитель большой правды.

Он думал — что хуже? Трудно сказать. Лучше всего, если бы Палмер Элдрич упал замертво по причине богохульства, крикливо заявленного в листовке, но на это явно было трудно рассчитывать.

«Зло, воплощенное в каком-то пришельце из системы Проксимы, который предлагает то, о чем мы молились две тысячи лет, — думал он. — А, собственно, почему мы ощущаем, что это зло? Трудно сказать, но это так. Поскольку это может означать пожизненную связь с Элдричем, какую испытал Лео; с этих пор Элдрич постоянно будет с нами, будет проникать в нашу жизнь. А Он, Который хранил нас в прошлом, будет лишь бездеятельно созерцать это.

Всякий раз, когда мы переместимся, — думал он, — мы встретим не Бога, но Палмера Элдрича».

— А если чуинг-зет не оправдает твоих ожиданий… — вслух начал он.

— Не говори так.

— Если не оправдает твоих ожиданий Палмер Элдрич, то, может быть… — Он замолчал. Они

приближались к бараку Флэкс Блэк Спит, среди марсианской ночи слабо светился фонарь над входом. — Ты уже дома.

Ему не хотелось отпускать ее; держа руку на ее плече, он прижал девушку к себе, думая о том, что сказал о ней своим товарищам по бараку.

— Давай вернемся вместе, — сказал он, — в Чикен-Покс. Там мы сможем законно пожениться.

Она недоверчиво посмотрела на него и рассмеялась.

— Это означает «нет»? — безжизненным голосом спросил он.

— Что это такое, — спросила она, — этот Чикен-Покс? А, понимаю, это кодовое название вашего барака. Извини, Барни, я не хотела тебя обидеть. Однако ответ, естественно, будет «нет».

Она отодвинулась от него и открыла внешнюю дверь, которая вела во входной тамбур барака. Внезапно она положила фонарь и подошла к нему, протянув руки.

— Полюби меня, — сказала она.

— Не здесь. Слишком близко от входа, — испугался Барни.

— Где хочешь. Забери меня куда хочешь, — говорила она, обнимая его за шею. — Прямо сейчас. Не теряй времени.

Он не стал терять времени.

Взяв ее на руки, он отнес ее подальше от барака.

— О боже, — сказала она, когда он положил ее на песок; потом она тихо застонала, может быть, от холода — ведь теперь их тела не были защищены комбинезонами.

«Один из законов термодинамики, — думал он. — Теплообмен, молекулы, которые переходят от меня к ней и обратно, как это называется… энтропия?»

— Ох, — сказала она в темноте.

— Больно?

— Нет. Извини. Пожалуйста.

Холод сковывал его спину, казалось, его излучало черное небо. Барни, как мог, старался не замечать его, но постоянно думал об одеяле, о толстом шерстяном одеяле… странно — думать об этом в такой момент. Он мечтал о мягком, теплом одеяле — вместо холодного, разреженного воздуха, из-за которого он тяжело дышал, как будто уже кончал.

— Ты что… умираешь? — спросила Энн.

— Мне просто тяжело дышать. Воздух.

— Бедный, бедный… О боже! Я забыла, как тебя зовут.

— Очень приятно, черт побери.
— Барни!
Он крепко прижал ее к себе.
— Нет! Не останавливайся!
Она напряглась. Зубы ее стучали.
— Я и не собирался, — сказал он.
— О-о-ох!
Он рассмеялся.
— Прошу тебя, не смейся надо мной.
— Это не со зла.
Наступила долгая тишина.
— Уф, — наконец сказала Энн.
Она вскочила, как будто под действием некоей силы. У него возникла ассоциация с нервной системой лягушки, возбуждаемой электрическими импульсами. Жертва обстоятельств, не пытающаяся сопротивляться. Его высокая, бледная, обнаженная собственность. Вполне реальная. Давно к этому готовая.
— Все в порядке?
— Да, — сказала она. — Да, Барни. Вне всякого сомнения. Да!

Позже, когда он одиноко брел в свой барак, он подумал: «Может быть, я делаю то, что должен был делать Элдрич. Я ломаю ее, деморализую… как будто ее уже нет. Как будто всех нас уже

нет».

Что-то преградило ему путь.

Барни остановился, нащупывая в кармане оружие, которое ему выдали: кроме грозного шакала-телепата здесь можно было — особенно ночью — встретить и других ядовитых и прожорливых тварей. Он осторожно включил фонарь, ожидая увидеть нечто жуткое и многоногое, наверняка со студенистым телом. Вместо этого он увидел стоящий корабль, маленький, легкий и быстрый. Дюзы все еще дымились, значит, корабль сел недавно и, видимо, садился с выключенными двигателями, поскольку никакого шума Барни не слышал.

Изнутри выбрался человек, включил фонарь, заметил Барни Майерсона и, откашлявшись, сказал:

— Меня зовут Аллен Фейн. Я везде вас ищу. Лео хочет поддерживать с вами связь через меня. Я буду передавать вам зашифрованную информацию во время моих передач, вот вам кодовая книжка. — Он протянул Барни небольшой томик. — Вы знаете, кто я?

— Рекламный агент, — ответил Барни. Ночная встреча посреди марсианской пустыни с человеком со спутника «Наборов П. П.» казалась

ему нереальной. — Спасибо, — сказал он, беря книгу. — И что мне делать — записывать, что вы будете говорить, а потом расшифровывать где-нибудь в углу?

— У вас будет в комнате собственный телевизор, нам удалось это устроить на том основании, что, как новичок на Марсе, вы нуждаетесь…

— Ладно, — кивнул Барни.

— Значит, у вас уже есть девушка, — сказал Фейн. — Прошу извинить, что воспользовался инфракрасным освещением…

— Не извиняю.

— Вы убедитесь, что в таких делах на Марсе трудно сохранить тайну. Это как бы маленький городок, и все колонисты жаждут новостей, особенно скандальных. Я это знаю… в этом заключается моя работа, постоянно передавать… естественно, о многом я не могу говорить. Кто эта девушка?

— Не знаю, — саркастически сказал Барни. — Было темно, я не разглядел.

Он начал обходить корабль, намереваясь уйти.

— Подождите. Вы должны знать еще кое-что. В этом районе уже работает торговец чуинг-зет, и, по нашим расчетам, завтра утром он может появиться в вашем бараке. Будьте к этому готовы.

Позаботьтесь о том, чтобы купить товар в присутствии свидетелей; они должны видеть, как вы совершаете сделку, а также засвидетельствовать, что вы приняли именно этот наркотик. Вы поняли? — спросил Фейн и добавил: — И попробуйте вытянуть из торговца, чтобы он гарантировал вам безвредность препарата, естественно на словах. Постарайтесь, чтобы он навязал вам свою продукцию, ни о чем не просите. Хорошо?

— А что я с этого буду иметь? — спросил Барни.

— Не понял?

— Лео не потрудился объяснить…

— Я скажу вам что, — тихо произнес Фейн. — Мы заберем вас с Марса. Это и будет нашей платой.

Помолчав, Барни сказал:

— В самом деле?

— Естественно, это будет сделано нелегально. Только ООН может законным образом вернуть вас на Землю, а этого не будет. Мы просто однажды ночью заберем вас и отвезем в «Домик Винни-Пуха».

— И мне придется остаться там навсегда.

— Пока хирурги Лео не изменят вашу внешность, отпечатки пальцев, энцефалограмму и прочие индивидуальные черты; тогда вы снова объявитесь, вероятно, в своей бывшей фирме

«Наборы П. П.». Насколько я знаю, вы были их человеком в Нью-Йорке. Года через два, два с половиной вы снова будете там. Так что не теряйте надежды.

— А может быть, мне этого не хочется, — сказал Барни.

— Что? Наверняка хочется. Каждый колонист желает…

— Я подумаю, — сказал Барни, — и дам вам знать. Однако, может быть, мне захочется чего-нибудь другого.

Он думал об Энн. Вернуться на Землю и снова карабкаться в гору, может быть, даже вместе с Рони Фьюгейт… в глубине сознания он чувствовал, что эта перспектива вовсе не столь привлекательна, как этого можно было бы ожидать. Марс, а также близость с Энн Хоуторн изменили его еще в большей степени. Он думал о том, что оказало на него большее влияние.

«И то и другое, — подумал он. — А кроме того, меня, собственно, не призывали, я явился добровольно. И я никогда не должен об этом забывать».

— Мне известны некоторые обстоятельства, Майерсон, — сказал Фейн. — Вы сделали это, чтобы искупить вину.

— И вы тоже? — удивленно сказал Барни. Казалось, склонность к религиозности здесь была весьма распространена.

— Может быть, это вам и не нравится, — сказал Фейн, — но это самое подходящее слово. Послушайте, Майерсон: прежде чем мы заберем вас в «Домик Винни-Пуха», вы успеете искупить свою вину в достаточной степени. Вы еще кое о чем не знаете. Взгляните. — Он не спеша достал из кармана маленькую пластиковую ампулу.

— Что это? — похолодев, спросил Барни.

— Ваша болезнь, — ответил Фейн. — Лео убежден — поскольку так говорят юристы, — что одних ваших показаний в суде о том, что препарат повредил вашему здоровью, будет недостаточно. Они захотят вас обследовать.

— Я хочу точно знать, что это.

— Эпилепсия, Майерсон. Кью-мутация, вызывающая симптомы, происхождения которых никто не в состоянии определить; идут споры о том, связано ли это с нарушением психики или же с органическими повреждениями мозга, которые не обнаруживаются на энцефалограммах.

— А какие проявления?

— Припадки, — сказал Фейн и, помолчав, добавил: — Мне очень жаль.

— Понятно, — пробормотал Барни. — И как долго это продлится?

— Мы можем дать вам противоядие после суда, но не раньше. Самое большее год. Теперь вам должно быть понятно, что я имел в виду, когда говорил, что вы сверх всякой меры искупите свою вину за то, что не помогли в свое время Лео. Заявив, что эта болезнь является побочным эффектом употребления чуинг-зет, мы сможем…

— Конечно, — сказал Барни. — Эпилепсия — это все еще одно из страшных слов. Как когда-то рак. Люди испытывают перед ней иррациональный страх, поскольку знают, что могут заболеть в любой момент, без предупреждения.

— Особенно этой последней кью-мутацией. Черт возьми, еще даже не существует теории, объясняющей ее возникновение. Важно то, что кью-мутация не вызывает органических изменений в мозгу, что означает, что мы сможем вас вылечить. Возьмите, вот ампула. Это токсин с действием, подобным метразолу; подобным, но в отличие от метразола он вызывает периодические припадки и характерное искажение энцефалограммы в перерывах между ними — пока он не будет нейтрализован, как я вам уже говорил.

— Анализ крови этого не обнаружит?

— Он обнаружит присутствие какого-то токсина, а именно это нам и нужно. Поскольку мы представим документы — результаты вашего медицинского и психиатрического обследования, которое вы недавно прошли на призывной комиссии… и соответственно докажем, что, когда вы прибыли на Марс, вы не страдали эпилепсией. И таким образом, Лео — с вашей помощью — сможет утверждать, что присутствие токсина в крови является побочным эффектом употребления чуинг-зет.

— И даже если я проиграю в суде…

— То и в этом случае продажа чуинг-зет будет сильно ограничена. Несмотря ни на что, большинство колонистов мучает страх, что перемещающие наркотики могут при длительном употреблении оказаться вредными для здоровья. Токсин в этой ампуле, — добавил Фейн, — достаточно редкий. Лео раздобыл его по известным ему каналам, думаю, что на Ио. Один врач…

— Вилли Денкмаль, — перебил его Барни.

Фейн пожал плечами:

— Может быть. Во всяком случае, токсин в ваших руках; примите его сразу же, как только попробуете чуинг-зет. Постарайтесь, чтобы пер-

вый припадок случился в присутствии других колонистов, не где-нибудь в пустыне во время мелиорации или полевых работ. Как только припадок пройдет, хватайтесь за видеофон и вызывайте медицинскую помощь ООН. Пусть вас обследуют независимые врачи, не требуйте своего личного доктора.

— Может, было бы неплохо, — сказал Барни, — если бы врачи ООН могли сделать мне энцефалограмму во время припадка.

— Обязательно. Поэтому сразу же попытайтесь попасть в госпиталь ООН, их только три на весь Марс. Вам это удастся, поскольку у вас будут веские причины… — Фейн поколебался. — Честно говоря, действие токсина приведет к тому, что ваши припадки будут сопровождаться стремлением к разрушению, направленному как против других, так и против вас. С технической точки зрения это будут приступы истерии разной степени агрессивности, заканчивающиеся частичной или полной потерей сознания. С самого начала будет известно, что с вами, поскольку, как мне говорили, наступит типичная тоническая стадия, с сильными судорогами мышц, а после нее клоническая стадия — ритмичные судороги, перемежающиеся расслаблением. После этого,

естественно, наступает кома.

— Иначе говоря, — сказал Барни, — классическая судорожная форма эпилепсии.

— Это вас пугает?

— Не знаю, какое это имеет значение. Я кое-что должен Лео, он знает об этом, и вы тоже. Я все еще не согласен со словом «искупление», но, кажется, оно все же подходит.

Он думал о том, как его искусственно вызванная болезнь повлияет на отношения с Энн. Наверняка все будет кончено. Так что он действительно жертвовал многим ради Лео Булеро. Однако и Лео делал многое ради него: он забирал его с Марса.

— Мы считаем вполне вероятным, — сказал Фейн, — что вас попытаются убить, как только вы потребуете адвоката. Фактически они…

— Я хотел бы сейчас вернуться в барак, — сказал Барни. — Хорошо?

— Прекрасно. Привыкайте к местным условиям. Однако позвольте мне дать вам совет в отношении той девушки. В соответствии с законом Добермана — помните, он был первым, кто женился и развелся на Марсе, — интимные отношения на этой проклятой планете ухудшаются прямо пропорционально эмоциональной привязанности друг к другу. Даю вам самое большее две

недели, и не потому, что вы заболеете, а потому, что таков средний срок. А ООН это поддерживает, поскольку — откровенно говоря — это означает большее количество детей, а значит, и больше колонистов. Улавливаете?

— ООН, — ответил Барни, — может не поддержать мою связь с ней, поскольку она основывается на несколько иных принципах, чем вы думаете.

— Нет, — холодно сказал Фейн. — Вам может так казаться, но я наблюдаю за всей планетой и днем и ночью. Я просто констатирую факт, а не критикую. Честно говоря, я вам симпатизирую.

— Спасибо, — сказал Барни и пошел в сторону барака, освещая себе путь фонарем. Висевший на шее маленький сигнализатор, который писком предупреждал его, когда он приближался — и, что важнее, когда он не приближался — к своему бараку, запищал громче. Звук этот напоминал кваканье лягушек в пруду.

«Я приму яд, — думал Барни. — И пойду в суд, и подам на этих выродков. Сделаю это ради Лео. Потому что я в долгу перед ним. Однако я не вернусь на Землю, или мне удастся это здесь, или не удастся вообще. Надеюсь, вместе с Энн Хоуторн, а если нет, то мне одному или с кем-нибудь другим

— буду жить по этому закону Добермана, как предсказывает Фейн. Во всяком случае, «земля обетованная» находится здесь, на этой нищей планете.

Завтра утром, — решил он, — я начну очищать от многовековых наслоений песка участок под мой первый огород. Это будет моим первым шагом».

Глава 10

На следующий день Норм Шайн и Тод Моррис все утро учили его управлять бульдозером, пескоходом и экскаватором. Машины уже разваливались, но каждую из них, как старого коня, можно было заставить сделать еще одно усилие. Однако результаты были неутешительны: машинами чересчур долго не пользовались.

К полудню Барни уже окончательно выдохся. Поэтому он устроил себе перерыв и, отдыхая в тени огромного ржавого трактора, съел завтрак и запил его тепловатым чаем из термоса, который любезно принесла ему Фрэн Шайн.

Внизу, в бараке, остальные колонисты занимались тем, чем привыкли заниматься в это время; его это не интересовало.

Всюду вокруг он видел заброшенные, запущенные огороды; он думал о том, не забудет ли он скоро и о своем. Может быть, каждый новый колонист из последних сил пытается начать точно так же, пока его не охватывает уныние и бессилие. Но так ли все безнадежно? Вовсе нет.

«Весь вопрос в том, как к этому относить-

ся, — решил он. — А мы… все сотрудники «Наборов П. П.» — охотно давали им выход легкий и безболезненный. А теперь появился Палмер Элдрич, чтобы положить этому конец. Мы сами проложили ему дорогу, и я в том числе, — и что теперь? Есть ли у меня возможность, как это назвал Фейн, искупить свою вину?»

Подошла Хелен Моррис.

— Как дела? — весело спросила она, присаживаясь рядом с ним, и открыла толстый каталог семян с большим символом ООН на обложке. — Смотри, что они доставляют бесплатно: все семена, какие здесь могут прорасти, включая репу.

Сидя рядом с Барни, она листала каталог.

— Однако здесь обитает маленький, похожий на мышь зверек — землеройка, который по ночам выходит на поверхность. Он все съедает. Тебе придется поставить самоходные ловушки.

— Ладно, — сказал Барни.

— Это впечатляющее зрелище, когда такая ловушка несется по пустыне, преследуя марсианскую мышь. Боже, ну и мчатся же они. Как ловушка, так и мышь. Для развлечения можно делать ставки. Я обычно ставлю на ловушку. Я просто восхищаюсь ими.

— Думаю, что я тоже поставлю на ловушку.

«Я испытываю большое уважение к ловушкам, — подумал он. — Иначе говоря, к ситуациям без выхода. Не важно, что написано на дверях».

— ООН также бесплатно предоставит тебе двух роботов. На срок не больше шести месяцев. Так что лучше спланируй заранее, как ты их будешь использовать. Лучше всего с их помощью прокладывать оросительные каналы. Наши уже довольно плохие. Иногда такой канал должен быть длиной миль в двести, даже больше. Ты можешь также договориться…

— Ни с кем я договариваться не буду, — перебил Барни.

— Но это действительно выгодно: найти кого-нибудь из живущих в ближайшем бараке, кто начал копать свой оросительный канал и забросил работу; купи у него то, что он успел сделать, и продолжай. Эта твоя девушка из Флэкс Блэк Спит переедет сюда и будет жить с тобой? — с любопытством спросила она.

Он не ответил, он смотрел в черное марсианское небо, даже в полдень усеянное звездами. Над ними пролетал корабль. Неужели торговец чуинг-зет? Значит, наступил момент, когда ему придется пожертвовать собой, чтобы спасти монополию Лео, разросшуюся межпланетную

империю, которой он уже ничем не был обязан.

«Удивительно, — думал он, — сколь сильно может быть стремление к самоуничтожению!»

Напряженно вглядываясь в небо, Хелен Моррис объявила:

— К нам гости! Это не корабль ООН. — Она сразу же направилась к бараку. — Пойду скажу им.

Он сунул руку в левый карман, дотронулся до спрятанной там ампулы и подумал: «Смогу ли я это сделать?»

Это казалось невозможным, ничто в его прошлой жизни не могло бы объяснить подобного поступка.

«Может быть, — подумал он, — это от отчаяния, после утраты всего, что я имел».

Однако он не считал это причиной, причина была в чем-то другом.

Пока корабль садился на песчаной равнине неподалеку, Барни думал: «Может, таким образом я хочу продемонстрировать Энн правду о чуинг-зет. Даже если с этой целью нам придется прибегнуть к обману. Ведь если я приму яд, она не примет чуинг-зет».

Он интуитивно предчувствовал это. Этого было достаточно.

Из корабля вышел Палмер Элдрич.

Его узнал бы каждый: со времени катастрофы корабля на Плутоне газеты помещали одну его фотографию за другой. Естественно, снимки были десятилетней давности, но Элдрич мало изменился. Седой и костлявый, ростом в шесть футов с лишним, он ходил необычно быстро, размахивая руками. Лицо его было изможденным и морщинистым, как бы полностью лишенным жировой прослойки; как будто, думал Барни, в своей неудержимой алчности Элдрич сам пожрал энергетические ресурсы своего тела. У него были огромные стальные зубы, которые вставил ему перед отлетом на Проксиму чешский стоматолог. Эти зубы составляли единое целое с его челюстями и должны были служить ему до смерти. Правая рука у него была искусственной, настоящую он потерял двадцать лет назад во время охоты на Каллисто. Нынешняя была, конечно, лучше, поскольку позволяла пользоваться различными сменными кистями. Сейчас пятипалую, как у всех людей, конечность Элдрича, если бы не металлический блеск, можно было бы принять за настоящую.

У него не было и глаз. По крайней мере, в обычном значении этого слова. Ему сделали протезы — за цену, которую только он мог и хотел запла-

тить; их изготовили бразильские окулисты перед самым его отлетом на Проксиму. Работа была великолепная. Протезы, подогнанные к глазницам, не имели зрачков и были неподвижны. Панорамный обзор обеспечивали два широкоугольных объектива, находившиеся за узкой горизонтальной щелью. Элдрич потерял глаза не из-за несчастного случая, в Чикаго неизвестные личности плеснули ему в лицо кислотой, по столь же неизвестным причинам… по крайней мере, неизвестным широкой публике. Элдрич наверняка знал из-за чего. Однако он ничего не сказал, никуда не жаловался; вместо этого он направился прямо к своим бразильским окулистам. Горизонтальная щель искусственных глаз, казалось, доставляла ему удовольствие; почти сразу же после операции он появился на торжествах по случаю открытия нового оперного театра в штате Юта и без смущения вращался в кругу себе подобных. Даже сейчас, десять лет спустя, такие операции были редкостью, и Барни впервые видел широкоугольные люксвидовые глаза системы Дженсена; они, а также искусственная рука с возможностью использования разнообразных конечностей произвели на него большее впечатление, чем он ожидал… или это

было что-то другое?

— Мистер Майерсон, — сказал Палмер Элдрич и улыбнулся; в холодном, слабом свете марсианского солнца блеснули стальные зубы. Он протянул руку, и Барни машинально протянул свою.

«Твой голос, — подумал Барни. — Он идет откуда-то из другого места, не из…»

Он заморгал. Фигура Элдрича была бестелесной, прозрачной. Это была какого-то рода искусственно вызванная иллюзия. Барни внезапно осознал всю иронию происходящего: этот человек и так уже был в значительной степени искусственным, а теперь он лишился и остатков своего тела.

«Неужели именно это вернулось на Землю с Проксимы?» — думал Барни.

Если так, то Хепберн-Гилберт был введен в заблуждение — это не был человек. Ни в одном из значений этого слова.

— Я все еще внутри корабля, — сказал Палмер Элдрич, голос доносился из встроенного в корпус громкоговорителя. — Обычная осторожность в связи с тем, что ты сотрудник Лео Булеро.

Призрачная рука коснулась Барни, он почувствовал, как его охватывает пронизывающий холод — чисто психологическая реакция, поскольку не было ничего, что могло бы вызвать

подобное ощущение.

— Бывший сотрудник, — уточнил Барни.

За его спиной из барака появились остальные: Шайны, Моррисы и Риганы; они приближались, как испуганные дети, с опаской глядя на знаменитого гостя.

— В чем дело? — пробормотал Норм Шайн. — Это призрак, мне это не нравится.

Останавливаясь рядом с Барни, он добавил:

— Мы живем в пустыне, Майерсон, мы постоянно наблюдаем миражи — корабли, людей и другие формы жизни. Это именно один из таких случаев: ни этого типа, ни корабля здесь нет.

— Они наверняка в шестистах милях отсюда, — сказал Тод Моррис. — Это фата-моргана. Ты к этому привыкнешь.

— Ведь вы меня слышите, — загремел громкоговоритель голосом Палмера Элдрича. — Я действительно здесь, и у меня к вам дело. Кто главный в вашем бараке?

— Я, — сказал Норм Шайн.

— Вот моя визитная карточка, — сказал Палмер Элдрич, протягивая руку с небольшим белым прямоугольником, и Норм Шайн машинально попытался взять его. Карточка пролетела мимо его пальцев и упала на песок. Элдрич улыбнулся

холодной, мимолетной улыбкой и предложил: — Взгляни на нее.

Норм наклонился и изучил карточку.

— Именно, — сказал Элдрич. — Я прибыл сюда, чтобы подписать договор с вашей группой. Речь идет о доставке…

— Избавь нас от речей о доставке того, что Бог лишь обещает, — сказал Шайн. — Скажи только сколько.

— Около одной десятой стоимости продукции конкурента. И это намного эффективнее, вам даже не потребуются наборы.

Элдрич, казалось, обращался исключительно к Барни, однако из-за искусственных глаз невозможно было определить, на кого направлен его взгляд.

— Как вам нравится здесь, на Марсе, мистер Майерсон?

— Очень весело, — ответил Барни.

— Прошлой ночью, — сказал Элдрич, — когда Аллен Фейн прилетал сюда со своего дурацкого спутника, чтобы с вами встретиться… о чем вы разговаривали?

— О деле, — ответил Барни.

Он думал быстро, но не слишком, из громкоговорителя уже раздался следующий вопрос:

— Значит, вы все еще работаете на Лео. Фактически ваше прибытие сюда было организовано специально, незадолго до начала распространения чуинг-зет. Почему? У вас есть какая-то идея, как помешать этому? В вашем багаже не было никаких пропагандистских материалов, никаких листовок и другой печати, кроме обычных книг. Может быть, вы должны были распространять слухи? Устная пропаганда. Чуинг-зет… что, мистер Майерсон? Вреден при постоянном употреблении?

— Не знаю. Будет возможность — попробую. Тогда увижу.

— Мы все ждем этой возможности, — сказала Фрэн Шайн, она держала в руке пачку скинов, готовая немедленно заплатить. — Вы можете сразу продать нам немного или надо еще подождать?

— Я могу сразу продать вам первую порцию, — сказал Элдрич.

Люк корабля с треском распахнулся. Из него выскочила маленькая самоходная тележка и двинулась в сторону колонистов. Она остановилась в ярде от них, и из нее выпала коробка, завернутая в знакомую коричневую упаковочную бумагу.

Коробка лежала у их ног, и Норм Шайн наклонился и поднял ее. Это не было галлюцинацией.

Норм осторожно развернул бумагу.

— Чуинг-зет, — выдохнула Мэри Риган. — О, как много! Сколько это стоит, мистер Элдрич?

— За все, — ответил Элдрич, — пять скинов.

Автомат выдвинул маленький ящичек, по размеру как раз такой, чтобы в нем поместились скины.

После короткого спора колонисты пришли к согласию; пять скинов были положены в ящичек, который тут же снова закрылся. Автомат развернулся и молниеносно исчез внутри корабля. Палмер Элдрич, огромный, седой и бестелесный, остался.

«Похоже, это его забавляет», — решил Барни.

Элдрича не волновали тайные планы Лео Булеро, он просто радовался.

Полный мрачных мыслей, Барни двинулся в направлении крошечного островка очищенного грунта, где когда-нибудь он начнет возделывать свой огород. Повернувшись спиной к Элдричу и колонистам, он включил автоматический экскаватор, который, шипя и ворча, с трудом начал поглощать песок. Майерсон подумал о том, как долго еще проработает машина. И каким образом здесь, на Марсе, можно достать запасные части. Может быть, их вообще не существовало, коло-

нисты просто оставляли машины ржаветь.

Позади послышался голос Палмера Элдрича:

— Теперь, мистер Майерсон, можете жевать до конца жизни.

Барни невольно оглянулся. Это был не призрак, Элдрич действительно вышел из корабля.

— Это верно, — ответил Майерсон. — И ничто не могло бы доставить мне большего удовольствия.

Он пытался починить ковш экскаватора.

— Где здесь, на Марсе, ремонтируют технику? — спросил он Элдрича. — ООН занимается этим?

— Откуда я знаю? — сказал Элдрич.

Кусок ковша отвалился, оставшись в руке Барни, который крепко его сжал, оценивая его вес. Кусок металла, напоминавший монтировку, был тяжелый, и Барни подумал: «Я мог бы этим его убить. Прямо здесь и сейчас. Будет ли это хорошим выходом из положения? Никакого токсина, вызывающего симптомы эпилепсии, никаких судебных процессов…»

Однако ему пришлось бы за это заплатить. Он пережил бы Элдрича всего лишь на несколько часов.

Или, может быть, все-таки стоило бы?..

Он повернулся, и тогда… События понеслись с

такой скоростью, что он даже не мог бы с точностью сказать, что произошло в действительности. Из стоявшего корабля ударил луч лазера, и Барни ощутил внезапный толчок, когда луч попал в кусок металла, который он держал в руке. В тот же самый момент Палмер Элдрич ловким, танцующим движением отскочил назад, взлетая вверх при слабом марсианском тяготении, и — Барни не поверил собственным глазам — всплыл, как воздушный шар, скаля стальные зубы и размахивая искусственной рукой. Потом, как будто его тянули на невидимом тросе, он по волнообразной траектории полетел к кораблю и исчез внутри. Люк захлопнулся, и Элдрич был в безопасности.

— Почему он это сделал? — снедаемый любопытством, спросил Норм Шайн. — Что там произошло, боже мой?

Барни не ответил, он выронил из дрожащих рук остатки металлической палки; коснувшись земли, они рассыпались в пыль.

— Майерсон с Элдричем поссорились, — сказал Тод Моррис. — Похоже, они что-то не поделили.

— Во всяком случае, — сказал Норм, — у нас есть чуинг-зет. Майерсон, в будущем лучше держись от Элдрича подальше, говорить с ним буду я. Если бы я знал, что из-за того, что ты работаешь

у Булеро…

— Уже не работаю, — прервал его Барни и вернулся к сломанному экскаватору. Первая попытка убить Палмера Элдрича оказалась неудачной. Будет ли у него еще когда-нибудь такая возможность?

И была ли у него такая возможность сейчас?

Он пришел к выводу, что ответ на оба эти вопроса будет один — «нет».

В тот же день, ближе к вечеру, колонисты из Чикен-Покс собрались, чтобы вместе принять наркотик. В торжественной обстановке, при напряженном молчании присутствующих, порции чуинг-зет были поделены между всеми.

— Тьфу, — скривившись, сказала Фрэн Шайн. — Отвратительный вкус.

— Подумаешь, вкус, — нетерпеливо бросил Норм, кладя в рот свою порцию. — Кажется, ты права, — добавил он, — вкус как у протухших грибов. — Он стоически проглотил слюну и продолжал жевать. — Гэк, — сказал он мгновение спустя, и его вырвало.

— Без набора… — начала Хелен Моррис. — Где мы окажемся? Просто где-нибудь? Я боюсь, — быстро говорила она. — Мы будем все вместе? Ты уверен, Норм?

— Кого это волнует? — сказал Сэм Риган, пережевывая свою порцию.

— Смотрите на меня, — сказал Барни Майерсон.

Они с любопытством повернулись к нему, что-то в его голосе заставляло их подчиняться.

— Я кладу чуинг-зет в рот, — сказал Барни. — Вы видите, как я делаю это? — Он начал жевать. — Теперь я жую.

Сердце его громко стучало.

«Боже, — подумал он. — Удастся ли мне выйти из этой истории невредимым?»

— Да, мы видим, — сказал Тод Моррис, кивнув. — Ну и что? Собираешься лопнуть, или взмыть в воздух, как Элдрич, или еще что-нибудь?

Он тоже начал жевать свою порцию. Все уже жевали, все семеро, увидел Барни. Он закрыл глаза.

Открыв их, он увидел склонившуюся над ним жену.

— Я еще раз спрашиваю, — сказала она, — ты хочешь второй «Манхэттен» или нет? Если хочешь, то мне нужно приготовить еще льда.

— Эмили, — неуверенно сказал он.

— Да, мой дорогой, — язвительно сказала

она. — Каждый раз, когда ты так произносишь мое имя, я знаю, что ты собираешься прочитать мне очередную лекцию. Что на этот раз?

Она уселась на диван напротив него и разгладила юбку — яркую, в бело-голубую полоску, которую он купил ей на Рождество.

— Я готова, — заявила она.

— Никаких лекций, обещаю, — сказал он.

«Неужели я в самом деле такой? — подумал он. — Постоянно произношу тирады?!»

Пошатываясь, он встал с дивана и схватился за стоявший рядом торшер, чтобы не упасть.

— Ну и накачался же ты, — заметила Эмили, смерив его взглядом.

Накачался. Этого слова он не слышал со студенческих времен, оно давно уже вышло из моды, но Эмили, естественно, продолжала его употреблять.

— Сейчас, — сказал он так отчетливо, как только мог, — говорят «надрался». Запомнила? Надрался.

Он неуверенно подошел к кухонному шкафу, где они держали алкоголь.

— Надрался, — повторила Эмили и вздохнула. У нее был грустный вид, он заметил это и спросил, что случилось. — Барни, — начала она, — не пей

столько, хорошо? Называй это как хочешь, накачался или надрался, это одно и то же. Думаю, что это я виновата: ты столько пьешь, потому что я тебе не подхожу.

Она слегка потерла кулаком правый глаз — знакомый жест, выражающий беспокойство.

— Дело не в том, что ты мне не подходишь, — сказал он. — Просто у меня высокие требования.

«Меня научили много требовать от других, — подумал он. — Требовать, чтобы они были столь же уважаемы и уравновешенны, как я, а не руководствовались исключительно эмоциями, без всякого самоконтроля.

Ведь она художник, — сообразил он. — Вернее, так называемый художник. Это больше соответствует истине. Жизнь художника без таланта».

Он начал смешивать очередную порцию, на этот раз бурбон с содовой, без льда; он лил виски прямо из бутылки в шейкер, а не в бокал.

— Когда ты начинаешь наливать себе подобным образом, — сказала Эмили, — я знаю, что ты злишься и сейчас начнется. Ненавижу это.

— Ну так и иди отсюда, — ответил он.

— Черт бы тебя побрал, — бросила Эмили. — Я не хочу никуда идти! Ты не мог бы просто… — она сделала беспомощный жест рукой, — быть более

милосердным, относиться ко мне с большим пониманием? Научиться не обращать внимания на мои… — Голос ее сорвался, она чуть слышно добавила: — Мои неудачи.

— Ведь я не могу их не замечать, — ответил он, — как бы мне этого ни хотелось. Ты думаешь, мне хочется жить с кем-то, кто не в состоянии ничего довести до конца? Например… А, к черту все это.

Какой во всем этом смысл? Эмили все равно не изменится, она была просто обычной неудачницей. Ее представление о хорошо проведенном дне ограничивалось гончарным кругом, жирными, напоминающими экскременты красками и руками по локоть в липкой серой глине. А тем временем…

Время уходило. И весь мир, включая сотрудников мистера Булеро, а в особенности его консультантов-прогностиков, все больше отдалялся от Барни Майерсона.

«Я никогда не стану консультантом в Нью-Йорке, — думал он. — Так и буду торчать здесь, где ничего, абсолютно ничего нового не появляется. Если бы удалось получить место прогностика моды в Нью-Йорке… Моя жизнь имела бы какой-то смысл, — осознал Барни. — Я был бы счастлив,

поскольку занимался бы работой, при которой мог бы полностью применить свои способности. Чего, черт возьми, я еще мог бы желать? Ничего, это все, о чем я прошу».

— Я ухожу, — сказал он Эмили и, поставив бокал, направился к шкафу и снял плащ с вешалки.

— Ты вернешься, прежде чем я лягу спать?

Со скорбным видом она проводила его до дверей квартиры в доме номер 11139584 — считая от центра Нью-Йорка, — где они жили уже два года.

— Посмотрим, — сказал он и открыл дверь.

В коридоре кто-то стоял: высокий, седой человек с выступающими стальными зубами, неподвижными глазами без зрачков и сверкающей искусственной рукой, торчащей из правого рукава пиджака.

— Привет, Майерсон, — сказал человек и улыбнулся, блеснули стальные зубы.

— Это Палмер Элдрич, — сказал Барни, повернувшись к Эмили. — Ты видела его фотографии в газетах, это тот самый знаменитый промышленник.

Естественно, он сразу узнал Элдрича.

— Вы хотели меня видеть? — неуверенно спросил он; все это было как-то странно, как будто это

когда-то уже происходило, но несколько иначе.

— Я хотел бы немного побеседовать с вашим мужем, — сказал Элдрич Эмили необычно мягким голосом.

Он поманил его рукой, и Барни вышел в коридор. Дверь за его спиной закрылась. У Элдрича был мрачный вид, он уже не улыбался, а когда он заговорил, его голос уже не был мягким.

— Майерсон, вы плохо распоряжаетесь своим временем. Вы ничего не делаете, просто повторяете прошлое. Зачем же мне продавать вам чуинг-зет? Вы извращенец, я еще никогда ни с чем подобным не встречался. Я даю вам еще десять минут, а потом отправлю вас обратно в Чикен-Покс, на прежнее место. Так что решайте, чего вы, черт побери, хотите и понимаете ли вы вообще что-нибудь.

— Что такое чуинг-зет, черт побери? — спросил Барни.

Палмер Элдрич поднял искусственную руку и толкнул его со страшной силой. Барни начал падать.

— Эй, — слабо сказал он, пытаясь сопротивляться страшному давлению. — Что…

Внезапно он оказался лежащим на спине. В голове у него шумело и звенело, он с трудом

открыл глаза, пытаясь сфокусировать взгляд на окружающей обстановке. Постепенно приходя в себя, он обнаружил, что на нем пижама, но чужая — у него никогда такой не было. Неужели он оказался в чужой квартире и на нем чужая пижама? Какого-то мужчины…

Он в панике посмотрел на кровать. Рядом в постели…

Рядом, натянув одеяло на обнаженные плечи, спала незнакомая девушка. Из ее рта доносилось легкое дыхание, волосы ее были белыми, как хлопок.

— Я опаздываю, — сказал он.

Голос его был хриплым и почти неузнаваемым.

— Нет-нет, — пробормотала девушка, не открывая глаз. — Не волнуйся. Мы доедем отсюда до работы за… — она зевнула и открыла глаза, — пятнадцать минут.

Она улыбнулась Барни, его замешательство ее развеселило.

— Ты всегда это говоришь, каждое утро. Иди приготовь кофе. Я хочу выпить кофе.

— Ну конечно, — сказал он и выбрался из постели.

— Братец Кролик, — шутливо сказала девуш-

ка. — Ты такой испуганный. Ты боишься за меня, за свою работу… и постоянно торопишься.

— Боже мой, — сказал он. — Я отказался от всего.

— От всего?

— От Эмили.

Он посмотрел на девушку, Рони… или как ее там?.. и на ее спальню.

— А теперь у меня ничего нет, — сказал он.

— Ну и прекрасно, — саркастически сказала Рони. — Может быть, теперь я скажу тебе что-нибудь приятное, чтобы и ты почувствовал себя хорошо.

— И я сделал это именно сейчас, — сказал Барни, — а не год или два назад. Незадолго до того, как пришел Палмер Элдрич.

— Как Палмер Элдрич мог куда-то «прийти»? Он лежит на больничной койке где-то возле Юпитера или Сатурна, ООН отправила Элдрича туда, когда его вытащили из-под обломков его корабля. — Она говорила с презрением, но в голосе ее чувствовалось любопытство.

— Палмер Элдрич только что явился ко мне, — упрямо сказал Барни.

«Я должен вернуться к Эмили», — подумал он.

Барни выскользнул из постели, наклонился и,

подняв свои вещи, пошатываясь, пошел в ванную. Он запер за собой дверь, после чего поспешно побрился и оделся. Выходя из ванной, он сказал девушке, которая все еще лежала в постели:

— Я должен идти. Не сердись на меня, я должен это сделать.

Чуть позже, не позавтракав, он спустился вниз и встал под термозащитным козырьком, оглядываясь в поисках такси.

Такси — красивая, сверкающая новая модель — почти молниеносно доставило его к дому Эмили; он машинально заплатил, вошел внутрь и через несколько секунд уже ехал наверх. Ему казалось, что время остановилось, что все замерло, ожидая его; он был единственным движущимся объектом в мире неподвижных предметов.

Он остановился у ее дверей и позвонил.

Дверь открылась. За ней стоял мужчина.

— Да?

Мужчина был темноволосый, достаточно представительный, у него были густые брови и старательно причесанные, слегка вьющиеся волосы, в руке он держал утреннюю газету. В глубине квартиры Барни заметил стол с неубранной после завтрака посудой.

— Вы… вы Ричард Хнатт, — сказал Барни.

— Да, — ответил тот, внимательно разглядывая Майерсона. — Мы знакомы?

Появилась Эмили, одетая в серый свитер и запятнанные джинсы.

— Боже мой. Это Барни, — сказала она Хнатту. — Мой бывший муж. Заходи.

Она широко открыла дверь, и Барни вошел внутрь. Эмили явно была рада его визиту.

— Очень приятно познакомиться, — безразличным тоном сказал Хнатт.

Он протянул было руку, но внезапно передумал.

— Кофе?

— Спасибо, — ответил Барни, усаживаясь на свободный стул. — Послушай, — сказал он Эмили, он не мог ждать, он должен был сказать это сейчас, даже в присутствии Хнатта, — я совершил ошибку, разведясь с тобой. Я хотел бы снова на тебе жениться. На прежних условиях.

Эмили довольно улыбнулась, так же как и когда-то, и, не ответив, пошла за чашкой и блюдцем для него. Его интересовало, ответит ли она вообще; ей было бы легче просто ответить улыбкой, поскольку она от природы была ленива.

«Боже мой», — подумал он и уставился в пустоту.

Хнатт сел напротив него и сказал:

— Мы муж и жена. Вы, может быть, думали, что мы просто живем вместе?

Лицо его помрачнело, но он, казалось, сохранял самообладание.

— Муж и жена могут развестись, — сказал Барни не Хнатту, но Эмили. — Выйдешь за меня замуж?

Он встал и сделал несколько неуверенных шагов по направлению к ней, она повернулась и спокойно подала ему чашку и блюдце.

— О нет, — сказала она, продолжая улыбаться и сочувственно глядя на него.

Она понимала его чувства, понимала, что это был не просто порыв с его стороны. Однако ответ оставался отрицательным, и он знал, что таким он останется всегда, не потому, что она так решила, — для нее просто не существовало действительности, к которой он принадлежал.

«Когда-то я вычеркнул ее, — думал он, — вычеркнул из жизни, прекрасно зная, что делаю; и вот результат, а теперь я, как говорится, вижу, что хлеб, брошенный в воду, возвращается вместе с этой водой, чтобы меня задушить; пропитанный водой хлеб, который застрянет у меня в горле, не давая возможности ни проглотить его, ни выплю-

нуть. Это именно то, чего я заслужил, — сказал он сам себе. — Это я создал эту ситуацию».

Вернувшись к столу, он снова сел на стул, тупо глядя на ее руки, пока она наливала ему кофе в чашку.

«Когда-то они принадлежали моей жене, — думал он. — И я от них отказался. Мания самоуничтожения, я желал собственной смерти. Это единственное удовлетворительное объяснение. Неужели я был так глуп? Нет, глупость не объясняет столь чудовищного, столь…»

— Как дела, Барни? — спросила Эмили.

— О, превосходно, черт побери. — Голос его дрожал.

— Я слышала, ты живешь с очень симпатичной рыженькой малышкой, — сказала Эмили. Она села на свое место и снова принялась за еду.

— Это уже в прошлом, — сказал Барни. — Все забыто.

— Тогда с кем? — как бы между прочим спросила она.

«Она разговаривает со мной, как будто я ее старый приятель или сосед по дому, — подумал Барни. — Чудовищно! Как она могла… как она могла считать меня кем-то чужим? Этого не может быть. Она притворяется, пытается что-то

скрыть».

Вслух он сказал:

— Ты боишься, что если снова свяжешься со мной, то… я снова оттолкну тебя. Обжегшись на молоке, дуешь на воду. Я этого не сделаю, я бы никогда больше этого не сделал.

— Мне очень жаль, что ты так это переживаешь, Барни, — сказала Эмили тем же безразличным тоном. — Ты не консультируешься с психоаналитиком? Кто-то мне говорил, что тебя видели, когда ты тащил переносного психиатра?

— Доктора Смайла, — сказал он, вспоминая, что, вероятно, оставил его в квартире Рони Фьюгейт. — Мне нужна помощь, — сказал он Эмили. — Есть ли какая-нибудь возможность…

Барни замолчал.

«Можно ли изменить прошлое? — подумал он. — По-видимому, нет. Причина и следствие действуют только в одну сторону, а изменения всегда необратимы. Одним словом — что было, то было, и можно спокойно отсюда уходить».

Он встал.

— Кажется, я плохо соображаю, — сказал он ей и Ричарду Хнатту. — Простите меня, я еще не совсем проснулся… я сегодня неважно себя чувствую, с тех пор как встал.

— Почему бы вам не выпить ваш кофе? — предложил Хнатт. — А может, вам налить чего-нибудь покрепче?

Мрачное выражение исчезло с его лица; как и Эмили, он был уже спокоен и безразличен ко всему.

— Не понимаю, — сказал Барни. — Мне велел прийти сюда Палмер Элдрич.

Действительно, велел? Наверняка что-то такое было.

— Я думал, это поможет, — беспомощно сказал он.

Хнатт и Эмили посмотрели друг на друга.

— Элдрич в больнице, где-то… — начала Эмили.

— Что-то пошло не так, — сказал Барни. — Элдрич перестал владеть ситуацией. Лучше я его поищу, он мне все объяснит.

Он почувствовал, как его захлестывает сбивающая с ног, тяжелая, как ртуть, волна паники, она подкатила к его горлу.

— До свидания, — сдавленно пробормотал он и двинулся к спасительной двери.

— Подождите, — послышался за спиной голос Хнатта.

Барни обернулся. Эмили сидела за столом с

приклеенной улыбкой и пила кофе, по другую сторону сидел Хнатт, глядя прямо на Барни. У Хнатта была одна искусственная рука, в которой он держал вилку, а когда он подносил к губам кусок яйца, Барни увидел большие, выступающие стальные зубы. Хнатт был седым, изможденным и смотрел мертвыми глазами, которые были намного больше, чем до этого; казалось, что он заполнял всю комнату своим присутствием. Однако это был все еще Хнатт.

«Не понимаю, — сказал Барни и остановился в дверях, не выходя из квартиры и не возвращаясь; он делал то, что предложил ему Хнатт, — ждал. — Не похож ли он на Палмера Элдрича?» — спрашивал он сам себя.

На снимках… да, у него была искусственная рука, стальные зубы и глаза системы Дженсена, но это был не Элдрич.

— Должен вам сказать, — перешел к делу Хнатт, — что Эмили любит вас намного сильнее, чем можно судить по ее словам. Я это знаю, потому что она мне об этом говорила. Много раз. — Он бросил взгляд на Эмили. — У тебя сильно развито чувство долга. Ты считаешь, что должна подавить в себе чувства, которые ты испытываешь к Барни; впрочем, ты делаешь это постоянно.

Однако забудь о долге. На этом нельзя построить супружеские отношения, они требуют большей непосредственности. Даже если ты считаешь, что не можешь… — Он сделал неясный жест. — Ну, скажем, оттолкнуть меня… Тем не менее ты должна честно проанализировать свои чувства и не прикрываться щитом самопожертвования. Именно так ты поступила с Барни, ты позволила ему оставить тебя, поскольку думала, что твой долг — не мешать ему делать карьеру. Ты и теперь ведешь себя так же, — закончил он, — и совершаешь ту же ошибку. Не обманывай себя.

И тут — совершенно неожиданно — он улыбнулся Барни, оскалив стальные зубы и подмигнув одним неподвижным глазом, как сигнальной лампочкой.

Теперь это был Палмер Элдрич. Полностью.

Однако Эмили, казалось, этого не замечала, улыбка исчезла с ее лица. Она была сконфужена, раздражена, и возмущение ее росло.

— Ты меня чертовски раздражаешь, — сказала она мужу. — Я сказала, что чувствую, и я не собираюсь притворяться. И я не люблю, когда кто-то мне говорит, что я притворяюсь.

Человек, сидевший напротив, сказал:

— У тебя только одна жизнь. Если ты хочешь

прожить ее с Барни вместо меня…

— Не хочу. — Она бросила на него испепеляющий взгляд.

— Я пошел, — сказать Барни, открывая дверь. Надежды не было.

— Подожди. — Палмер Элдрич встал и пошел следом. — Я спущусь с тобой вниз.

Они вдвоем пошли по коридору к лестнице.

— Не отказывайся, — сказал Элдрич. — Помни: ты только первый раз принял чуинг-зет. У тебя еще будет время. С какой-то попытки у тебя получится.

— Что это такое — чуинг-зет? — спросил Барни.

Где-то рядом девичий голос повторял:

— Барни Майерсон. Проснись.

Его потрясли за плечо, он заморгал, щурясь на свету. Рядом с ним на коленях стояла Энн Хоуторн, держа его за руку.

— Ну и как? Я вошла сюда и не могла никого найти, потом я наткнулась на вас — вы сидели в кружок, полностью отключившись. Что бы было, если бы я была инспектором ООН?

— Ты меня разбудила, — сказал он Энн, осознавая то, что она сделала; он ощущал огромное разочарование и сожаление. Однако время пере-

мещения пока что миновало, и надо было с этим примириться. Несмотря на это, он испытывал наркотический голод, непреодолимое желание вернуться туда как можно быстрее. Все остальное было несущественно, даже склонившаяся над ним девушка и неподвижные товарищи по бараку, лежавшие полукругом на полу.

— Было так хорошо? — понимающе спросила Энн и коснулась рукой кармана. — В нашем бараке тоже был торговец, я купила. Это человек со странными зубами и глазами, седой, крупный мужчина.

— Элдрич. Или его призрак.

У него болели все суставы — как будто он долго сидел в неудобной позе, хотя, посмотрев на часы, он обнаружил, что прошло лишь несколько секунд — самое большее минута.

— Элдрич — везде, — сказал он Энн. — Дай мне свой чуинг-зет.

— Нет.

Он пожал плечами, скрывая разочарование, жгучую, физическую боль утраты. Ну что ж, Палмер Элдрич вернется, наверняка он знаком с действием своего продукта. Может быть, еще сегодня.

— Расскажи, — попросила Энн.

— Это иллюзорный мир, — сказал Барни, — в котором Элдрич занимает ключевую позицию божества. Он дает тебе шанс совершить то, чего в действительности ты никогда не сможешь, — воссоздать прошлое и сделать его таким, каким оно должно быть. Однако даже для него это не просто. Это требует времени. — Он замолчал, потирая болевший лоб.

— Ты хочешь сказать, что он… что ты не можешь просто щелкнуть пальцами и получить то, что хочешь? Так, как это происходит во сне?

— Это вовсе не похоже на сон.

«Это значительно хуже, — подумал он. — Скорее это напоминает ад. Такой, каким и должен быть ад: вечный и неизменный».

Однако Элдрич считал, что со временем удастся его изменить, хотя это потребует большого терпения и труда.

— Если ты туда вернешься… — начала Энн.

— Если? — Он недоверчиво посмотрел на нее. — Я должен вернуться. На этот раз мне ничего не удалось сделать.

«Может быть, мне придется возвращаться туда сотни раз», — подумал он.

— Послушай! Ради бога, дай мне ту порцию чуинг-зет, которую ты купила. Я знаю, что мне

удастся ее убедить. На моей стороне Элдрич, который старается как может. Она сейчас возмущена, я застал ее врасплох своим предложением, но…

Он замолчал, глядя на Энн Хоуторн.

«Что-то тут не то, — подумал он. — Ведь…»

У Энн одна рука была искусственная, пальцы из пластика и металла находились в нескольких дюймах от его лица, так что он ясно их видел. А взглянув ей в лицо, он увидел пустоту, глубокую, как космическая бездна, из которой явился Элдрич. Мертвые глаза, полные вакуума, парящего за границами известной Вселенной.

— Получишь позже, — спокойно сказала Энн. — Одного сеанса в день тебе хватит. — Она улыбнулась. — Иначе у тебя быстро кончатся скины, ты не сможешь купить чуинг-зет, а что ты тогда будешь делать, черт возьми?

На ее лице сверкнули прекрасные стальные зубы.

Остальные колонисты пробуждались со стоном, с трудом приходя в себя; они садились, бормоча что-то под нос и беспомощно озираясь вокруг. Энн куда-то ушла. Барни удалось без посторонней помощи подняться на ноги.

«Кофе, — подумал он. — Наверняка она пошла сварить кофе».

— Хо-хо! — сказал Норм Шайн.

— Где вы были? — спросил Тод Моррис. Он встал, шатаясь, и помог подняться своей жене Хелен. — Я вернулся в то время, когда я был подростком, в гимназии, когда у меня было первое удачное свидание… ну, понимаете, первое, закончившееся успехом. — Он беспокойно взглянул на Хелен.

— Это намного лучше, чем кэн-ди, — сказала Мэри Риган. — Во много раз лучше. О, я могла бы рассказать вам, что я делала… — Она захихикала. — Но лучше не буду.

Лицо ее было красным и возбужденным.

Оказавшись в своей комнате, Барни Майерсон запер дверь и достал из кармана ампулу с токсином, которую дал ему Фейн. Он держал ее в руке и думал: «Пришло время. Однако… действительно ли я вернулся? Видел ли я лишь призрачный образ Элдрича, наложенный на образ Энн? А может быть, это было настоящее видение, предчувствие кроющейся за всем этим реальности, не только его собственной, но и коллективной реальности остальных колонистов?»

Если так, то не следовало сейчас глотать яд. Так подсказывал ему инстинкт.

Тем не менее он открыл ампулу.

Из открытой ампулы послышался тихий, слабый голос:

— Ты под наблюдением, Майерсон. И если ты планируешь какую-то хитрость, нам придется вмешаться. Ты будешь сурово наказан. Нам очень жаль.

Дрожащими руками он снова закрыл ампулу. Она была пуста!

— Что это? — спросила Энн, стоя в дверях кухни; на ней был передник, который она где-то нашла. — Что это? — повторила она, глядя на ампулу в его руке.

— Бегство, — сказал он. — От этого.

— А от чего именно? — Она уже выглядела нормально, все у нее было на месте. — Ты, похоже, тяжело болен, Барни. Это что, последствия чуинг-зет?

— Похмелье.

«Неужели Палмер Элдрич там, внутри?» — думал он, разглядывая закрытую ампулу и вертя ее в руке.

— Можно как-нибудь связаться со спутником Фейна?

— Думаю, что да. Наверное, достаточно заказать видеоразговор или…

— Иди и попроси Норма Шайна, чтобы он зака-

зал разговор для меня, — сказал Барни.

Энн послушно вышла, дверь тихо захлопнулась.

Барни быстро достал шифровальную книжку из тайника под плитой. Сообщение должно быть зашифровано.

Все страницы книжки были пусты.

«Значит, не буду шифровать, и все, — подумал он. — Сделаю что смогу, хотя этого может оказаться недостаточно».

Дверь распахнулась. Вошла Энн и сказала:

— Мистер Шайн заказывает для тебя разговор. Он говорит, что у него все время кто-то что-то заказывает.

Он пошел следом за ней по коридору в маленькую комнатку, где за передатчиком сидел Норм; когда вошел Барни, он обернулся и сказал:

— Я поймал Шарлотту — подойдет?

— Аллена, — отрезал Барни.

— Ладно.

Наконец Норм сказал:

— Ну, я поймал этого старого баклажана. Говори.

Он протянул микрофон Барни. На маленьком экране появилось веселое лицо Аллена Фейна.

— Наш новенький хочет с вами поговорить, —

пояснил Норм, на секунду забирая микрофон у Барни. — Барни, вот половина команды, которая поддерживает нашу жизнь и здравый рассудок здесь, на Марсе. — А про себя пробормотал: — Господи, как у меня болит голова. Извините.

Он поднялся с кресла и скрылся в глубине коридора.

— Мистер Фейн, — осторожно сказал Барни, — я только что разговаривал с мистером Палмером Элдричем. Он упоминал о нашей с вами беседе. Он знал о ней, так что я не вижу смысла…

— О какой беседе? — холодно сказал Аллен Фейн.

Какое-то время Барни не в силах был вымолвить ни слова.

— Видимо, они следили за нами с инфракрасной камерой, — наконец сказал он. — Наверное, с какого-нибудь спутника. Однако мне кажется, что содержание нашего разговора не…

— Вы что, чокнутый? — сказал Фейн. — Я вас не знаю, я никогда с вами не разговаривал. Ну что, заказываете что-нибудь или нет?

Лицо его казалось безразличным и отсутствующим, было непохоже, что он притворяется.

— И вы не знаете, кто я? — недоверчиво спросил Барни.

Фейн прервал связь, и маленький экран погас, показывая лишь пустоту, бездну. Барни выключил передатчик. Он ничего не чувствовал. Апатия. Он прошел мимо Энн в коридор, там он остановился, достал пачку — последнюю? — земных сигарет и закурил.

«Элдрич делает со мной то же самое, что делал с Лео Булеро на Луне, или «Сигме четырнадцать-бэ», или где бы то ни было, — подумал он. — И в конце концов все мы будем у него в руках. Просто так. Он изолирует нас. Общий мир исчезнет. По крайней мере, для меня, с меня он начал.

А я, — подумал он, — должен бороться с помощью пустой ампулы, которая могла когда-то содержать — или не содержать — редкий, ценный токсин, нарушающий деятельность мозга, и которая теперь содержит только Палмера Элдрича, и то не всего. Только его голос».

Спичка обжигала ему пальцы. Он не обращал на это внимания.

Глава 11

Заглянув в свои заметки, Феликс Блау сказал:

— Пятнадцать часов назад, с санкции ООН, корабль, принадлежащий фирме по производству чуинг-зет, совершил посадку на Марсе и распространил первую партию среди колонистов в районе Файнберг-Кресчент.

Лео Булеро наклонился к экрану, сложил руки на груди и спросил:

— Колонистов из Чикен-Покс тоже?

Феликс кивнул.

— К этому времени, — сказал Лео, — он должен уже проглотить эту действующую на мозг дрянь и сообщить нам об этом через спутник.

— Я это прекрасно понимаю.

— Уильям Кларк все еще наготове?

Кларк был главным юристом, представляющим интересы «Наборов П. П.» на Марсе.

— Да, — ответил Блау, — но Майерсон с ним тоже не контактировал, он вообще не контактировал ни с кем.

Он отодвинул в сторону свои записи.

— Это все — все, что я могу в данный момент

сказать.

— Может быть, он умер, — сказал Лео. Он был мрачен и подавлен. — Может быть, у него были настолько сильные судороги, что…

— Мы бы об этом услышали, поскольку на всем Марсе всего три госпиталя и одному из них наверняка бы об этом сообщили.

— Где Палмер Элдрич?

— Моей организации не удалось этого выяснить, — сказал Феликс. — Он покинул Луну и исчез. Мы его просто потеряли.

— Я дал бы руку на отсечение, — сказал Лео, — чтобы узнать, что сейчас происходит в том бараке — Чикен-Покс, — где находится Барни.

— Можешь полететь на Марс.

— О нет, — немедленно ответил Лео. — Я не покину «Наборов П. П.» после того, что я пережил на Луне. Ты не мог бы направить туда кого-нибудь из своей организации, кто мог бы предоставить информацию из первых рук?

— У нас есть там девушка, Энн Хоуторн, но от нее тоже нет никаких вестей. Может быть, я сам полечу на Марс. Если ты не хочешь.

— Не хочу, — повторил Лео.

— Это будет тебе дорого стоить, — сказал Феликс.

— Конечно, — ответил Лео. — Я заплачу. Однако тогда у нас, по крайней мере, появятся какие-то шансы, сейчас же у нас вообще нет ничего конкретного. — «И для нас все кончено», — подумал он и добавил: — Представь только счет.

— Ты понимаешь, сколько бы тебе это стоило, если бы я погиб, если бы они добрались до меня там, на Марсе? Моя организация…

— Прошу тебя, — сказал Лео, — я не хочу об этом говорить; что, Марс — это большое кладбище, где Элдрич копает могилы? Элдрич, наверное, скушал Барни Майерсона. Ладно, лети, свяжись со мной, когда будешь в Чикен-Покс.

Он прервал связь.

Сидевшая неподалеку Рони Фьюгейт, консультант-прогностик по Нью-Йорку, внимательно прислушивалась к разговору.

«Она впитывает все как губка», — подумал Лео.

— Ну как, наслушалась? — едко спросил он.

— Вы поступаете с ним так же, как он поступил с вами, — сказала Рони.

— Кто? Что?

— Барни побоялся отправиться вам на помощь, когда вы исчезли на Луне. Теперь вы…

— Это просто было бы неразумно. Да, — сказал он, — меня, черт возьми, так напугал Палмер, что

я боюсь высунуть нос из этого здания; естественно, у меня нет никакого желания лететь на Марс, и ты совершенно права.

— Вот только, — мягко сказала Рони, — вас-то никто с работы не выгонит. Так, как вы выгнали Барни.

— Я сам готов себя наказать. Мысленно. По всей строгости.

— Однако не в такой степени, чтобы полететь на Марс.

— Ладно! — Он в ярости включил видеофон и снова набрал номер Феликса Блау. — Блау, все отменяется. Я лечу сам. Хотя это безумие.

— Честно говоря, — сказал Блау, — по-моему, ты делаешь в точности то, что хочет Элдрич. Вечная проблема — как отличить смелость от…

— Сила Элдрича основана на этом наркотике, — перебил его Лео. — Пока ему не удастся мне его ввести, все будет в порядке. Я возьму с собой пару охранников из фирмы, которые проследят, чтобы мне не сделали укол, как в прошлый раз. Эй, Блау! Летишь со мной, ладно? — Он повернулся к Рони: — Теперь хорошо?

— Да, — кивнула она.

— Видишь? Она говорит, что все в порядке. Так что полетишь со мной на Марс и будешь держать

меня за руку, хорошо?

— Ну конечно, Лео, — сказал Феликс Блау. — А если ты упадешь в обморок, я буду хлестать тебя по щекам, пока ты не придешь в себя. Встретимся у тебя в офисе через… — он посмотрел на часы, — два часа. Обсудим детали. Подготовь быстроходный корабль. И я возьму с собой пару человек, которым я доверяю.

— Ну вот, — сказал Лео Рони, разъединяясь. — Смотри, во что я из-за тебя ввязался. Ты заняла место Барни, а если я не вернусь с Марса, наверняка займешь и мое.

Он со злостью смотрел на нее.

«Женщины могут сделать с мужчиной все, что угодно, — думал он. — Мать, жена, даже сотрудница, они мнут нас в руках, как незастывшие кусочки термопластика».

— Вы действительно думаете, что я сказала так именно поэтому, мистер Булеро?

Он смерил ее тяжелым пристальным взглядом:

— Да. Поскольку ты страдаешь избытком тщеславия. Я действительно так считаю.

— Вы ошибаетесь.

— А если я не вернусь с Марса, ты полетишь за мной?

Он подождал, но она не ответила; он заметил неуверенность на ее лице и рассмеялся.

— Ясно, что нет, — сказал он.

— Мне нужно идти к себе, — деревянным голосом сказала Рони. — Я должна посмотреть новые обеденные сервизы. Новые образцы из Кейптауна.

Она встала и вышла; глядя ей вслед, он думал: «Она настоящая. Не такая, как Палмер Элдрич. Если я вернусь, придется найти какой-нибудь способ потихоньку от нее избавиться. Я не люблю, когда мной манипулируют.

Палмер Элдрич, — вдруг подумал он, — появился в образе маленькой девочки, ребенка — не говоря уже о псе, которым он стал позже. Может быть, это не Рони Фьюгейт; может быть, это Элдрич».

От этой мысли он похолодел.

«То, что здесь происходит, — думал он, — это не вторжение на Землю проксов, существ из иной системы. Нас не атакуют стаи гуманоидных чудовищ. Нет. Это Палмер Элдрич, который присутствует всюду, разрастаясь, как обезумевший сорняк. Существует ли какая-то критическая точка этого процесса, по достижении которой Элдрич лопнет, как мыльный пузырь? Все эти

явления Элдрича на Земле, на Луне и на Марсе; Палмер, раздувающийся и лопающийся: пук! пук! ПУК! Как там писал Шекспир… сунь обычную булавку в щель доспехов — и прощай, король.

Только, — думал он, — что в данном случае может послужить в качестве булавки? И есть ли какая-нибудь щель, в которую можно было бы ее воткнуть? Не знаю, Феликс и Барни тоже не знают. Могу поспорить, что они понятия не имеют, как справиться с Палмером. Похитить Зою, его перезревшую уродливую дочку? Элдрича это мало бы волновало. Разве что Палмер — это еще и Зоя; может быть, Зоя не существует как самостоятельная личность. Именно так мы кончим, если не придумаем способа, как его уничтожить, — понял Лео. — Оболочки, подобия людей, населяющие три планеты и шесть спутников. Человеческая протоплазма, растекающаяся, размножающаяся и делящаяся, а все из-за этого внеземного наркотика, этого страшного, отвратительного чуинг-зет».

Он еще раз набрал номер спутника Аллена Фейна. Наконец на экране появилось лицо рекламного агента, слегка бледное и растерянное.

— Да, мистер Булеро?

— Вы уверены, что Майерсон не пытался

связаться с вами? Он получил шифровальную книжку.

— Получил, но от него все еще нет никаких вестей. Мы подслушиваем все переговоры с Чикен-Покс. Мы видели, как корабль Элдрича приземлился около барака — несколько часов назад, — и заметили, что Элдрич вышел из него и пошел к колонистам, и, хотя наши телекамеры этого не зарегистрировали, я уверен, что сделка состоялась. И Барни Майерсон был среди тех, кто вышел встречать Элдрича.

— Кажется, я знаю, что произошло. Ладно, спасибо, Эл.

Он отключился. Стало понятно, что Барни оказался под воздействием чуинг-зет. Это произошло в тот самый момент, когда он взял в рот наркотик, это был конец, так же как и для Лео на Луне.

«Наша хитрость требовала, — думал Лео, — чтобы Барни принял чуинг-зет, и таким образом мы сыграли на руку этой сволочи Элдричу; когда Барни принял наркотик, все было кончено. Ведь Элдрич каким-то образом контролирует все иллюзорные миры, порожденные употреблением чуинг-зет; я знаю — знаю! — что этот вонючка существует в каждом из них.

Фантастический мир, вызванный к жизни

чуинг-зет, — думал Лео, — существует в голове Палмера Элдрича. В чем я лично убедился.

Проблема в том, — думал он, — что, когда ты окажешься в одном из них, ты не можешь от него полностью освободиться, он остается с тобой, даже когда тебе кажется, что ты свободен. Это дверь в одну сторону, и, насколько я понимаю, мне еще не удалось через нее вернуться».

Однако это казалось невозможным.

«А тем не менее, — думал он, — это доказывает, как сильно я боюсь, — что отметила Рони Фьюгейт. Я боюсь настолько — и признаю это, — что готов оставить там Барни, так же как он оставил меня. А Барни воспользовался своими способностями к предвидению, так что он все уже знал, видел все так, как я сейчас — уже после всего. Он заранее знал то, что я должен был испытать. Ничего удивительного, что он не оправдал моих надежд.

Кто будет принесен в жертву? — спрашивал себя Лео. — Я, Барни, Феликс Блау… кого из нас сожрет Палмер? Ведь мы для него действительно не более чем добыча. Он чудовищный хищник, прилетевший из системы Проксимы, огромная пасть, готовая нас всех пожрать.

Но Палмера нельзя назвать каннибалом. Ведь

я знаю, что это не человек. Под маской Палмера Элдрича скрывается нечто иное».

Он понятия не имел, что бы это могло быть. Многое могло случиться в бескрайних просторах космоса между Проксимой и Солнцем как по пути туда, так и обратно. Может быть, думал он, это произошло, когда Палмер летел туда; может быть, все эти долгие годы он питался проксами и, вылизав тарелку, вернулся к нам. Уфф. Лео вздрогнул.

«Ну что ж, — подумал он, — еще два часа независимой жизни плюс время, которое занимает полет на Марс. Может быть, мне осталось жить десять часов, а потом… я буду проглочен. А этот страшный наркотик распространяется на всем Марсе, стоит только представить себе эти толпы, обреченные на иллюзорные миры Палмера Элдрича, опутанные сетями, которые на них набрасывают. Как называют это буддисты из ООН с Хепберн-Гилбертом во главе? Майя. Пелена иллюзий. Дерьмо, — с отвращением подумал он и протянул руку, чтобы включить интерком и потребовать быстроходный корабль. — И хорошего пилота, — вспомнил он, в последнее время слишком многие автоматические посадки закончились катастрофой. — Я вовсе не намерен

разбиться в лепешку о поверхность Марса — особенно там».

— Кто у нас лучший межпланетный пилот? — спросил он у мисс Глисон.

— Дон Дэвис, — сразу же ответила мисс Глисон. — Он вписал великолепную страницу в историю наших полетов с… ну, вы знаете. Полетов с Венеры.

Она предпочитала не упоминать вслух кэн-ди — интерком могли прослушивать.

Десять минут спустя все вопросы, связанные с полетом, были решены.

Лео Булеро откинулся на спинку кресла и закурил большую зеленую гаванскую сигару, из тех, что хранились — наверняка многие годы — в резервуарах с жидким гелием… Он откусил кончик, сигара оказалась сухой и хрупкой. Она хрустела у него на зубах, и Лео был разочарован. Она выглядела так хорошо сохранившейся в своем гробу.

«Ну что ж, никогда нельзя быть ни в чем уверенным, — подумал он. — Пока не попробуешь».

Дверь кабинета открылась. Вошла мисс Глисон с документами на полет.

Рука, в которой она держала бумаги, была искусственной, он заметил металлический блеск и быстро поднял голову, чтобы взглянуть ей в

лицо, увидеть остальное. Зубы неандертальца, подумал он, так выглядят эти мощные стальные клыки. Деградация, на двести тысяч лет назад, отвратительное зрелище. А эти глаза, люксвидовые, или видилюксовые, или как их там, без зрачков, только щели. Производство лаборатории Дженсена, Чикаго.

— Черт бы тебя побрал, Элдрич, — сказал он.

— Я твой пилот, — сказал Палмер Элдрич из тела мисс Глисон, — и я же собирался встретить тебя, когда ты сядешь на Марсе. Однако для одного раза этого слишком много.

— Дай мне эти бумаги, — сказал Лео, протягивая руку.

Элдрич удивленно сказал:

— Ты все еще собираешься лететь на Марс?

Казалось, он был застигнут врасплох.

— Да, — сказал Лео, невозмутимо ожидая, когда ему отдадут бумаги.

«Стоит один раз принять чуинг-зет, и ты конченый человек. По крайней мере, так бы сказала эта фанатичка-миссионерша Энн Хоуторн. Это как грех, — думал Барни Майерсон, — и рабство в наказание. Это подобно грехопадению Адама и Евы. И искушение почти такое же.

Однако чего тут не хватает, так это способа,

каким мы могли бы освободиться. Неужели для того, чтобы его найти, нам придется лететь на Проксиму? Даже там мы можем его не найти. Может быть, его нет во всей Вселенной».

Энн Хоуторн появилась в дверях радиорубки.

— Все в порядке?

— Само собой, — ответил Барни. — Знаешь, мы сами во все это вляпались. Никто не заставлял нас жевать чуинг-зет. — Он бросил окурок на пол и придавил его каблуком. — А свою порцию ты мне не отдашь, — сказал он.

Однако он знал, что это не Энн не хочет отдать ему наркотик. Это Палмер Элдрич, который действует через нее, за ее спиной.

«Даже в этом случае наркотик можно у нее отобрать», — сообразил Барни.

— Стой, — сказала она. Вернее, оно.

— Эй! — крикнул Норм Шайн, вскакивая из-за передатчика. — Что ты делаешь, Майерсон? Отпусти ее…

Сильная, искусственная рука оттолкнула его, металлические пальцы впились ему в шею, ловко и быстро нащупывая наиболее чувствительную точку. Однако порция наркотика уже была в руках Барни.

— Не делай этого, Барни, — спокойно сказала

Энн. — Ты только что принял первую дозу. Пожалуйста.

Он молча направился к двери в свою комнату.

— Ты можешь сделать одну вещь для меня? — крикнула она вслед. — Раздели эту порцию на две части, позволь мне принять ее вместе с тобой. Мы будем вместе.

— Зачем?

— Может быть, мое присутствие тебе поможет.

— Я сам справлюсь.

«Если только мне удастся добраться до Эмили до развода, до того, как появится Ричард Хнатт… Это единственный выход, — думал он. — Надо пытаться! Раз за разом. Пока не удастся».

Он закрыл дверь.

Поглощая чуинг-зет, он думал о Лео Булеро: «Ты выбрался. Может быть, потому, что Палмер Элдрич был слабее тебя. Или нет? Или Элдрич просто ослабил веревку, позволяя тебе самому на ней повеситься? Ты мог прилететь сюда и удержать меня, теперь уже нет возврата. Даже Элдрич меня предупреждал устами Энн Хоуторн, даже для него это было чересчур, а теперь? Неужели я зашел так далеко, что оказался вне пределов его власти? Там, где нет Палмера Элдрича, где нет вообще ничего.

И конечно, — думал он, — пути назад для меня нет».

У него заболела голова, и он невольно зажмурился. Он чувствовал себя так, будто его мозг, живой и испуганный, перемещался во времени.

«Измененный метаболизм, — понял Барни. — Шок. Прости меня, — сказал он своему телу. — Ладно?»

— Помогите, — сказал он вслух.

— Поможем, как же, — прохрипел мужской голос. — Что я должен делать, держать тебя за руку? Открой глаза или убирайся отсюда. Время, проведенное на Марсе, окончательно тебя угробило. Я уже сыт этим по горло. Ну?

— Заткнись, — сказал Барни. — Я болен, я слишком далеко зашел. Ты хочешь сказать, что можешь на меня только наорать?

Он открыл глаза и увидел Лео Булеро, который сидел за своим большим, заваленным бумагами столом.

— Послушай, — сказал Барни. — Я принимаю чуинг-зет. Я не могу удержаться. Если ты не сможешь мне помочь, для меня будет все кончено.

На ватных ногах он подошел к ближайшему креслу и без сил опустился в него.

Дымя сигарой и задумчиво разглядывая его,

Лео сказал:

— Ты все еще принимаешь чуинг-зет? — Он нахмурился. — Ведь два года назад…

— Он был запрещен?

— Да. Запрещен. Боже мой. Не знаю, имеет ли смысл с тобой разговаривать. Кто ты? Какой-то фантом из прошлого?

— Ты слышал, что я сказал: я сказал, что принимаю чуинг-зет.

Барни сжал кулаки.

— Хорошо, хорошо. — Лео резко выдохнул густое облако серого дыма. — Не возбуждайся. Черт возьми, я тоже видел будущее, и это отнюдь меня не убило. Кроме того, ты же ясновидец и должен был к этому привыкнуть. Во всяком случае… — Он откинулся в кресле, устроился поудобнее и закинул ногу на ногу. — Я видел памятник, знаешь? Угадай кому. Мне.

Он бросил взгляд на Барни и пожал плечами.

— Я ничего здесь не ищу, — сказал Барни, — в этом времени, кроме одного. Я хочу вернуть мою жену. Я хочу Эмили.

В нем росли отчаяние и горечь, от которой перехватывало дыхание.

— Эмили, — кивнул Лео Булеро и сказал в интерком: — Мисс Глисон, пусть никто нам не

мешает.

Он снова внимательно посмотрел на Барни.

— Этот тип, Хнатт… Как его звали? Его загребла полиция ООН вместе со всей организацией Элдрича. Видишь ли, Хнатт подписал контракт с одним из агентов Элдрича. Ну что ж, ему предоставили выбор: тюремное заключение или эмиграция. Я согласен, это не вполне честно, но не обвиняй меня в этом. Он эмигрировал.

— А что с ней?

— С этим ее гончарным бизнесом? Как, черт побери, она могла бы лепить свои горшки в бараке посреди марсианской пустыни? Естественно, она бросила этого придурка. Так что, как видишь…

— Ты в самом деле Лео Булеро? — спросил Барни. — Или Палмер Элдрич? А весь разговор для того, чтобы я почувствовал себя еще хуже…

Подняв брови, Лео Булеро сказал:

— Палмера Элдрича нет в живых.

— Ведь это не реальность, это галлюцинация, вызванная наркотиком.

— Какая, к черту, нереальность? — испепелил его взглядом Лео. — А я, по-твоему, кто? Послушай, — он со злостью направил палец на Барни, — во мне нет ничего нереального, это ты сам — чертова галлюцинация, как ты сам сказал,

из прошлого. Ты все понимаешь совершенно наоборот. Слышишь? — Он изо всех сил ударил кулаком по столу. — Вот звук, который издает реальность. И я говорю тебе, что твоя бывшая жена развелась с Хнаттом, я знаю об этом, потому что она продает нам свои вазочки, которые мы миниатюризируем. Собственно говоря, она в прошлый четверг была у Рони Фьюгейт.

Он со злостью курил сигару, все еще недоброжелательно глядя на Барни.

— Значит, мне только остается ее найти, — сказал тот.

Это было так просто.

— О да, — согласился Лео. — Вот только еще одно. Что ты собираешься сделать с Рони Фьюгейт? Ты живешь с ней в мире, который ты, кажется, считаешь нереальным.

— Два года? — изумленно сказал Барни.

— А Эмили об этом знает, поскольку с тех пор, как она начала продавать свои изделия, она подружилась с Рони, они все друг другу рассказывают. Взгляни на это с точки зрения Эмили. Если она позволит тебе вернуться, Рони наверняка перестанет принимать ее вазочки для миниатюризации. Это рискованное дело, и я уверен, что Эмили на это не пойдет. Мы даем Рони полную

свободу действий, так же как в свое время тебе.

— Эмили никогда не поставила бы свою карьеру впереди личной жизни.

— Это сделал ты. Может быть, она у тебя научилась. Во всяком случае, даже без этого Хнатта зачем Эмили возвращаться к тебе? Она пользуется большим успехом, ее знает вся планета, и она зарабатывает кучу скинов… Хочешь знать правду? Она получает каждого мужчину, кого захочет. В любой момент. Эмили ты не нужен, посмотри фактам в лицо, Барни. А чего тебе недостает с Рони? Откровенно говоря, я не имел бы ничего против этого…

— Я думаю, что ты Палмер Элдрич, — сказал Барни.

— Я? — постучал себя пальцем по груди Лео. — Барни, я убил Элдрича, именно поэтому мне поставили этот чертов памятник.

Он говорил тихо и спокойно, но лицо его покраснело.

— У меня что, стальные зубы? Искусственная рука? — Он поднял вверх обе руки. — Ну? А мои глаза…

Барни направился к двери.

— Куда ты идешь? — спросил Лео.

— Я знаю, — сказал Барни, открывая дверь, —

что если я поговорю с Эмили хотя бы несколько минут…

— Нет, не поговоришь, — сказал Лео и решительно покачал головой.

Стоя в коридоре в ожидании лифта, Барни думал: «Может быть, это в самом деле был Лео. И может быть, он говорил правду.

Так что мне ничего не удастся без Палмера Элдрича.

Энн была права: надо было ей отдать полпорции, а потом мы могли бы попробовать вместе. Энн, Палмер… это все одно и то же, это все он, создатель. Вот кто он и что он такое, — понял Барни. — Властелин миров. Мы их просто населяем, и он тоже может в них жить, если пожелает. Он может поставить все события с ног на голову, внезапно объявиться, заставить действие идти так, как ему хочется. Он может даже стать любым из нас. Всеми нами, если он этого пожелает. Бессмертный, вне времени и всех вместе взятых осколков других измерений… он может даже существовать в мире, в котором он мертв.

Палмер Элдрич полетел на Проксиму человеком, а вернулся богом».

Стоя в ожидании лифта, Барни Майерсон сказал вслух:

— Палмер Элдрич, помоги мне. Верни мне жену.

Он огляделся вокруг: не было никого, кто мог бы его услышать.

Подошел лифт. Двери открылись. Внутри молча ждали четверо мужчин и две женщины.

Каждый из них был Палмером Элдричем. И мужчины, и женщины: искусственная рука, стальные зубы… исхудавшее, пустое, серое лицо с дженсеновскими глазами.

Почти в один голос, как будто соревнуясь, кто заговорит первым, вся шестерка сказала:

— Тебе не удастся вернуться отсюда в свой собственный мир, Майерсон; на этот раз ты зашел слишком далеко, принял слишком большую дозу. Я предупреждал тебя, когда ты отбирал у меня порцию в бараке Чикен-Покс.

— Ты не можешь мне помочь? — спросил Барни. — Я должен вернуть ее.

— Ты ничего не понимаешь, — сказали все Палмеры Элдричи, одновременно качая головами; это был тот же самый жест, который только что сделал Лео, то же самое решительное «нет». — Тебе ведь уже сказали: поскольку это твое будущее, ты в нем уже существуешь. Значит, здесь нет места для тебя. Это логично. Кому я должен вернуть

Эмили? Тебе? Или подлинному Барни Майерсону, который до этой поры жил своей жизнью? И не думай, что он не пытался вернуть Эмили. Ты не думаешь — а похоже, что не думаешь, — что он пытался что-то предпринять, когда Хнатты развелись? Тогда я сделал для него все, что мог; это было несколько месяцев назад, сразу после того, как Ричард Хнатт был выслан на Марс. Он отбивался и протестовал. Я лично не виню Хнатта, это было грязное дело, которое, естественно, сфабриковал Лео. Кроме того, посмотри на себя.

Шестерка Палмеров Элдричей презрительно махнула руками.

— Ты, как сказал Лео, галлюцинация, ты для меня прозрачен, в буквальном смысле этого слова. Я скажу тебе, кто ты, пользуясь более точной терминологией. Ты призрак, — холодно, без эмоций, заявили шестеро Элдричей.

Барни с яростью смотрел на них, а они отвечали ему спокойным взглядом.

— Попробуй построить свою жизнь на этой предпосылке, — продолжали Элдричи. — Итак, ты получил то, что обещает святой Павел, о чем болтала Энн Хоуторн; ты больше не пленник бренной телесной оболочки — ты обрел эфирную оболочку. Как тебе это нравится, Майерсон?

Они говорили насмешливо, но на их лицах видно было сочувствие, оно явно просматривалось в жутких щелях электронных глаз каждого из них.

— Ты не можешь умереть, ты не ешь, не пьешь и не дышишь воздухом… если захочешь, сможешь проходить сквозь стены, сквозь любой материальный объект. Со временем ты этому научишься. Видимо, у святого Павла на пути в Дамаск было видение, связанное с этим явлением. И на этом дело не кончается. Как видишь, — добавили Элдричи, — я несколько склоняюсь к точке зрения ранних и новых христиан, которую представляет Энн. Это очень многое объясняет.

— А как насчет тебя, Элдрич? — сказал Барни. — Ты мертв, тебя два года назад убил Лео.

«И я знаю, — думал он, — что ты страдаешь так же, как и я; где-то когда-то это должно было случиться и с тобой. Ты принял слишком большую дозу чуинг-зет и теперь не в состоянии вернуться в свое время и в свой мир».

— Этот памятник, — ответила шестерка Элдричей тихо, как шумящий среди далеких холмов ветер, — это полное недоразумение. Один из моих кораблей участвовал в сражении с кораблем Лео недалеко от Венеры, я был, или говорят, что я был, на борту моего корабля, Лео летел на сво-

ем. Мы вместе с Хепберн-Гилбертом проводили конференцию на Венере, а на обратном пути Лео воспользовался случаем и напал на нас. Поэтому и был сооружен памятник — отчасти благодаря сильному политическому давлению, которое оказывал Лео, используя свое экономическое положение. Таким образом мне удалось войти в историю.

По коридору прошли двое: хорошо одетый молодой человек, похожий на начальника, и девушка, вероятно его секретарша. Они с любопытством посмотрели на Барни и шестерых в лифте.

Они перестали быть Палмерами Элдричами, перемена произошла на глазах смотревшего на них Барни. Внезапно они снова стали шестью обычными женщинами и мужчинами. Совершенно разными.

Барни отошел от лифта. Какое-то время он ходил по коридору, потом спустился по лестнице вниз, где висело информационное табло «Наборов П. П.». Он нашел на нем свою фамилию и номер комнаты. Ирония, и даже чересчур большая, заключалась в том, что он теперь занимал пост, которого не так давно пытался добиться от Лео: он фигурировал в перечне как главный ин-

спектор прогнозирования моды, явно превосходя рангом всех консультантов. Значит, если бы он только подождал…

Несомненно, Лео сумел вытащить его с Марса. Спасти его из мира бараков. А из этого следовало очень многое.

Запланированный судебный процесс — или что-то в этом роде — закончился успешно. Вернее, закончится. Очень скоро.

Туман галлюцинаций, создаваемых Палмером Элдричем, ловцом человеческих душ, оказывал свое действие, но ненадолго. Так что, если бы он перестал принимать чуинг-зет после первой дозы…

Может быть, порция наркотика оказалась у Энн Хоуторн вполне умышленно. Именно это склонило его вновь принять чуинг-зет вскоре после первого сеанса. Если так, то ее протесты были фальшивыми, она хотела, чтобы он отобрал у нее порцию и, как крыса в лабиринте, двинулся в сторону источника света. Все это время им манипулировал Палмер Элдрич.

И пути назад не было.

Если верить Элдричу, говорившему устами Лео. Устами всей его компании. Вот ключевое слово: «если».

Он поднялся на лифте на этаж, где находился его кабинет.

Когда он открыл дверь, сидевший за столом человек поднял голову и сказал:

— Закрой дверь. У нас мало времени.

Мужчина, которым был он сам, встал, Барни внимательно взглянул на него, потом задумчиво закрыл дверь, как ему было сказано.

— Спасибо, — холодно сказало его будущее «я». — И перестань волноваться по поводу возвращения в свое время, ты вернешься. Большинство из того, что делал — или, если хочешь так считать, делает — Элдрич, это поверхностные изменения, он заставляет вещи казаться такими, как ему хочется, но это не означает, что они такими становятся. Соображаешь?

— Гм… верю тебе на слово.

— Я прекрасно понимаю, — говорило его будущее «я», — что сейчас мне легко это говорить; Элдрич все еще время от времени появляется, иногда даже публично, но я знаю, и каждый, даже тот, кто не читает газет, знает, что это только галлюцинация, установлено вне всяких сомнений, что его могила находится на «Сигме четырнадцать-бэ». Для тебя все обстоит иначе. Для тебя Палмер Элдрич может войти сюда в любой мо-

мент, то, что для тебя было бы реальностью, для меня будет галлюцинацией — и точно так же будет после твоего возвращения на Марс. Ты встретишь живого, настоящего Палмера Элдрича, и я в самом деле тебе не завидую.

— Скажи только, как мне вернуться, — попросил Барни.

— Эмили тебя уже больше не интересует?

— Я боюсь, — сказал он и ощутил на себе свой собственный понимающий взгляд. — Ладно, — не выдержал он, — так что же мне делать: притворяться, что я не боюсь, чтобы произвести на тебя впечатление? Ты и так все знаешь.

— Превосходство Элдрича над всеми и каждым, кто попробовал чуинг-зет, основано на том, что возврат к действительности происходит крайне медленно и постепенно; он проходит через ряд последовательных стадий, каждая из которых содержит все меньше иллюзий и все больше элементов реальности. Иногда этот процесс занимает годы. Вот почему ООН в конце концов запретила производство чуинг-зет и выступила против Элдрича; Хепберн-Гилберт сначала санкционировал этот наркотик, поскольку действительно верил, что это средство помогает тому, кто его употребляет, перенестись в конкрет-

ную реальность, а тем временем каждому, кто принимал чуинг-зет или видел, как его принимают, стало совершенно ясно, что он действует в точности…

— Значит, я никогда не приходил в себя после первой дозы.

— Совершенно верно, ты так полностью и не вернулся к действительности. А мог бы вернуться, если бы сделал перерыв в двадцать четыре часа. Галлюцинации Элдрича, изменяющие реальность, в конце концов бы прошли, ты был бы свободен. Однако Элдрич подсунул тебе вторую, более сильную дозу; он знал, что тебя выслали на Марс, чтобы ты боролся с ним, хотя понятия не имел, каким образом. Он боялся тебя.

Это казалось странным и неправдоподобным. Элдрич, при всех его возможностях… ведь Элдрич видел памятник в будущем, знал, что когда-то каким-то образом его в конце концов убьют.

Дверь кабинета внезапно открылась.

Вошла Рони Фьюгейт и, увидев их обоих, ничего не сказала, только открыла рот и вытаращила глаза. Наконец она пробормотала:

— Это призрак — думаю, тот, который стоит ближе ко мне.

Она неуверенно вошла внутрь и закрыла за

собой дверь.

— Совершенно верно, — сказал Барни из будущего, пристально глядя на нее. — Можешь проверить, потрогай его.

Она так и сделала, Барни Майерсон увидел, как ее рука погружается в его тело и исчезает.

— Я уже видела призраки, — уже спокойнее сказала она, убирая руку. — Но твоего я еще не видела никогда, дорогой. Каждый, кто принимал эту дрянь, рано или поздно стал призраком, но в последнее время их все меньше. Когда-то, примерно год назад, их везде было полно. Даже Хепберн-Гилберт в конце концов увидел свой призрак, он это заслужил, — добавила она.

— Ты, конечно, понимаешь, — сказал будущий Барни Рони, — что он находится под сильным влиянием Элдрича, несмотря на то что для нас этот человек мертв. Элдрич может в любой момент начать воздействовать на его восприятие, а тогда у него не будет иного выхода, кроме как соответственно прореагировать.

— Что мы можем для тебя сделать? — спросила Рони, обращаясь к Барни.

— Он хочет вернуться на Марс, — сказал будущий Барни. — Они придумали чудовищный план, как уничтожить Элдрича в судебном по-

рядке, что связано с применением вызывающего эпилепсию препарата с Ио, КВ-семь. А может быть, ты этого не помнишь?

— Ведь это дело так и не попало в суд, — сказала Рони. — Элдрич с ними договорился. Они отозвали свою жалобу.

— Мы можем доставить тебя на Марс, — сказал Барни его двойник из будущего, — на корабле «Наборов П. П.». Однако это ничего не даст, поскольку Элдрич не только полетит следом и будет сопровождать тебя, но и встретит тебя по прибытии на место — это его любимое развлечение. Не забывай, что призрак может быть всюду, он не ограничен временем или пространством. Именно это делает его призраком, а также отсутствие метаболизма, по крайней мере в нашем понимании этого слова. Однако, как это ни странно, на него действует гравитация. В последнее время появилось много работ, касающихся этого явления, однако пока известно немногое. — И многозначительно закончил: — Особенно в отношении того, как избавиться от призрака, как заставить его вернуться в свое пространство и время.

— Вы хотите от меня как можно скорее избавиться? — похолодев, спросил Барни.

— Совершенно верно, — спокойно ответил его

двойник из будущего. — Так же, как и ты хочешь как можно скорее вернуться, ты уже знаешь, что совершил ошибку, и… — Он бросил взгляд на Рони и сразу же замолчал. Он не собирался касаться темы Эмили в ее присутствии.

— Проводились какие-то эксперименты с электрошоком с использованием слабого тока и высокого напряжения, — сказала Рони. — И с магнитным полем. В Колумбийском университете…

— До сих пор, — перебил ее будущий Барни, — лучшие результаты были получены в Калифорнийском технологическом, на физическом факультете. Призрак облучают потоком бета-частиц, которые разрушают базовую структуру…

— Ладно, — отрезал Барни. — Я оставлю вас в покое. Я поеду туда и посмотрю, что удастся сделать.

Он чувствовал себя окончательно сломленным, его бросили в нужде все, даже он сам.

«Это уже предел всему, — думал он с бессильной слепой яростью. — Господи!»

— Странно, — сказала Рони.

— Что странно? — спросило его будущее «я», откидываясь на спинку кресла и глядя на Рони со сложенными на груди руками.

— То, что ты сказал о Калтехе, — ответила

Рони. — Насколько я знаю, они там никогда не занимались призраками. Попроси, чтобы он показал тебе обе руки, — тихо сказала она Барни.

— Покажи руки, — сказал Барни. Однако он уже видел медленные перемены, происходившие в его собеседнике, особенно в форме его челюсти; он без труда узнал знакомую угловатость. — Перестань, — хрипло сказал Барни, у него кружилась голова.

Его будущее «я» насмешливо сказало:

— Бог помогает тому, кто сам себе помогает. Ты что, действительно думаешь, тебе что-то даст, если ты будешь здесь болтаться, пытаясь выдумать кого-нибудь, кто бы тебе посочувствовал? Черт побери, мне тебя жаль, я говорил тебе, чтобы ты не принимал вторую порцию. Я бы тебя вытащил, если бы знал как, а я знаю об этом наркотике больше, чем кто-либо из ныне живущих.

— Что с ним будет? — спросила Рони будущего Барни, который уже не был будущим Барни; метаморфоза закончилась, и в кресле, чуть покачиваясь, уже удобно сидел Палмер Элдрич, высокий и седой, как будто чьим-то великодушным жестом сформированный из некоей таинственной массы. — Боже милостивый, неужели он останется здесь навсегда?

— Хороший вопрос, — сказал Палмер Элдрич. — Я сам бы хотел это знать, как в его интересах, так и в своих. Помните, что я погружен во все это значительно глубже, чем он. — Обращаясь к Барни, он сказал: — Кажется, ты понял — не так ли? — что тебе вовсе не обязательно принимать свою обычную форму, ты можешь быть камнем или деревом, реактивным самолетом или куском термозащитной обшивки. Я был всем этим и многим другим. Если ты станешь чем-то неодушевленным — например, куском дерева, — ты не будешь осознавать течения времени. Это довольно интересный выход из положения для того, кто хочет избежать призрачного существования. Я этого не хочу, — тихо говорил он. — Поскольку для меня возвращение в мое время и пространство означает смерть от руки Лео. И поэтому я могу жить только в таком состоянии. Однако в твоем случае… — Он сделал неясный жест и слабо улыбнулся. — Стань камнем, Майерсон. Подожди, хоть я и не знаю, сколько это займет времени, пока действие наркотика пройдет. Десять лет, сто. Миллион лет. Или стань окаменевшей костью в музейной витрине.

Он доброжелательно смотрел на Барни.

Помолчав, Рони сказала:

— Может быть, он прав, Барни.

Барни подошел к столу, поднял стеклянное пресс-папье, потом положил его на место.

— Мы не можем до него дотронуться, — сказала Рони, — но он…

— Способность к манипулированию материальными предметами, — сказал Палмер Элдрич, — доказывает, что призраки присутствуют в данной реальности, что это не только иллюзия. Вспомните полтергейстов… Они могли швырять предметы по всему дому, хотя и были нематериальны…

На одной из стен кабинета блестела табличка: премия, которую Эмили получила три года назад — считая по его времени — на выставке керамики. Она висела здесь — он все еще хранил ее.

— Я хочу стать этой табличкой, — решил Барни.

Она была сделана из твердого дерева, вероятно махагониевого, и бронзы, она просуществует многие годы, а кроме того, он знал, что его будущее «я» никогда ее не выбросит. Он подошел к табличке, думая о том, как перестать быть человеком и стать предметом из бронзы и дерева, висящим на стене кабинета.

— Ты хочешь, чтобы я тебе помог, Майерсон? —

спросил Палмер Элдрич.

— Да, — ответил он.

Какая-то сила подхватила его, он раскинул руки, чтобы сохранить равновесие, и вдруг оказалось, что он летит, падает в бездонный сужающийся туннель. Он чувствовал, как стены сжимаются вокруг него, и знал, что совершил ошибку. Палмер Элдрич еще раз перехитрил его, продемонстрировал власть, которая была у него над каждым, кто принимал чуинг-зет; он сделал нечто, и Барни даже не знал, что именно, но наверняка не то, о чем тот говорил и что обещал.

— Будь ты проклят, Элдрич, — сказал Барни, не слыша своего голоса, ничего не слыша; он падал и падал, полностью лишенный веса, не будучи уже даже призраком. Гравитация перестала на него действовать, видимо, тоже исчезла.

«Оставь мне что-нибудь, — подумал он. — Прошу тебя».

Он осознал, что это молитва, которой уже никто не выслушает. Палмер Элдрич уже давно сделал то, что хотел, и теперь было уже поздно, всегда было поздно.

«Значит, я должен довести дело до суда, — подумал Барни. — Я найду какой-нибудь способ вернуться на Марс, проглочу яд, проведу остаток

своих дней в судебных заседаниях — и выиграю. Не ради Лео и «Наборов П. П.», но ради себя самого».

Внезапно он услышал смех. Это был смех Палмера Элдрича, но он раздавался из… его собственного рта.

Взглянув на свои руки, он увидел сначала левую, бледно-розовую, покрытую кожей с мелкими, почти невидимыми волосками, а потом правую, блестящую, идеально подогнанную искусственную руку, которая была намного лучше настоящей, потерянной много лет назад.

Теперь он знал, что с ним случилось. Произошла чудовищная — по крайней мере, с его точки зрения — перемена, и, может быть, все, что до сих пор произошло, должно было закончиться именно таким образом.

«Это меня убьет Лео Булеро, — понял Барни. — Это обо мне будет говорить та надпись на памятнике.

Теперь я — Палмер Элдрич.

В таком случае, — подумал он, в то время как мир вокруг него начал приобретать конкретные черты, — интересно, как у него идут дела с Эмили.

Надеюсь, что очень плохо».

Глава 12

Широко раскинув руки, он простирался от системы Проксимы Центавра до самой Земли, и он не был человеком, он вернулся не человеком. И он обладал огромной властью. Он мог победить смерть.

Однако он не был счастлив. По одной простой причине: он был одинок. Он пытался избежать этого, прилагая огромные усилия, чтобы увлечь за собой других. Одним из них был Барни Майерсон.

— Майерсон, — дружелюбно сказал он, — что ты, черт побери, теряешь? Ну подумай сам: для тебя все кончено. У тебя нет женщины, которую ты любишь, и ты жалеешь о том, что было. Ты знаешь, что избрал неверный жизненный путь и никто тебя к этому не принуждал. И это нельзя исправить. Даже если ты проживешь миллион лет, ты не вернешь того, что потерял — добровольно. Ты понимаешь меня?

Молчание.

— И ты забываешь об одном, — продолжал он. — Она деградировала в результате этой убо-

гой эволюционной терапии, которой занимается этот немецкий доктор из бывших нацистов. Конечно, она оказалась достаточно умна, а вернее, ее муж оказался достаточно умным, чтобы заставить ее отказаться от этой терапии, так что она продолжает делать свои вазочки, которые все же продаются; она не успела сильно деградировать. Однако… она не понравилась бы тебе такая, какая она сейчас. Ну, ты знаешь: чуть мельче, чуть глупее. Даже если бы ты вновь вернул ее, было бы не так, как раньше, было бы иначе.

Он снова подождал. На этот раз он услышал ответ.

— Ну и ладно!

— Куда ты хотел бы отправиться? — продолжал он. — На Марс? Ладно, значит, на Землю.

— Нет, — ответил Барни Майерсон. — Я эмигрировал добровольно. Я уже сыт по горло, для меня все кончено.

— Ну хорошо. Не на Землю. Посмотрим. Гм… — Он задумался. — На Проксиму, — сказал он. — Ты никогда не видел систему Проксимы и проксов. Я — мост, знаешь? Между двумя системами. В любой момент они могут попасть в Солнечную систему — через меня. Но я их не пускаю. Хотя им все больше не терпится. — Он захихикал. — Они

выстраиваются в очереди. Как дети за билетами в кино на субботний утренник.

— Преврати меня в камень.

— Зачем?

— Чтобы я ничего не чувствовал, — ответил Барни Майерсон. — Больше я ничего не хочу.

— Ты не хочешь быть вместе со мной частью одного-единого организма?

Нет ответа.

— Ты помог бы мне реализовать мои планы. А у меня их много, и они обширны — планы Лео по сравнению с ними ничто.

«Конечно, — думал он, — Лео скоро меня убьет. Скоро — в тех категориях, в которых измеряется время вне моих миров».

— Я познакомлю тебя с одним из своих планов — из числа не самых важных. Может быть, это тебя заинтересует.

— Сомневаюсь, — сказал Барни.

— Я собираюсь стать планетой.

Барни рассмеялся.

— Ты считаешь, что это смешно? — Его охватила злость.

— Я думаю, что ты чокнутый. Не важно, человек ты или существо из межзвездной бездны, но ты сошел с ума.

— Я еще не объяснил, — с достоинством ответил он, — что я под этим понимаю. Я хотел сказать, что намерен стать всеми жителями планеты. Ты знаешь, о какой планете я говорю.

— О Земле.

— Нет, черт побери. О Марсе.

— Почему именно Марс?

— Потому что он… — Элдрич пытался найти подходящие слова. — Он новый. Не цивилизованный. Он полон возможностей. Я собираюсь быть каждым из колонистов, которые туда прилетят. Я поведу их к цивилизации, я буду их цивилизацией.

Молчание.

— Ну давай. Скажи что-нибудь.

— Как это так получается, — сказал Барни, — что ты можешь стать всем, даже целой планетой, а я не могу стать даже табличкой на стене моего кабинета в «Наборах П. П.»?

— Гм, — пробормотал он, сбитый с толку. — Ну хорошо, хорошо, ты можешь быть этой табличкой, какое мне, черт возьми, до этого дело? Становись чем хочешь — ты принял наркотик и имеешь на это право. Это, естественно, иллюзия. Такова правда. Я открываю тебе самый большой секрет: все это галлюцинации. Лишь из-за неко-

торых пророческих черт эти видения кажутся реальностью, подобно снам. Я перемещался в миллионы этих так называемых миров и вернулся из них, я познакомился со всеми. И знаешь, что они собой представляют? Ничего! Это то же самое, что и электрический импульс, с помощью которого лабораторная крыса раз за разом раздражает определенные участки своего мозга. Это отвратительно.

— Понятно, — сказал Барни Майерсон.

— И, зная об этом, ты хочешь закончить свои дни в одном из них?

— Именно так, — подумав, ответил Барни.

— Хорошо! Я сделаю тебя камнем и положу на берегу моря, можешь лежать так миллион лет и слушать шум волн. Надо полагать, ты будешь доволен.

«Идиот, — со злостью думал он. — Камень! Господи!»

— Это промывание мозгов? — вдруг спросил Барни. — Для этого тебя прислали сюда проксы?

— Никто меня не присылал. Я появился здесь по собственной воле. Это лучше, чем жить в пустоте среди далеких звезд. — Он захихикал. — Ты наверняка не страдаешь избытком серого вещества — и хочешь быть камнем. Послушай, Майерсон,

ведь на самом деле ты вовсе не хочешь стать камнем. Ты хочешь умереть.

— Умереть?

— Хочешь сказать, что ты об этом не знал? — недоверчиво спросил он. — Перестань!

— Нет. Я не знал.

— Это очень просто, Майерсон, я перенесу тебя в мир, где ты будешь гниющим трупом пса, которого переехала машина; подумай, какое это будет для тебя облегчение. Ты будешь мной, ты — это я, и Лео Булеро тебя убьет. Это и будет этот дохлый пес, Майерсон, это и будет труп в канаве.

«А я буду жить, — подумал он. — Вот мой дар для тебя, и помни, что «gift» — по-английски «дар» — по-немецки означает «яд». Через несколько месяцев я позволю тебе умереть вместо меня, и будет установлен тот памятник на «Сигме четырнадцать-бэ», но я буду продолжать жить в твоем теле. Когда ты вернешься с Марса, чтобы снова приступить к работе в «Наборах П. П.», ты будешь мной. Таким образом я избегну своей участи.

Это так просто».

— Ладно, Майерсон, — закончил он, утомленный разговором. — Вперед и с песней, как говорится. Можешь считать, что я тебя оставил в покое, мы больше не единый организм. На-

ши пути разойдутся, так как ты этого хотел. Ты находишься на корабле Коннера Фримана, стартующем с Венеры, а я — снова в Чикен-Покс, у меня там небольшой огород, и в любой момент я могу пофлиртовать с Энн Хоуторн. Лично меня такая жизнь вполне устраивает. Надеюсь, что и тебе понравится твоя.

В следующее мгновение он оказался на Марсе.

Он стоял в кухне своей квартирки в Чикен-Покс и жарил на сковородке местные грибы… в воздухе чувствовался запах масла и приправ, а из комнаты доносились звуки симфонии Гайдна из портативного магнитофона.

«Все спокойно, — удовлетворенно подумал он. — Именно это мне и нужно, немного покоя и тишины. Все же я привык к этому там, в межзвездной пустоте».

Он зевнул, потянулся и сказал:

— Удалось.

Сидевшая в комнате Энн Хоуторн оторвалась от газеты с последними новостями информационного агентства ООН и спросила:

— Что удалось, Барни?

— Положить приправы в самый раз, — радостно сказал он.

«Я — Палмер Элдрич, и я здесь, а не там. Я пере-

живу нападение Лео и буду здесь наслаждаться жизнью, на что Барни не был способен.

Посмотрим, как ему это понравится, когда орудия корабля Лео разнесут его корабль на атомы. Тогда он пожалеет о своем выборе».

Барни Майерсон зажмурился от падавшего сверху света. Мгновение спустя он понял, что находится на корабле: помещение выглядело как спальня, совмещенная с гостиной, но он заметил, что вся мебель была тщательно привинчена к полу. Кроме того, сила тяжести была совершенно иной; создаваемая искусственно, она мало походила на земную.

Неподалеку он заметил иллюминатор, который, правда, был ненамного больше ячейки пчелиных сот, но за ним видна была пустота, простиравшаяся за толстым пластиком. Он подошел и посмотрел. Большую часть обзора занимало ослепительное Солнце, и он потянулся к переключателю, чтобы включить черный фильтр. При этом он взглянул на свою руку. На свой искусственный, металлический, прекрасно работающий протез.

Он сразу же вышел из каюты и направился по коридору к закрытым дверям рубки управления; он постучал стальными пальцами, и тяжелая

перегородка отодвинулась в сторону.

— Да, мистер Элдрич? — спросил молодой пилот, уважительно кланяясь.

— Пошли радиограмму, — сказал он.

Пилот достал ручку и поднес ее к блокноту, закрепленному на краю пульта.

— Кому, сэр?

— Мистеру Лео Булеро.

— Лео… Булеро, — быстро записал пилот. — Это надо передать на Землю, сэр? Если так, то…

— Нет. Он где-то здесь, на своем корабле. Передай ему… — Он замолчал и задумался.

— Вы хотите с ним поговорить, сэр?

— Я не хочу, чтобы он меня убил, — ответил он. — Именно это я собираюсь ему сказать. Тебя это тоже касается. И всех, кто кроме нас находится на борту этой огромной тихоходной жестянки.

«Это безнадежно, — подумал он. — Кто-то из организации Феликса Блау, предусмотрительно оказавшийся на Венере, видел меня на борту этого корабля; Лео знает, что я здесь. Это конец».

— Вы хотите сказать, что конкуренты готовы на все? — побледнев, удивленно спросил пилот.

Появилась Зоя Элдрич, его дочь, в тирольской юбке и туфлях на меху.

— Что происходит?

— Поблизости находится Лео, — ответил он. — У него вооруженный корабль и поддержка ООН, мы попали в ловушку. Не надо было лететь на Венеру. Хепберн-Гилберт наверняка об этом знал. Попробуй связаться с Лео, — сказал он пилоту. — Я возвращаюсь в каюту.

«Я все равно ничем не могу помочь», — подумал он и направился к выходу.

— Черт побери, — выругался пилот, — поговорите же с ним! Ведь это вы ему нужны.

Он встал с кресла, демонстративно покидая свое место.

Барни Майерсон сел и, тихо вздохнув, включил передатчик, настроил его на частоту экстренной связи, взял микрофон и сказал:

— Лео, выродок ты этакий. Ты до меня добрался, ты заманил меня сюда, и теперь я у тебя в руках. У тебя и у твоего проклятого флота, который ждал меня с тех пор, как я вернулся с Проксимы. Ты опередил меня уже на старте.

Он был теперь больше зол, чем испуган.

— На этом корабле нет никаких средств защиты. Ты будешь стрелять в безоружных. Это транспортный корабль.

Он замолчал, пытаясь что-нибудь придумать. Может быть, сказать, что он — Барни Майерсон

и что Элдрича никогда не захватить и не убить, поскольку он постоянно будет перемещаться из одного бытия в другое? И что Лео в действительности убьет человека, которого знает и любит?

— Скажи что-нибудь, — поторопила Зоя.

— Лео, — сказал он в микрофон, — позволь мне вернуться на Проксиму. Прошу тебя.

Он ждал, прислушиваясь к трескам в динамике.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Я отказываюсь от своих слов. Я никогда больше не покину Солнечную систему, и тебе не удастся меня убить, даже с помощью Хепберн-Гилберта или кого-нибудь еще из ООН. Ну как? — сказал он Зое. — Как тебе это нравится? С меня хватит.

Он с треском опустил микрофон.

Первый выстрел лазерного орудия почти расколол корабль пополам.

Барни Майерсон лежал на полу рубки, прислушиваясь к свисту уходящего воздуха и грохоту закрывающихся перегородок.

«Я получил что хотел, — подумал он. — По крайней мере, чего я хотел, по мнению Палмера Элдрича. Смерти».

Истребитель Лео Булеро не спеша занимал позицию, готовясь ко второму, решающему

выстрелу. На экране перед креслом пилота он видел пламя его дюз. Корабль был действительно близко.

Он лежал, готовясь к смерти.

Внезапно он оказался в своей комнате на Марсе, а навстречу ему шел Лео Булеро.

Энн Хоуторн встала с кресла и с интересом сказала:

— Значит, это вы — Лео Булеро. У меня много вопросов, в основном насчет вашего продукта кэн-ди…

— Я не произвожу кэн-ди, — сказал Лео. — Я категорически отрицаю подобные слухи. Я не занимаюсь никакими нелегальными делами. Послушай, Барни, ты уже принял это… ну, ты знаешь, — хрипло прошептал он, наклонившись к Майерсону. — Да или нет?

— Я выйду на минутку, — понимающе сказала Энн.

— Не надо, — буркнул Лео и посмотрел на Феликса Блау, который кивнул. — Я знаю, что ты работаешь на Феликса, — сказал он ей и со злостью ткнул Барни в бок. — Не думаю, чтобы он это принял, — сказал он как бы про себя. — Я обыщу его.

Он начал шарить в карманах Майерсона, а

потом залез ему под рубашку.

— Есть. — Он вытащил ампулу с токсином. — Нетронутая, — с отвращением сказал он Феликсу Блау, открыв пробку и заглянув внутрь. — Вот почему Фейн не получил от него никаких сообщений. Он струсил.

— Я не струсил, — сказал Барни. («Я был далеко отсюда, — думал он. — Не знаете?») — Это из-за чуинг-зет, — пробормотал он. — Я был очень далеко.

— Да, ты был без сознания около двух минут, — презрительно сказал Лео. — Мы пришли сюда сразу же после того, как ты заперся; какой-то тип — Норм или как его там — открыл нам универсальным ключом; кажется, это он главный в этом бараке.

— Вы должны помнить, — сказала Энн, — что субъективное течение времени после приема чуинг-зет не совпадает с реальным, для него могли пройти часы или дни.

Она сочувственно посмотрела на Барни.

— Правда?

— Я умер, — сказал Барни и сел. Его тошнило. — Ты убил меня.

Наступила многозначительная тишина.

— Ты обо мне говоришь? — наконец спросил

Феликс Блау.

— Нет, — ответил Барни.

Это не имело значения. По крайней мере, пока он снова не примет наркотик. Когда он сделает это, наступит конец, Палмер Элдрич выживет, одержит победу. И именно это было невыносимо, не его собственная смерть — которая когда-нибудь все равно должна была наступить, — но тот факт, что Палмер Элдрич станет бессмертным.

«Смерть, — подумал он, — где твоя победа над…»

— Я чувствую себя оскорбленным, — заявил Феликс Блау. — Что это должно означать? Тебя кто-то убьет, Майерсон? Черт побери, мы вытащили тебя с того света. А путешествие сюда было трудным и, по моему мнению, рискованным для мистера Булеро, моего клиента; это район, где орудует Элдрич.

Он подозрительно огляделся вокруг.

— Пусть он примет этот токсин, — сказал он Лео, — и возвращаемся на Землю, прежде чем не случилось нечто ужасное. А я чувствую, что это может случиться.

Он направился к двери.

— Примешь, Барни? — спросил Лео.

— Нет, — ответил он.

— Почему?

— Жизнь слишком много для меня значит.

«Я решил, что с искуплением вины пора кончать», — подумал он.

— Что с тобой было во время перемещения?

Он встал, голова у него кружилась.

— Он ничего не скажет, — произнес от дверей Феликс Блау.

— Барни, — сказал Лео, — у нас не было другого выхода. Я вытащу тебя отсюда, я в этом уверен. А эпилепсия типа Кью — это еще не конец…

— Ты зря теряешь время, — прервал его Феликс Блау, выходя в коридор. Он бросил на Барни еще один презрительный взгляд. — Ты совершил ошибку, понадеявшись на этого парня.

— Он прав, Лео, — сказал Барни.

— Ты никогда не выберешься с Марса, — сказал Лео. — Я никогда не помогу тебе вернуться на Землю. Что бы ни случилось.

— Я знаю.

— Однако тебя это не волнует. Ты намерен провести остаток своих дней, принимая этот проклятый наркотик.

Лео со злостью смотрел на него, сбитый с толку.

— Наоборот, — сказал Барни, — я никогда боль-

ше этого не сделаю.

— Что же ты собираешься делать?

— Буду здесь жить, — ответил Барни. — Как колонист. Буду работать в огороде наверху и делать все то, что здесь делают. Копать оросительные каналы и так далее.

Он смертельно устал, тошнота не проходила.

— Мне очень жаль, — сказал он.

— Мне тоже, — сказал Лео. — И я не могу тебя понять.

Лео взглянул на Энн Хоуторн, но и от нее не получил ответа. Он пожал плечами и подошел к двери. Стоя на пороге, он хотел еще что-то сказать, но передумал и пошел за Феликсом Блау. Барни слышал звук их шагов, когда они поднимались по трапу наверх. Наконец шаги смолкли и наступила тишина. Барни дотащился до раковины и налил себе стакан воды.

— Я тебя понимаю, — сказала Энн.

— В самом деле?

У воды был чудесный вкус, она смыла последние следы чуинг-зет.

— Ты частично стал Палмером Элдричем, — сказала она. — А он частично стал тобой. Вы уже не можете разделиться, ты всегда будешь…

— Ты с ума сошла, — сказал он, тяжело опи-

раясь о раковину, чтобы сохранить равновесие: у него все еще подгибались ноги.

— Элдрич получил от тебя то, что хотел, — сказала Энн.

— Нет, — сказал он. — Поскольку я вернулся слишком быстро. Я должен был оставаться там еще пять или десять минут. Когда Лео выстрелит во второй раз, на том корабле будет Палмер Элдрич, не я.

«И именно поэтому мне незачем рисковать своим здоровьем, реализуя этот безумный, надуманный план, который мог родиться только от отчаяния, — подумал он. — Этот человек, или что бы это ни было, вскоре погибнет…»

— Понимаю, — сказала Энн. — И ты уверен, что те события будущего, которые ты видел…

— Подлинные.

Поскольку во время эксперимента с наркотиком он не был полностью зависим от того, что ему предлагалось.

А кроме того, он был ясновидцем.

— Палмер Элдрич об этом тоже знает, — сказал он. — Он сделает… делает все возможное, чтобы уцелеть. Однако он не уцелеет. Не сможет.

«По крайней мере, — подумал он, — вероятно, не сможет».

Однако в этом и заключалась сущность будущего как переплетения различных возможностей. Он давно уже принимал это как должное и научился этим пользоваться, интуитивно зная, какую линию поведения выбрать. Поэтому он и работал у Лео.

— Но Лео тем не менее ничего для тебя не сделает, — сказала Энн. — Он не заберет тебя обратно на Землю. Ты знаешь, что он говорил серьезно? Я поняла по выражению его лица: пока он жив, он не…

— Землей, — ответил Барни, — я уже сыт по горло.

Он тоже говорил серьезно, прекрасно отдавая себе отчет в том, какая жизнь ожидает его здесь, на Марсе.

Если она была достаточно хороша для Палмера Элдрича, она была хороша и для него. Поскольку Палмер Элдрич жил не одной жизнью, и кем бы он ни был, человеком или зверем, он обладал глубокой, истинной мудростью. Соединение с Элдричем во время перемещения оставило отпечаток на Барни, некий знак абсолютного знания. Он думал о том, не получил ли и Элдрич что-то от него взамен.

«Может быть, я знал нечто, что ему пригоди-

лось? — спрашивал он себя. — Какое-то предчувствие? Настроение или воспоминание?»

Хороший вопрос. Он пришел к выводу, что ответ на него будет отрицательным.

«Наш противник — это нечто крайне отвратительное и чуждое, — думал он, — которое овладело представителем нашего вида во время долгого путешествия с Земли на Проксиму… и оно, однако, знало значительно больше о смысле нашего существования, чем я. Эти столетия бесплодного блуждания в пространстве, в ожидании какой-либо формы жизни, которой оно могло бы овладеть и которой могло бы стать… может быть, именно они были источником этого знания, не опыт, не бесконечное одиночество. В сравнении с ним я ничего не знаю, ничего не достиг».

В дверях стояли Фрэн и Норм Шайн.

— Эй, Майерсон, ну и как? Что ты думаешь о чуинг-зет?

Они вошли в комнату, с нетерпением ожидая ответа.

— Не приживется, — буркнул Барни.

— Я так не считаю, — разочарованно сказал Норм. — Он понравился мне намного больше, чем кэн-ди. Вот только… — Он нахмурился и неуверенно посмотрел на жену. — Я все время

ощущал чье-то присутствие. Это все портило. Естественно, я снова перенесся в…

— Мистер Майерсон, похоже, устал, — перебила его Фрэн. — Расскажешь ему обо всем позже.

Смерив Барни взглядом, Норм Шайн сказал:

— Не пойму, что ты за птица, Барни. Сразу же после первого сеанса ты отобрал порцию у этой девушки, мисс Хоуторн, убежал и заперся в своей комнате, чтобы ее сжевать, а теперь ты говоришь… — Он философски пожал плечами. — Ну, может быть, ты принял слишком много для одного раза. Ты перебрал дозу, парень. Я собираюсь попробовать еще раз. Естественно, осторожно. Не так, как ты. — И чтобы добавить себе уверенности, повторил: — Я считаю, что это хорошая вещь.

— Кроме, — сказал Барни, — этого ощущения чьего-то присутствия.

— Я это тоже ощущала, — тихо сказала Фрэн. — И я не собираюсь принимать этот чуинг-зет снова. Я… боюсь. Не знаю, что это, но я боюсь.

Она задрожала и прижалась к мужу, тот машинально обнял ее.

— Не бойся. Оно просто пытается жить, как и мы все.

— Но это было так… — начала Фрэн.

— Нечто столь древнее, — сказал Барни, — должно казаться нам неприятным. Оно лежит вне пределов нашего восприятия времени. Это чудовищно.

— Ты говоришь так, как будто знаешь, что это, — сказал Норм.

«Да, знаю, — подумал Барни. — Поскольку, как сказала Энн, часть его теперь во мне. И так будет, пока оно не умрет через несколько месяцев, вернув ту часть меня, которую оно вобрало в себя. Я переживу неприятные мгновения, когда Лео выстрелит во второй раз. Интересно, какое ощущение…»

— Оно имеет имя, — сказал он всем, а в особенности Норму Шайну и его жене, — которое вы бы узнали, если бы я вам его назвал. Хотя оно само никогда бы себя так не назвало. Мы его так назвали. Исходя из своего опыта, с расстояния в тысячи лет. Но рано или поздно мы должны были с ним столкнуться непосредственно, лицом к лицу.

— Ты имеешь в виду Бога, — сказала Энн Хоуторн.

Ему не хотелось отвечать, он чуть заметно кивнул.

— Однако… это зло?.. — прошептала Фрэн Шайн.

— Это лишь одна из точек зрения, — ответил Барни, — то, как мы это воспринимаем. Ничего больше.

«Неужели мне еще не удалось вас убедить? — думал он. — Неужели я должен вам говорить, как оно пыталось весьма своеобразно мне помочь? И как оно было связано по рукам и ногам силами судьбы, которые царят над всеми живыми существами, включая нас самих».

— О господи, — сказал Норм.

Уголки его рта опустились, какое-то мгновение он выглядел как обманутый ребенок.

Глава 13

Позже, когда у Барни прошла дрожь в ногах, он вывел Энн на поверхность и показал ей зачатки своего огорода.

— Знаешь, — сказала она, — нужно обладать смелостью, чтобы доставить кое-кому неприятности.

— Ты имеешь в виду Лео?

Он знал, что она хотела сказать; он не собирался устраивать дискуссию на тему того, какие неприятности он доставил Лео, Феликсу Блау и всей фирме «Наборы П. П.» вместе с кэн-ди.

— Лео взрослый человек, — сказал он. — Он с этим смирится. Он поймет, что сам должен справиться с Элдричем, и сделает это.

«В то время как попытка обвинить Элдрича в суде не дала бы результатов, — подумал он. — Об этом говорит мне мое чувство ясновидения».

— Свекла, — сказала Энн. Она присела на бампер автоматического экскаватора и разглядывала пакетики с семенами. — Я терпеть не могу свеклу, так что, пожалуйста, не сажай ее здесь, даже эту мутировавшую, которая зеленая, высокая и

кожистая, а на вкус напоминает старую пластиковую дверную ручку.

— Ты не думала о том, — спросил он, — чтобы перебраться сюда жить?

— Нет.

Смутившись, она разглядывала пульт управления трактора, скребя пальцем старую, частично сгоревшую изоляцию одного из кабелей.

— Однако я полагаю, — наконец сказала она, — что время от времени буду заходить к вам на обед. Все-таки вы наши ближайшие соседи.

— Послушай, — сказал он, — эти развалины, в которых ты живешь…

Он замолчал.

«Я уже воспринимаю себя так же, — подумал он, — как и прочих обитателей этого убогого марсианского барака, на ремонт которого специалистам потребовалось бы лет пятьдесят…»

— Мой барак, — сказал он, — может побить твой в любой день недели.

— В воскресенье тоже? Может быть, даже два раза?

— В воскресенье, — ответил он, — нам нельзя. В этот день мы читаем Библию.

— Не шути так, — тихо сказала Энн.

— Я не шучу.

Он действительно говорил серьезно.

— То, что ты сказал о Палмере Элдриче…

— Я хотел тебе сказать только одну вещь, — сказал Барни, — может быть, две. Во-первых, он — ты знаешь, о ком я говорю, — действительно существует, он действительно здесь. Хотя не в таком виде, как мы думали, и не в таком, в каком мы до сих пор с ним сталкивались… может быть, мы никогда не сумеем этого понять. А во-вторых… — Он поколебался.

— Ну, говори.

— Он почти ничем не может нам помочь, — сказал Барни. — Может быть, чуть-чуть. Однако он здесь, с раскрытыми объятиями, он понимает нас и хочет помочь. Он пытается… но это не так просто. Не спрашивай меня почему. Может быть, даже он сам этого не знает. Может быть, его это тоже удивляет. Даже после того, как у него было столько времени, чтобы все обдумать.

«И все то время, которое будет у него потом, — думал Барни, — если ему удастся скрыться от Лео Булеро, от одного из нас, от человека… Знает ли Лео, против чего он выступает? А если бы знал… отказался бы он от своего плана?»

Наверняка нет. Как ясновидец, Барни был в этом уверен.

— То, что проникло в Элдрича, — сказала Энн, — и с чем мы столкнулись, превосходит нас, и, как ты говоришь, мы не можем оценить или понять, чего оно хочет и к чему стремится; оно остается для нас таинственным и непонятным. Однако я знаю, что ты ошибаешься, Барни. То, что является к нам с пустыми, раскрытыми руками, не может быть Богом. Это существо, созданное кем-то еще более совершенным, так же как и мы; Бог не был никем создан, и он ничему не удивляется.

— Я ощущаю вокруг него, — сказал Барни, — некую божественную ауру. Все время.

«А в особенности тогда, — думал он, — когда Элдрич подталкивал меня, пытался заставить меня попробовать…»

— Естественно, — сказала Энн. — Я думала, что ты это понимаешь. Он присутствует в каждом из нас, и в любой высшей форме жизни, такой как та, о которой мы говорим. Его присутствие будет ощущаться еще больше. Однако позволь мне рассказать тебе мой анекдот про кота. Он очень короткий и простой. Хозяйка приглашает гостей, и у нее на кухонном столе лежит великолепный пятифунтовый кусок мяса. Она беседует с гостями в комнате, выпивает несколько рюмочек и так далее. Потом она извиняется перед гостями и

идет на кухню, чтобы поджарить мясо… но его нет. А в углу, лениво облизываясь, сидит кот.

— Кот съел мясо, — сказал Барни.

— В самом деле? Хозяйка зовет гостей, они начинают обсуждать случившееся. Мяса нет, целых пяти фунтов, а в кухне сидит сытый и довольный кот. «Взвесьте кота», — говорит кто-то. Они уже немного выпили, и эта идея им кажется хорошей. Итак, они идут в ванную и взвешивают кота на весах. Кот весит ровно пять фунтов. Все это видят, и один из гостей говорит: «Теперь все ясно. Мясо там». Они уже уверены, что знают, что произошло; у них есть эмпирическое доказательство. Потом кто-то начинает сомневаться и удивленно спрашивает: «А куда же девался кот?»

— Я уже слышал этот анекдот, — сказал Барни, — и не вижу связи…

— Эта шутка — квинтэссенция онтологической проблемы. Если только задуматься…

— Черт побери, — со злостью сказал он. — Кот весит пять фунтов. Это чушь — он не мог съесть мясо, если весы верные.

— Вспомни о хлебе и вине, — спокойно сказала Энн.

Он вытаращил глаза. До него, кажется, дошел смысл сказанного.

— Да, — продолжала она. — Кот — это не мясо. А тем не менее… он мог быть формой, которую в этот момент приняло мясо. Ключевое слово здесь — «быть». Не говори нам, Барни, что то, что проникло в Палмера Элдрича, — Бог, поскольку ты не знаешь Его до такой степени, никто не знает. Однако это существо из межзвездной бездны может быть — так же, как и мы, — создано по Его образу и подобию. Тем способом, который Он выбрал, чтобы явиться нам. Так что оставь в покое онтологию, Барни, не говори о том, что Он из себя представляет.

Она улыбнулась ему, надеясь, что он ее поймет.

— Когда-нибудь, — сказал Барни, — мы, может быть, будем поклоняться этому памятнику.

«И не в знак признания заслуг Лео Булеро, — думал он, — хотя он заслуживает — вернее, будет заслуживать — уважения. Нет, мы все как один сделаем то, к чему стремлюсь я, — мы сделаем его олицетворением сверхъестественных сил в нашем убогом понимании. И в определенном смысле мы будем правы, поскольку эти силы в нем есть. Однако, как говорит Энн, что касается его истинной природы…»

— Я вижу, что ты хочешь остаться один на

один со своим огородом, — сказала она. — Я, наверное, пойду к себе в барак. Желаю успеха. И, Барни… — Она протянула руку и крепко сжала его ладонь. — Никогда не пресмыкайся. Бог, или кем бы ни было это существо, с которым мы столкнулись, не хотел бы этого. А если бы даже и хотел, ты не должен этого делать.

Она наклонилась, поцеловала его и пошла.

— Ты думаешь, что я прав? — крикнул ей вслед Барни. — Ты считаешь, имеет смысл устраивать здесь огород? Или все это кончится как обычно…

— Не спрашивай меня. Не знаю.

— Ты заботишься только о спасении собственной души! — со злостью крикнул Барни.

— Уже нет, — сказала она. — Я страшно сбита с толку, и все меня раздражает. Послушай…

Она снова подошла к нему, ее глаза были темны и лишены блеска.

— Ты знаешь, что я видела, когда ты схватил меня и отобрал порцию чуинг-зет? Действительно, видела, мне не показалось.

— Искусственную руку. Деформированную челюсть. Глаза…

— Да, — тихо сказала она. — Электронные, искусственные глаза. Что это значит?

— Это значит, — ответил Барни, — что ты виде-

ла абсолютную реальность. Истину, скрытую за внешними проявлениями.

«Пользуясь твоей терминологией, — подумал он, — ты видела стигматы».

Несколько мгновений она вглядывалась в него широко раскрытыми глазами.

— Значит, такой ты на самом деле? — наконец сказала она, отшатываясь от него с гримасой отвращения на лице. — Почему ты не такой, каким кажешься? Ведь сейчас ты не такой. Не понимаю. Лучше бы я не рассказывала тебе этот анекдот про кота, — дрожащим голосом добавила она.

— Дорогая моя, — сказал он, — для меня ты выглядела точно так же. Какое-то мгновение. Ты отталкивала меня рукой, которой явно не было у тебя при рождении.

И так легко это могло случиться снова. Постоянное Его присутствие, если не физическое, то потенциальное.

— Что это — проклятие? — спросила Энн. — Я имею в виду, на нас уже лежит проклятие первородного греха, неужели это повторяется снова?

— Ты должна знать, ты помнишь, что ты видела. Его стигматы: мертвую искусственную руку, дженсеновские глаза и стальную челюсть.

«Символы его присутствия, — думал он, — сре-

ди нас. Непрошеного. Не желаемого сознательно. И нет таинства, через которое мы могли бы пройти, чтобы очиститься; мы не можем заставить его с помощью наших осторожных, хитрых, испытанных временем кропотливых ритуалов, чтобы он ограничился специфическими проявлениями, такими как хлеб и вода или хлеб и вино. Он везде, он распространяется во всех направлениях. Он заглядывает нам в глаза, он выглядывает из наших глаз».

— Это цена, — сказала Энн, — которую мы должны заплатить. За наше желание познать чуинг-зет. Это то же самое, что и яблоко с древа познания.

В голосе ее звучала горечь.

— Да, — согласился он, — но я думаю, что я уже ее заплатил.

«Или был очень близок к этому, — подумал он. — То, что мы знали лишь в земной оболочке, пожелало, чтобы я заменил его в момент смерти; вместо Бога, принимающего смерть за людей, который был у нас когда-то, мы столкнулись — на какое-то мгновение — с высшим существом, которое требовало, чтобы мы умерли за него.

Можно ли из-за этого причислить его к силам зла? — думал он. — Верю ли я в аргументы, ко-

торые я представил Норму Шайну? Ну что ж, это наверняка ставит его на низшую ступень по сравнению с тем, кто пришел к нам две тысячи лет назад. Кажется, что это не что иное, как желание, как говорит Энн, существа, созданного из праха, достичь бессмертия; мы все этого хотим, и все мы охотно принесли бы ради этого в жертву козла или ягненка. Жертва необходима. А стать ею никто не хочет. На этом основана вся наша жизнь. И это именно так».

— До свидания, — сказала Энн. — Я оставляю тебя одного, можешь сидеть в кабине экскаватора и докапываться до истины. Может быть, когда мы снова увидимся, оросительная система будет закончена.

Она еще раз улыбнулась ему и пошла в сторону своего барака.

Посмотрев ей вслед, он вскарабкался в кабину и запустил скрипевший, забитый песком механизм. Машина жалобно взвыла.

«Счастливы те, кто спит», — подумал он.

Для машины как раз прозвучали трубы Страшного суда, к которому она еще не была готова.

Он выкопал около полумили канала, пока еще лишенного воды, когда обнаружил, что к нему подкрадывается какое-то марсианское животное.

Он сразу же остановил экскаватор и выглянул наружу, пытаясь в лучах холодного марсианского солнца разглядеть, что это.

Оно немного напоминало худого, изголодавшегося старика, стоящего на четвереньках, и Барни сообразил, что это наверняка тот самый шакал, о котором его постоянно предупреждали. Во всяком случае, что бы это ни было, оно, вероятно, не ело уже много дней, оно жадно глядело на него, держась на безопасном расстоянии. Внезапно он уловил его мысли. Он был прав. Это был шакал-телепат.

— Можно тебя съесть? — спросил шакал, тяжело дыша и с вожделением разевая пасть.

— Господи, только не это, — сказал Барни.

Он лихорадочно искал в кабине экскаватора что-нибудь, что могло бы послужить в качестве оружия, пальцы его сжались на рукоятке тяжелого гаечного ключа. Он недвусмысленным жестом показал его марсианскому хищнику: ключ и то, как он его держал, говорило само за себя.

«Слезай с этой штуки, — с надеждой и отчаянием думал марсианский хищник. — Там мне до тебя не добраться».

Последняя мысль не предназначалась Барни, но, видимо, вырвалась невольно. Зверю явно не

хватало хитрости.

«Я подожду, — думал он про себя. — В конце концов ему придется слезть».

Барни развернул экскаватор и двинулся обратно к бараку Чикен-Покс. Машина, с шипением и треском, двигалась удручающе медленно, казалось, что она вот-вот сдохнет. Барни чувствовал, что не доедет до барака.

«Может быть, зверь прав, — подумал он. — Мне придется слезть и достойно его встретить. Меня пощадила наивысшая форма жизни, которая овладела Палмером Элдричем и появилась в нашей системе, — а теперь меня должен сожрать глупый зверь. Конец долгому бегству, — думал он. — Окончательное решение, которого еще пять минут назад, несмотря на свои способности к ясновидению, я не предвидел. Может быть, не хотел предвидеть… как триумфально объявил бы доктор Смайл, окажись он здесь».

Экскаватор взвыл, затрясся и с болезненным стоном остановился, еще несколько секунд в нем теплилась жизнь, потом она прекратилась.

Несколько мгновений Барни молча сидел за пультом машины. Старый марсианский шакал сидел неподалеку, не спуская с него глаз.

— Ладно, — сказал ему Майерсон. — Иду.

Он выскочил из кабины, размахивая тяжелым ключом.

Зверь бросился на него.

В пяти футах от Барни он заскулил, внезапно свернул в сторону и промчался мимо, не коснувшись его, Барни обернулся, глядя на шакала.

«Нечистый», — думал зверь, остановившись на безопасном расстоянии и со страхом глядя на человека.

— Ты нечистый, — с отвращением сообщил он.

«Нечистый, — подумал Барни. — Как это? Почему?»

«Просто нечистый, — мысленно ответил хищник. — Посмотри на себя. Я не могу тебя съесть, я бы заболел».

Зверь не двигался с места, глядя на него с разочарованием и отвращением. Он был испуган.

— Может быть, мы все для тебя нечистые, — сказал Барни. — Все земляне чужие для этого мира. Все пришельцы.

— Нет, только ты, — угрюмо сказал зверь. — Взгляни только на — тьфу! — свою правую руку. С тобой что-то не в порядке. Как ты можешь так жить? Ты не можешь каким-то образом очиститься?

Барни не утруждал себя разглядыванием своей

руки, в этом не было необходимости.

Спокойно, со всем достоинством, на которое он был способен, он двинулся по рыхлому песку к своему бараку.

Ночью, когда он укладывался на свою узкую койку, кто-то постучал в дверь.

— Эй, Майерсон! Открой.

Он надел халат и открыл дверь.

— Этот корабль опять прилетел! — возбужденно крикнул Норм Шайн, хватая его за рукав. — Ну, знаешь, тот, с людьми из «Чуинг-зет». У тебя еще остались скины?! Если так, то…

— Если они хотят меня видеть, — сказал Барни, высвобождая рукав, — им придется спуститься сюда. Можешь им так и передать.

Он закрыл дверь.

Норм ушел, громко топая.

Барни сел за стол, достал из ящика пачку — последнюю — земных сигарет и закурил; он сидел и размышлял, слыша наверху и вокруг топот ног соседей.

«Как большие мыши, — подумал он, — почуявшие приманку».

Дверь его комнаты открылась. Барни, не поднимая глаз, продолжал рассматривать крышку стола, пепельницу, спички и пачку «Кэмела».

— Мистер Майерсон…

— Я знаю, что ты хочешь сказать, — ответил Барни.

Войдя внутрь, Палмер Элдрич закрыл дверь, сел напротив Барни и сказал:

— Все верно, друг мой. Я отпустил тебя сразу же перед тем, как это произошло, перед тем, как Лео выстрелил во второй раз. Это было тщательно продуманное решение. У меня было достаточно времени, чтобы его принять, — чуть больше трех столетий. Я не скажу тебе почему…

— Меня не волнует почему, — прервал его Барни.

Он все еще не поднимал глаз.

— Ты не можешь смотреть на меня? — спросил Палмер Элдрич.

— Я нечистый, — сообщил Барни.

— КТО ТЕБЕ ЭТО СКАЗАЛ?

— Зверь в пустыне. Он никогда меня до этого не видел, он узнал об этом, когда подошел ближе.

«С расстояния в пять футов, — подумал он. — Этого хватило».

— Гм. Может быть, у него были свои причины…

— У него не было никаких причин. Собственно говоря, даже наоборот. Он был полуживой от го-

лода и мечтал о том, чтобы меня съесть. Поэтому он говорил правду.

— Для примитивного разума, — сказал Элдрич, — нечистый и святой — это одно и то же. Это просто табу. Ритуальное…

— О, черт побери! — со злостью сказал Барни. — Он говорил правду, и ты прекрасно об этом знаешь. Я жив, и я не умру на том корабле, но я осквернен.

— Мной?

— Подумай — и поймешь.

Помолчав, Палмер Элдрич пожал плечами и сказал:

— Ладно. Меня изгнали из одной планетной системы… не буду говорить из какой, поскольку это не имеет никакого значения, — тогда я вселился в этого сумасшедшего, желающего быстро разбогатеть представителя вашего вида. Небольшая часть меня перешла и в тебя. Однако лишь небольшая. Постепенно, с течением времени ты от этого избавишься. Другие колонисты ничего не заметят, поскольку это затронуло и их; это произошло, когда они приняли средство, которое я им дал.

— Мне хотелось бы знать, — сказал Барни, — чего ты намеревался достичь, снабжая нас

чуинг-зет.

— Вечности, — спокойно ответило сидевшее напротив него существо.

Барни поднял глаза:

— Размножение?

— Да, единственным доступным мне способом.

Охваченный отвращением, Барни сказал:

— Боже мой. Мы все были бы твоими детьми.

— Теперь уже не о чем беспокоиться, — сказало существо и весело, совсем по-человечески рассмеялось. — Занимайся своим огородом, копай оросительную систему. Я, честно говоря, с нетерпением жду смерти и буду рад, когда Лео Булеро сделает то, о чем он сейчас думает… что он планирует сейчас, когда ты отказался принять токсин, отравляющий мозг. Во всяком случае, я желаю тебе счастья здесь, на Марсе; мне бы такая жизнь вполне подошла, но что делать… не вышло.

Элдрич встал.

— Ты мог бы вернуться в прежнее состояние, — сказал Барни. — Вернуть себе тот облик, в котором ты пребывал, когда тебя встретил Элдрич. Тебе незачем торчать здесь, в его теле, когда Лео откроет огонь по твоему кораблю.

— Мог бы? — насмешливо сказал тот. — Может быть, тогда меня ожидало бы нечто худшее. Ты не

можешь этого понять, ты — существо, жизнь которого относительно коротка, а короткая жизнь означает намного меньше… — Он замолчал, задумавшись.

— Не говори, — сказал Барни, — я не хочу этого знать.

Когда он снова поднял глаза, Палмера Элдрича уже не было.

Он закурил следующую сигарету.

«Что за болото, — подумал он. — Значит, так мы реагируем, когда наконец встречаем в Галактике другое разумное существо. И так ведет себя оно, так же глупо, как и мы, а со многих точек зрения и намного хуже. И этого никак не изменить. Уже не изменить.

А Лео думал, что конфронтация с Элдричем с помощью этого токсина дает нам какой-то шанс. Забавно.

И вот он я, не сделавший того, что должен был сделать, чтобы помочь суду. Физически и психически нечистый.

Может быть, Энн сумеет что-то для меня сделать, — вдруг пришло ему в голову. — Может быть, существует какой-то способ вернуться в предыдущее состояние — прежде чем нынешнее станет постоянным».

Он пытался что-то вспомнить, но он так мало знал о неохристианстве. Во всяком случае, стоило попытаться; всегда есть какая-то надежда, а в предстоящие годы она будет ему необходима.

Тем не менее существо, обитающее в глубинах космоса, а теперь принявшее облик Палмера Элдрича, в определенной степени было подобно Богу, а если даже оно и не было Им, решил Барни, то, во всяком случае, оно было частью Его творения. Так что часть ответственности лежала на Нем. Барни был убежден, что Он должен отдавать себе в этом отчет.

Только как заставить Его признать это? Это могло оказаться значительно более трудной задачей.

Может, стоило все же поговорить с Энн Хоуторн, она могла знать какой-нибудь способ, чтобы это совершить.

Хотя он сомневался в этом. У него было ужасное предчувствие: простое, легко облекаемое в слова, относящееся к нему самому и ко всем остальным, ко всей сложившейся ситуации.

Есть такая вещь, как спасение души. Однако…

Не для всех.

Возвращаясь на Землю из закончившегося неудачей полета на Марс, Лео Булеро постоянно

совещался с сопровождавшим его Феликсом Блау. Наконец они поняли, что нужно делать.

— Он постоянно путешествует между Венерой и другими планетами, а также своими владениями на Луне, — подытожил Феликс Блау. — А мы знаем, как легко уничтожить корабль, летящий в пустоте; даже небольшая дырочка…

Он проиллюстрировал свои слова жестом.

— Нам потребуется поддержка ООН, — угрюмо сказал Лео.

Ему и его организации разрешено было иметь только пистолеты. Ничего, что мог бы применить один корабль против другого.

— У меня есть некоторые данные, которые могут пригодиться, — сказал Феликс, копаясь в своем дипломате. — Как ты, наверное, знаешь, наши люди в ООН имеют доступ в кабинет Хепберн-Гилберта. Мы не можем заставить его что-либо сделать, но, по крайней мере, мы можем это обсудить.

Он достал какой-то документ.

— Наш Генеральный секретарь обеспокоен постоянным появлением Палмера Элдрича во время каждого из так называемых перевоплощений, вызванных употреблением чуинг-зет. И он достаточно умен, чтобы правильно интер-

претировать этот факт. Так что, если это будет повторяться, Хепберн-Гилберт окажется, несомненно, более склонным к сотрудничеству, по крайней мере тихому…

— Позволь тебя кое о чем спросить, — прервал его Лео. — С каких пор у тебя искусственная рука?

Взглянув, Феликс удивленно хмыкнул. Потом, посмотрев на Лео Булеро, сказал:

— И у тебя тоже. Кроме того, у тебя что-то не в порядке с зубами, открой рот, давай посмотрим.

Лео без слов встал с кресла и пошел в туалет, чтобы взглянуть на себя в большое зеркало.

Не было никаких сомнений — даже глаза. Смирившись, он вернулся на свое место. Некоторое время оба молчали, Феликс механическими движениями листал документы — о боже, думал Лео, действительно механическими! — а его клиент попеременно смотрел то на него, то на усыпанную звездами пустоту межпланетного пространства.

Наконец Феликс сказал:

— В первый момент человек глупеет.

— Да, — хрипло согласился Лео. — И что теперь? Что будем делать?

— Примем как должное, — ответил Феликс.

Он пристально разглядывал людей, сидевших по другую сторону прохода. Лео тоже посмотрел и тоже увидел. Та же деформированная челюсть. Та же блестящая металлическая правая рука, одна — держащая газету, другая — книгу, третья — нетерпеливо постукивающая пальцами. Все одинаковые, во всех креслах, до самой кабины пилотов.

«И там наверняка тоже, — понял Лео. — Все».

— Однако я все-таки не совсем понимаю, что это значит, — беспомощно сказал Лео. — Значит, мы… ну, ты знаешь. Под влиянием этого ужасного наркотика и…

Он безнадежно махнул рукой.

— И мы оба сошли с ума.

— Ты принимал чуинг-зет? — спросил его Феликс.

— Нет. Со времени той инъекции на Луне — нет.

— Я тоже нет, — сказал Блау. — Совсем. Значит, оно распространяется. Даже без употребления наркотика. Он везде, вернее, оно везде. Великолепно, Хепберн-Гилберту придется пересмотреть свою позицию. Ему придется взглянуть фактам в лицо. Думаю, Палмер Элдрич совершил ошибку, он слишком далеко зашел.

— Может быть, он не смог удержаться, — сказал Лео.

«Может быть, эта проклятая тварь ведет себя как протоплазма, она должна поглощать все вокруг себя и разрастаться… инстинктивно расти и расти. Пока ее не уничтожат, — думал он. — И это должны сделать мы, в особенности я — хомо сапиенс эвольвенс. Я — человек будущего. Если только ООН нам поможет. Я — спаситель новой расы».

Он думал о том, достигла ли уже эта зараза Земли… Цивилизация Палмеров Элдричей: седых, худых, сгорбленных и необычно высоких, и каждый с искусственной рукой, стальными зубами и электронными глазами. Это было бы не слишком приятно. Он, спаситель, содрогнулся, представив себе подобную картину.

«А если это затронет и наш разум? — задавал он себе вопрос. — Не только внешний облик, но и мозг… Что тогда будет с моим планом — убить эту тварь?

Уверен, что это нереально, — подумал он. — Я знаю, что прав я, а не Феликс; я все еще нахожусь под действием первой дозы — я так и не пришел в себя, такова правда».

Эта мысль принесла ему облегчение: все еще

существовала настоящая, нетронутая Земля, лишь он один пострадал. Не важно, насколько подлинными могли казаться сидевший рядом Феликс, корабль и воспоминания о визите на Марс и разговоре с Барни Майерсоном.

— Эй, Феликс, — сказал он, толкнув его локтем. — Я призрак. Понимаешь? Это мой собственный мир. Естественно, я не могу этого доказать, но…

— Мне очень жаль, — лаконично ответил Феликс, — но ты ошибаешься.

— А, перестань! В конце концов я проснусь, когда этот паршивый наркотик перестанет действовать. Я буду пить много жидкости, чтобы быстрее вымыть его из организма.

Он махнул рукой.

— Стюардесса! — крикнул он. — Дайте нам выпить. Для меня бурбон с содовой.

Он вопросительно посмотрел на Феликса.

— Мне тоже, — буркнул тот. — Только с кусочком льда. Однако много льда не кладите, когда он тает, от него портится вкус.

Вскоре стюардесса вернулась с подносом.

— Вам со льдом? — спросила она Феликса.

Это была симпатичная блондинка с зелеными, блестевшими, как драгоценные камни, глазами, а

когда она наклонилась, Лео заметил ее безупречной формы грудь. Лео с интересом посмотрел на девушку. Однако деформированная челюсть портила все впечатление. Он почувствовал себя обманутым, обокраденным. Он вдруг заметил, что исчезают и глаза за длинными ресницами. Они превратились в… Он отвернулся, разочарованный и подавленный, и больше не смотрел на нее, пока девушка не ушла. Он осознал, что в отношении женщин эту перемену будет особенно трудно перенести; в частности, он без особого удовольствия думал об очередной встрече с Рони Фьюгейт.

— Видел? — спросил Феликс.

— Да, и это доказывает, что мы должны действовать быстро, — сказал Лео. — Сразу же, как только мы приземлимся в Нью-Йорке, нужно разыскать это ничтожество, Хепберн-Гилберта.

— Зачем?

Лео внимательно посмотрел на него и показал на искусственные блестящие пальцы, в которых Феликс держал бокал.

— Собственно, я ими доволен, — ответил Феликс.

«Я тоже так думал, — подумал Лео. — Именно этого я и ожидал. Однако я все еще верю, что

доберусь до тебя, если не на этой неделе, то на следующей. Если не в этом месяце, то когда-нибудь. Я знаю, я уже знаю себя и знаю, на что я способен. Все зависит от меня. И очень хорошо. Я в достаточной степени заглянул в будущее, чтобы никогда не сдаваться, даже если я буду единственным, кто не сдался, кто продолжает вести прежний, доэлдричевский образ жизни. Ни на что иное, кроме веры в силу, которой я с самого начала обладаю, я не могу опереться, чтобы победить. Так что в некотором смысле это не я, это нечто внутри меня, до чего даже Палмер Элдрич не в состоянии добраться и поглотить, поскольку это не есть часть меня и не может быть мною утрачено. Я чувствую, как оно растет. Противостоя внешним, несущественным изменениям, таким как рука, глаза и зубы, оно свободно от всех стигматов зла, которые Палмер Элдрич привез с Проксимы: отчуждения, отрыва от действительности и отчаяния.

Мы уже жили тысячи лет под гнетом древнего проклятия, — думал он, — которое частично уничтожило нашу святость, источник которой был намного могущественнее, чем Элдрич. А если и оно не в состоянии полностью лишить нас души, то что же еще способно на это? Неужели

оно собирается довершить начатое? Если оно этого хочет… если Палмер Элдрич верит, что для этого он здесь, — он ошибается. Поскольку этой силой я был наделен, не зная об этом… и даже то древнее проклятие не смогло меня ее лишить. Ну так что же?

Мне говорит об этом мой эволюционировавший разум, — подумал он, — э-терапия не прошла даром. Может быть, с некоторой точки зрения я не буду жить так долго, как Палмер Элдрич, но с другой — значительно дольше; я прожил сто тысяч лет ускоренной эволюции и стал очень мудрым — это окупилось. Теперь для меня все ясно. А на курортах Антарктики я найду других, подобных мне; мы создадим гильдию спасителей, спасающих остальное человечество».

— Эй, Блау, — сказал он, толкнув Феликса искусственным локтем. — Я ваш потомок. Элдрич прибыл сюда из другого пространства, а я из другого времени. Понимаешь?

— Угу, — буркнул Феликс Блау.

— Посмотри на мой череп, высокий лоб, я шароголовый. А этот гребень: не только на макушке, но и на всей голове. Так что в моем случае терапия действительно дала результаты. Поэтому пока не сдавайтесь. Верьте в меня.

— Хорошо, Лео.

— Держись рядом со мной. Ты будешь мне нужен. Может быть, я буду смотреть на тебя парой люксвидовых искусственных дженсеновских глаз, но я все еще буду там, внутри. Хорошо?

— Хорошо, — ответил Феликс Блау. — Хорошо, Лео.

— «Лео»? Как ты можешь продолжать называть меня «Лео»?

Выпрямившись в кресле, изо всех сил стиснув подлокотники, Феликс Блау умоляюще посмотрел на него:

— Подумай, Лео. Ради бога, подумай.

— Ну да, — внезапно протрезвев, кивнул Лео. — Извини. Это пройдет. Я знаю, что ты имеешь в виду; я знаю, чего ты боишься. Однако это ничего не значит.

Потом он добавил:

— Я буду думать, как ты говоришь. Я не забуду.

Он торжественно кивнул в знак обещания.

Корабль мчался вперед, все ближе и ближе к Земле.